

ВАСИЛИЙ ВЕДЕНЕЕВ

ДИКОЕ ПОЛЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РУССКАЯ ТРОЙКА»

Ш

Библиотека приключений и научной фантастики

Василий Веденеев

Дикое поле

«Центрполиграф»

1995

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Веденеев В. В.

Дикое поле / В. В. Веденеев — «Центрполиграф»,
1995 — (Библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-227-09831-3

Историко-приключенческий роман «Дикое поле» посвящен истории зарождения российской разведки. Середина XVII^овека. Тайная разведшкола в монастыре. Смертельные сечи и погони, секретная миссия казака Тимофея Головина в Стамбул, где решаются судьбы войны и мира. Невольничьи рынки, мусульманские галеры, дерзкие побег и борьба с венецианской, турецкой и польской разведками — таков путь молодого русского разведчика.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09831-3

© Веденеев В. В., 1995
© Центрполиграф, 1995

Содержание

Пролог	6
Глава 1	19
Глава 2	42
Глава 3	63
Глава 4	86
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Василий Веденеев

Дикое поле

© В. В. Веденеев, наследники, 2022

© Художественное оформление серии, ООО «Издательство Русская Тройка»™, 2022

© «Центрполиграф», 2022

* * *

Памяти предков, защитников России, посвящаяю

В тайнах всегда есть нечто мистическое и завораживающее, но особенно притягательны тайны древних разведок, скрытые мраком веков. Возможно ли рассеять его и, приподняв завесу времени, заглянуть в прошлое? Ведь за минувшие столетия выцвели буквы рукописей, потемнели лики святых, скорбно глядящих с икон, потускнело шитье боевых хоругвей – свидетелей славных побед русских воинов. И только в волшебных снах еще приходят ко мне из тех давних времен отважные всадники с зоркими, как у степных беркутов, глазами...

Но взгляды в росписи соборов, осторожно перелистаем пожелтевшие страницы летописей, примерим по руке старинное оружие. Умерла ли слава наших предков?

Давайте вместе отправимся туда, где над многострадальной русской землей гуляют буйные ветры, и встанем плечом к плечу с отважными разведчиками, которые первыми проникали далеко в глубь басурманских земель. Встанем под старыми, овеянными немеркнущей славой знаменами, сжимая в руках грозное оружие. Мы увидим дальние страны и города, услышим гулкий топот лихих конных лав и сабельный звон жуткой сечи, посвист стрел и скрип весел турецких галер, стоны невольничьих рынков и гром казачьих пушек.

Пойдем же, читатель, тайны былого ждут нас...

Автор

Пролог

В середине марта 1621 года по обледенелой после недавней оттепели дороге катил санный возок. За Москвой-рекой клонилося к закату солнце, красное, как червлёный славянский щит. Мороз был легок и сух. Из лошадиных ноздрей вырывались облачка пара и оседали на лохматых мордах. Пахло свежим снегом, смолой, деревом.

Князь Иван Борисович Черкасский, глава приказа Большой казны, выглянул в слюдяное окошко: проезжали Гончарную слободу. В стороне от дороги мужики ладили сруб новой избы. Взблескивали в лучах заходящего солнца острые топоры, горкой ложилась светлая золотистая щепка.

«Спешат засветло закончить, – подумал князь, откидываясь на спинку покрытого ковром сиденья. – Строят ладно, в обло вяжут – углы в избе промерзать не будут. Да в этом ли дело? Строятся... Стало быть, верят, что не бывать больше лихолетью».

Иван Борисович, поправив широкий воротник шубы, спрятал в пушистый мех лицо. Прикрыл глаза, покачиваясь в такт движению возка. Сколь многое произошло в не столь давние, но такие тяжкие для родной земли годы: нашествия иноземцев, царствование Лжедмитрия, междоусобицы, мор, голод, непосильная для Державы война и, наконец, восшествие на престол Михаила Фёдоровича Романова...

Возок проскочил слободу и полетел вдоль реки. Глухо простучали по бревенчатому мостику подковы коней сопровождавших князя вооружённых холопов. Впереди, на высоком берегу, показались Крутицы. Князь вздохнул: отец Авраамий, бывший келарь Троице-Сергиева монастыря, в смутное время воодушевлявший народ на борьбу с захватчиками, обосновался сейчас на Крутицком подворье. Он прислал Ивану Борисовичу грамотку, приглашая поговорить о деле весьма важном и тайном. Получив грамотку, Черкасский задумался: зачем зовет его старец, о каком тайном деле хочет вести речь? Насколько было известно Ивану Борисовичу, никто из ближних государю бояр на Крутицкое подворье сегодня не приглашен, значит, не доверяет старому боярству святой отец ни слов своих, ни дел, ни мыслей. Не может простить, что в лихую для Отчизны годину отсиживались они в дальних вотчинах...

Распахнулись тяжелые ворота, впуская приезжих. Один из холопов соскочил с седла и, открыв дверцу возка, помог князю выйти. Ступив на припорошенные снегом плиты просторного двора, Иван Борисович увидел в дальнем углу еще возок и верховых лошадей, заботливо покрытых теплыми попонами. Уже сгущались синеватые мартовские сумерки, и никак не разглядеть слабеющими глазами, чей же это возок, что за люди рядом с ним. Тощий носатый монах, прикрывая ладонью огонек масляного светильника, повел Черкасского в покои. Авраамий встретил у порога. Дал поцеловать сухую, пропахшую ладаном руку, легко перекрестил князя и отступил в сторону.

– Рад, что ты приехал. А у меня гость дорогой.

Качнулось пламя свечей. Из-за стола поднялся князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Вот чей возок на дороге, понял Иван Борисович.

Поздоровавшись с Дмитрием Михайловичем, Черкасский опустился на скамью. Напротив устроился Пожарский. Во главе стола сел Авраамий.

– Собрались великим постом, однако время вечерять. Не откажите, бояре, отведать хлеба-соли. – Он хлопнул в ладоши.

Два инока внесли блюда с капустной кулебякой, вареными судаками и солеными рыжиками. Поставили миски с овсяным киселем, кубки, стеклянные посудины с вином. Отослав прислужников, старец быстро прочел молитву, благословляя трапезу. Пожарский чуть пригубил кубок и отставил.

– По моей просьбе и по совету отца Авраамия собрались мы сегодня.

Черкасский вскинул глаза на прославленного воеводу, молча ожидая продолжения.

– Тебе, князь, государь повелел иметь начало над всеми силами окраинных городков и засечными работами, чтобы оградить Русь от набегов.

– Это правда, – пытаюсь понять, куда клонит Пожарский, степенно согласился Иван Борисович. – Тяжкий урон несем от татар и турок. Государь указал новые городки строить, засеки ладить, валы насыпать, людей в городках поселять, обучать их ратному делу, чтобы от степи заслониться, как щитом.

– Дай Бог! – перекрестился Авраамий. – Но и Запад забывать нельзя: там тоже на наши земли зарятся. А Державе сейчас, как больному человеку, лекарства надобны: мир, торговля и покой народа.

Черкасский в ответ тихо рассмеялся – не простые у него сегодня сотрапезники: все ходят вокруг да около.

– Разве я против? Да как от войны убережешься?

– Да кто говорит, что ты против? – Пожарский усмехнулся. – Засечные линии – одна защита. Сильное войско – защита другая, а казаки – защита третья. Но есть и четвертая защита: надо в чужих землях верных тайных людей иметь, чтобы они о замыслах врага заранее предупредили.

– Одна воинская сила без хитрого разума мало стоит, – поддержал старец.

Черкасский слегка откинулся назад, переводя взгляд с одного собеседника на другого. Ловко повернули! Но куда гнут?

– Есть у нас такие людишки, – устало промолвил Иван Борисович. – Как не быть? Казаки степняков ловят, купцы разные вести несут...

– Не то говоришь, – насутился Пожарский. Неужели они с Авраамием ошиблись, неужели не захочет понять их Черкасский – не примет их сторону, не поможет? – Купец всегда впереди и позади войны идет. У него один Бог: мошна с деньгами. Ей он молится...

– Вы что же, хотите за золото верные вести из чужих земель получать? – неожиданно разозлился Иван Борисович. – Потому и позвали меня, что я Большой казной ведаю? Так я вам прямо скажу: нет денег! Оскудела казна! Латиняне и татары до подарков и звонких червонцев жадны. Где на них золота наберешься? А ведомо ли вам, что поляки, запершись в Московском кремле, из пушек жемчугом стреляли? Золотые ефимки и дукаты плющили и забивали в ружья вместо пуль. Запас свинца у них за время осады вышел, так они государеву казну разграбили. Ружные книги¹ упадок показывают. Ехал я сюда и видел: мужики в Гончарной слободе сруб новой избы ладили. Поглядел на них и сердечно порадовался: верят, думаю, что не допустим больше врага на нашу землю. Вот и считай: когда мужик построится, когда у него хозяйство в силу войдет, только тогда он казне сполна платить будет. Двух шкур с одной овцы не содрать!

Князь засопел в бороду, успокаиваясь после внезапной вспышки гнева, и глухо продолжил:

– Велик урон от иноземного нашествия: сколько добра разграблено, сколько земель заросло бурьяном! А страшный мор? Сколько от него православных без покаяния на погосты свезли? И сейчас крепости строить надо, войско содержать надо. Иноземцам, на службу государеву приглашенным, платить надо. Вот ты, князь, говорил о казаках. Им государь хлеб, ружейный припас, порох посылает. Они люди гулящие, не сеют, не жнут, только саблями машут. От них гиль да смута идет. Даром разве пенял им великий государь: не задирайтесь с татарами, не ходите на море, не громите турецких городов. Не так давно и того хуже – пожгли донские казаки султанские дворцы в Константинополе². Разбойники, право слово!

¹ Ружные книги – налоговые ведомости того времени.

² Константинополь – современный Стамбул. В XVII в. на Руси часто именовался Царьградом, на Западе – Константинополем, а среди восточных народов уже имел неофициальное наименование Стамбул.

Пожарский рассмеялся:

– Сам не желая, Иван Борисович, высшую похвалу дал ты казакам. Такие храбрецы, что самого грозного турецкого султана заставили от них в его же столице прятаться!

– Э-э, – досадливо отмахнулся Черкасский. – Храбры казаки, спору нет. Зато своевольны и ненадежны.

Глаза Авраамия потемнели.

– Как можно забыть, что от Волги до Десны, от Оки до Дона лежит на русской земле Дикое поле? И не хлебом оно засеяно, а костями людскими, не потом пахаря полито, а кровью да слезами полонянников. И нет у Руси в том Диком поле защиты крепче, чем Войско Донское! Разве не православные люди донские казаки? Или им Русь не дорога? Головами своими они платят за освобождение от полона. Живут в скудости и постоянной войне, обороняя наши рубежи от татар и турок. В деле, нами задуманном, на казаков опору должно иметь.

– Ну как знаете, – развел руками Черкасский. – Я с казаками ряд рядить не берусь, а иноземщине деньги платить за всякое вранье я тоже не потатчик.

В палате повисла гнетущая тишина. Наконец Пожарский нарушил молчание:

– Не горячись, Иван Борисович! Не о том сегодня речь. Надобно бы нам своих людей для тайного дела сбережения Державы иметь.

– Хорошо говорить, у теплой печи сидя, – резко обернулся к нему Черкасский. – А сделать каково?

– О том день и ночь думаю, – примирительно улыбнулся Дмитрий Михайлович. – Тебе государем велено обороной рубежей ведать, а это самое место для таких людей и есть. Ближе к рубежам нужно новый монастырь построить. К примеру у Муравского шляха. А в нем собрать молодых людей, духом и телом крепких, знающих языки чужих народов, и обучать их разным хитростям. На то и денег от казны просить не хотим. А еще сыскать здесь, в Москве, надежного человека, который питомцев того монастыря будет на Восток и на Запад отправлять, чтобы козни врага выведывали.

Пожарский одним духом осушил стоявший перед ним кубок, словно в горле у него пересохло после того, как произнес главные за сегодняшний вечер слова. Авраамий впился глазами в лицо Черкасского, ожидая ответа.

«Дело говорит, – подумал Иван Борисович. – Действительно, своих людей в чужих землях пора иметь, нечего иноземцам огульно доверять. Продадут со всеми потрохами и не поморщатся».

Горько усмехнувшись, князь поглядел на свои руки, делая вид, что любит игру пламени свечей в камнях дорогих перстней. Но и тянуть долго нельзя, надо отвечать. Однако что ответить, если в Москве нужного для тайного дела человека отыскать нелегко. Ближние к государю бояре к этому неспособны: больше о своих вотчинах пекутся, чем о благе Державы. Детки их и того лучше – дуралеи – «аз» от «буки» не отличают, знай гоняют голубей на крышах теремов да дворовых девок портят. Иные из бояр в черной измене замешаны: самозванцу служили, полякам помогали.

– Людей много надо, – не поднимая головы, сказал Черкасский. – А здесь, в Москве, найдем ли?

– О монастыре не тужи. – Авраамий светло улыбнулся, поняв, что глава приказа Большой казны встал на их сторону. – Настоятеля я уже подыскал.

– Это кого же? – живо заинтересовался Пожарский.

– Отца Зосиму. Муж ученый, до пострига в монашество воином был знатным. И главное, о родной земле душой радеет. Найдем и людишек, языки и обычаи иноплеменные разумеющих. Патриаршее благословение на постройку обители будет!

– Ну а я о московских делах подумал, – сказал Пожарский. – Нашел молодца, пригодного во всех отношениях: воин добрый и в грамоте силен. По-татарски, польски, гречески и латыни

мыслит быстро, за словом в карман не лезет, но где нужно, смолчит. Чужие края повидал. Повадки вражеские – что тайные, что явные – ему хорошо известны.

Иван Борисович уперся кулаками в лавку и недоверчиво хмыкнул. Поди ж ты, уж больно складно все получается, прямо как по писаному. Не успел палец протянуть, а уж всю руку заграбастали. И настоятель для монастыря есть, и патриаршее благословение, почитай, получено. И даже в Москве подходящего человека разыскали!

– Стало быть, на готовое позвали? – криво усмехнулся Черкасский, не сумев скрыть досаду.

Авраамий встал, неслышными шагами прошелся по палате, придерживая рукой большой наперсный крест. Остановился напротив Ивана Борисовича и сказал:

– Не держи обиды на сердце. О деле радеем.

– Верно, – помолчав, признал Черкасский. – Думаю, человека князя Пожарского надо определить на службу по Посольскому приказу. Тогда о всех договорах и делах иноземных знать будет, а его связь с казаками лишних разговоров не вызовет. И тайну хранить легче: чужим умам не дознаться, на что и куда деньги идут. Полагаю, подчиняться он должен мне или Дмитрию Михайловичу, а нам уже все доводить до государя. На крайность, можно открыться главе Посольского приказа... Как бы поглядеть на твоего молодца, князь?

Пожарский встал, подошел к двери, распахнул ее и негромко окликнул кого-то. Черкасский и Авраамий обернулись посмотреть, кто появится на зов воеводы. Вот он и вошел.

Иван Борисович прищурился, ревниво разглядывая питомца Пожарского. Статен, высок ростом, широкоплеч. Короткая, чуть вьющаяся русая бородка и густые усы, под которыми лукаво улыбаются румяные губы. Светлые пытливые глаза смотрят настороженно.

– Никита Авдеевич Бухвостов, – представил его Пожарский. – Московский дворянин.

– Знаешь, зачем зван? – спросил Черкасский.

– Знаю, боярин. – Голос у Никиты был густой, низкий, под стать могучему телосложению.

– Не боязно? – продолжал допытываться князь.

– Нет, боярин. Дело Державе нужное. Какая же боязнь?

– Молодец, – скупно похвалил Иван Борисович. – Людей надежных найдешь?

– Найдем! Среди стрельцов, детей боярских да городских дворян поищем. Казаков поспрашаем, торговых гостей.

– Смел, однако. Казаков не боишься?

– Чего их бояться? – улыбнулся Никита. – Небось не тати³.

– Смотри! – Черкасский налил полный кубок и подал его Бухвостову. – Тебе с ними дело иметь, донцы – по Посольскому приказу. Пей чару! Сегодня много говорить не станем, найдется время не раз обо всем перетолковать. Теперь, думаю. Дмитрий Михайлович, будет с чем пойти завтра к государю...

В свой возок Иван Борисович усаживался ночью. Горели высоко в небесах неяркие звезды. Сырой, холодный ветер в клочья рвал пламя факелов в руках монастырских служек, норовя забраться под шубу и остудить тело. Лучше бы остудил горевшую от дум голову, помог собрать разбегающиеся мысли, привести их в порядок.

Верховые холопы горячили застоявшихся коней, бряцала сбруя, холодно взблескивало оружие. Отдохнувшие сытые лошади резко приняли с места. Взвизгнули по смерзшемуся насту полозья. За слюдяным окошком возка смутно мелькнули распахнутые створки ворот и монах в долгополом тулупе, низко кланявшийся уезжавшему боярину...

Вскоре остался позади высокий берег Москвы-реки. Проезжая через Гончарную слободу, Иван Борисович захотел посмотреть: успели мужики сладить сруб или нет? Но валил густой мокрый снег, мешавший разглядеть что-либо: так и крутит, так и метет, крупными хлопьями

³ Тать – разбойник (*старорус*).

оседаю на крышах, увеличивая сугробы на речном льду, стирая призрачную грань между темным небом и ставшей светлой от выпавшего снега землей.

«Снег – это хорошо, – зябко кутаясь в шубу и предвкушая, как он вернется к себе, в тепло протопленные горницы, думал Черкасский. – Снег к урожаю! Дал бы то Господь...»

* * *

В одну из темных августовских ночей 1629 года к турецкому берегу тихо подплыли казацки струги. Неслышными тенями проскользнули они мимо сторожевых башен Азова и вышли в море. Несколько дней пути и вот потрепанные непогодой суденышки ткнулись носами в прибрежную гальку. Ни говора, ни шума, ни звяканья оружия. Словно призраки спрыгнули на берег и растворились в темноте, подбираясь к стенам города...

Глухо стукнула тетива. Тяжелая стрела, выпущенная из длинного, туго натянутого лука, басовито прогудев, вошла в горло турка, стоявшего на верхней площадке надвратной башни. Не вскрикнув, он кулем осел на деревянный помост.

– Медед! Помогите! – испуганно заорал его напарник и тут же свалился, срубленный острой казацкой саблей.

На стены и башни уже лезли бородатые, пестро одетые люди с обнаженными клинками и пистолетами в руках.

– Мать твою!.. Гей, станишники!

– На распыл басурманов! Руби их!

– Во имя Отца... и Сына... и Святого Духа! – приговаривал огромный, до глаз заросший сивой бородачей поп в драной рясе, круша тяжелым шестопером налево и направо, разбивая турецкие головы, проламывая щиты и досадливо отмахиваясь от направленных ему в грудь пик.

– Ворота! – повелительно крикнул атаман.

Несколько донцов, рискуя сломать шеи, спрыгнули с башни и, быстро изрубив стражу, распахнули створки окованных железом городских ворот. Толпа казаков с гиканьем и разбойным посвистом, вызывавшим у турок панический страх, ринулась на узкие грязные улочки, скудно освещенные выглянувшей из-за туч ущербной луной. Их товарищи забрались на стены, неся смерть пытавшимся сопротивляться сияхтярам – воинам наемного турецкого корпуса. Замелькали огни факелов, дымно занялось зарево первого пожара. Где-то высоким голосом вопил недобитый турок, призывая на помощь Аллаха, которому в эту страшную ночь было явно не до него.

На перекрестке, рядом со старой мечетью, вплотную сдвинув щиты и угрожающе выставив длинные пики, казаков встретила городская стража. Построившись в несколько рядов, турки живой стеной перегородили улочку, надеясь сдержать напор воинственных пришельцев. Повинуясь команде начальников, стража сначала медленно двинулась вперед, с каждым шагом ускоряя движение, чтобы крепче ударить по врагу, нанизать проклятых гяуров на острия пик, разорвать сталью их плоть, выбросить за городскую стену, а там довершить дело ятаганом.

– Алла! Алла! – подбадривая себя, кричали турки. – Смерть урус-шайтанам!

Но разве есть в мире сила, способная остановить казака, идущего на святое дело освобождения братьев из неволи? Нет такой силы!

– Пушку! – приказал атаман.

Казаки расступились, давая дорогу пушкарям, тянувшим Фальконет. Турки теснее сомкнулись и побежали быстрее, стремительно сокращая расстояние. До них осталось полтора десятка шагов...

Бухнула выкаченная на прямую наводку пушка, сразу пробив брешь в рядах стражи. Полетели наземь разбитые щиты. Дико завывали раненые, перекрывая треск разгоравшихся пожаров и лай обезумевших собак.

Молниями сверкнули казачьи сабли. Залпом ударили ружья и пистолеты. Замертво пали первые турецкие смельчаки, не знавшие, что каждый казак в бою стоит десятка, поскольку донец родится и умирает с острой саблей в руках. Отрубая наконечники пик, ловко разя противников через щиты, казаки врезались в турецкий строй, заставили его распасться и отступить.

– Бей, руби, в полон не бери! – гремел над улочкой бас походного атамана. – Будет помнить басурманское племя казачий клинок!

В душной темноте, разорванной всполохами пламени, били, рубили, кололи, душили друг друга люди разных вер. Падали и умирали на истоптанной, скользкой от крови земле, расплачиваясь своими жизнями за свободу других! Через несколько минут жаркая схватка закончилась. Только жутко распластанные саблями тела остались на улочке у старой мечети. Всех турок порубили.

Багровое зарево поднималось над городом. В его неверном свете, под низко висящими крупными южными звездами, словно качались в дыму тонкие белые минареты. Дерзким, внезапным ударом казаки овладели городом и ринулись к невольничьему рынку, где в длинных приземистых строениях томился взятый на Руси полон.

– Православные есть? – громко кричали донцы, пробегая по темным улицам. И если слышали в ответ: «Есть, родимые, есть!» – вышибали двери, врываются в дома, сбивали с полоняников кандалы и деревянные колодки. Не слушая слов благодарности, торопили людей, ошалевших от счастья, внезапно обретенной, а казалось, навсегда уже потерянной, свободы.

– К морю беги, к челнам! Живей поворачивайся, пока турок не опомнился!

На невольничьем рынке, перебив оставшуюся стражу, тяжелым бревном вышибали двери темниц, выпускали пленных и под охраной отправляли на берег, к стругам.

– Поторапливайся! – командовал атаман, поспевавший появиться везде, где только случалась в нем нужда, будь то жестокая сеча с турками или никак не желавшие поддаваться двери тюрьмы. – Потом добычу разглядывать станем. Выводи православных из города...

На площадь невольничьего рынка Савелий Мокрый не попал – замешкался, когда бился с городской стражей, отмахиваясь клинком от наседавших на него турок. Пока их порубал, пока кинулся догонять своих, пока понял, что свернул в темноте не на ту улочку – заплутал в басурманском городе. Темень кругом, где-то истошно кричали, трещало в огне дерево, дым щипал глаза. Неподалеку стреляли. Куда бежать? Наверное, надо на шум драки подаваться? Опять кругом неудача, даже здесь, если от своих умудрился отстать.

Удачливым Мокрый себя не считал – что всем Бог дал, то и ему. Не раз ходил он под Азов и другие турецкие городки, рубился в степи с татарами, чтобы полон освободить да добыть себе зипун. Но когда наступало время дуванить хабар – делить взятую в набеge добычу, – доставалось Савелию всякое совершенно ненужное барахло – шелк, бархат или бабья накидка, вышитая жемчугами. Зачем это бобылю, перекати-полю? И спускал он добро без всякой жалости, чтобы вскоре вновь прибиться к ватаге и уйти в лихой набег: там веселее, там огонь пожаров и жестокая сеча, там дышишь полной грудью, и жизнь кажется мимолетной, как тонкий посвист каленой стрелы.

Правда, хранил Савелий одну заветную вещицу, не считая, конечно, коня и сабли, – без них какой же он казак? Много раз просили продать или обменять мотавшуюся в ухе у Мокрого золотую серьгу со вставкой из кусочка исфаганской бирюзы, но он не соглашался: берег как память о набеге на персидский караван. Хотя, бывало, жгла ему та серьга душу непреходящей болью.

Случилось это несколько лет назад. Пристал Мокрый к крепкой ватаге отчаянных удальцов. Ватага сбилась невелика, чтобы доля добычи на каждого оказалась больше. Зато любой казак – сорвиголова. Ушли верхами в поле, выследили караван и налетели с гиком и посвистом, на скаку без промаха стреляя из ружей. Савелий направил скакуна в середину каравана: там обычно товары получше и народец побогаче. Но неожиданно нарвался на выстрел: так и ожгло пулей щеку! Чуть правее взял бы басурман – и больше никогда казаку не ходить в набег.

Молодой чернобородый перс откинул бесполезный пистолет и быстро выдернул из ножен кривой клинок, хищно блеснувший на жарком степном солнце. Да не так прост был и казак. Зазвенела сталь, высекая синеватые искры, и лег перс на выжженную зноем землю, задрав навстречу небу окровавленную бороду.

Вскрикнул тут кто-то жалобно и тонко, словно раненая птица. Оглянулся Мокрый и похолодел. Молодая басурманская девка, сидевшая на повозке, запустила себе под левую грудь длинный узкий кинжал. Кинулся он к ней, хотел спасти: ведь не по-божески это, если человек, да еще баба, пусть даже басурманской веры, жизни себя лишает. Пусть и не крещеная, но не простит Господь такой грех! Но не успел: упала она под копыта его коня рядом с тем персом – как знать, мужем, братом, женихом?

Спешился Савелий и снял с нее на память золотую серьгу с камушком бирюзы. Больше ничего не захотел он взять из добычи, оговорив себе право оставить только эту серьгу. И дал казак после этого случая клятву Пресвятой Богородице, что за нечаянно погубленную им жизнь, не жалея себя, вызовет из неволи столько душ христианских, сколько сможет. И будет соблюдать клятву, пока не сложит буйную голову...

Мокрый свернул в очередной проулок и неожиданно наткнулся на трех турок. Щедро раздавая тумаки, они выгоняли из дома женщин, до глаз закутанных в широкие шали. Женщины визжали, цеплялись за узлы, а мужчины сердились и бряцали оружием.

– Я аюха! Сюда! – не разглядев в темноте, кто перед ним, окликнул казака один из басурман. Но тут же понял, что ошибся, и метнул в Мокрого короткое копье.

Савелий ловко увернулся, и наконецник копья чиркнул по обожженной солнцем стене. Поудобнее перехватив саблю, он пожалел, что засунутые за пояс пистолеты уже разряжены, и смело двинулся на противников.

– У-у, шайтан! Язык сана! Горе тебе! – закричал турок, замахаясь клинком, но рухнул с разрубленной головой. Попусту грозить казаку не стоило: Савелий словам предпочитал дело и чувствовал саблю как продолжение собственной руки.

Два других турка, видя скорую гибель товарища, быстро отскочили и принялись кружить, пугая Мокрого ложными выпадами и при этом опасаясь повернуться хоть на миг к нему спиной. Решив не затягивать схватку, Савелий неожиданно прыгнул вперед и наотмашь полоснул одного из турок саблей, но тот смело отбил удар. Казак волчком крутанулся на месте и успел воткнуть клинок в грудь второго османа, хотевшего срубить его сзади. Женщины побросали узлы и с воплями разбежались.

Оставшийся в живых турок начал пятиться, но вдруг ринулся на Савелия: в одной руке он сжимал кривую саблю, в другой – длинный ятаган. Это Мокрому не понравилось: басурман, видать, обезумел от ярости и решил любой ценой утянуть за собой казака в ад. Ну, поглядим, кто ловчее?

Бешено вращая перед собой клинком, чтобы не дать противнику возможности сделать выпад, Савелий стал потихоньку отступать, поддразнивая турка. Улучив момент, казак метнулся в сторону и, оказавшись сбоку от ринувшегося вперед османа, концом сабли рассек его голую шею. Сделав два-три неверных шага на подгибающихся ногах, тот залился темной кровью и упал вниз лицом.

Услышав сзади шорох, Мокрый быстро обернулся: какие еще бесы притаились здесь? На пороге дома, скудно освещенного отблесками пожара, стоял мальчонка в длинной рубахе: обритая головенка с торчащими ушами, тонкая шейка, худенький, что твоя тростинка.

– А-а, – облегченно вздохнул казак. – Нок бурда апын! Нет тут твоей матери. Туда, туда беги! – Он махнул рукой в темноту.

Мальчишка расширившимися глазами поглядел на порубанных турок и, выставив, как слепой, перед собой руки, шагнул к Мокрому.

– Я верил, ждал, Бога молил! Не оставляй меня! – крикнул он, упав на колени.

– Святые угодники! – пробормотал ошарашенный Савелий. – Никак русский?

– Русский, русский, – заплакал мальчик. – Не оставляй!

– Ну-ну, – Мокрый неумело погладил его по голове, – не бойся! Звать как? Имя свое помнишь ли?

– Тимоша, – хлюпнул носом малец.

– Давай, Тимоха, ноги в руки брать. – Савелий кинул саблю в ножны. – Басурманы вот-вот подмогу приведут. Кончай реветь, бежим к морю.

– Не могу. – Мальчик сел на землю.

В темноте что-то тонко звякнуло. Казак опустил глаза и вздрогнул – от ноги мальчика тянулась цепочка, убегая за порог дома. У щиколотки тонкую ногу до кровавой язвы растер браслет кандалов.

– Матерь Божья! Что с детьми нашими делают! – И Мокрый сплеча рубанул по цепочке саблей. Но сталь со звоном отскочила от кованых звеньев.

– Там, в доме, надо, – сморщился от боли Тимоша.

Подхватив саблю убитого турка, Савелий кинулся в дом. Разбрасывая ногами валявшиеся на земляном полу вещи, отыскал столб и начал с остервенением рубить его. Наконец вбитая в толстое бревно кованая скоба поддалась и выскочила. С улицы сквозь треск пожаров и шум пальбы донеслось несколько пушечных выстрелов. Раздались крики турок:

– Алла! Алла!

– Скорее, – сунув цепь в руки мальчика, поторопил Мокрый. – Держи, чтобы по ногам не била. Айда за мной!

– погоди, – попросил Тимошка.

– Чего еще? – недовольно обернулся казак, с тревогой прислушиваясь к звукам боя. – Надо поторапливаться, не то могут и аркан на шею набросить.

– Помоги. – Мальчик поднял большой узел.

В конце улицы грохнул выстрел, завизжали турки. Мелькнули огни факелов. Мокрый подхватил сильной рукой Тимошку, взвалил на плечо узел и со всех ног кинулся в спасительную темноту...

На следующий год, в мае, на праздник Фалалея-огуречника, когда мужики да бабы сажают рассаду в прогретую ласковым весенним солнцем землю, к монастырской обители у Муравского шляха прискакал небольшой конный отряд. Жилистый казак с золотой серьгой в правом ухе требовательно постучал в ворота:

– Эй, чернецы! Отворяй!

На стук открылось маленькое оконце, и глухой бас спросил:

– Кого Господь послал?

– К настоящему отцу Зосиме от атамана Войска Донского. Отворяй!

– Скор больно, обождешь, – ворчливо ответил обладатель глухого баса. – Сейчас пошлю про вас сказать. Сам-то кто будешь?

– Савелий Мокрый с поручением от атамана, – гордо подбоченился казак.

– Жди. – Оконце захлопнулось.

Савелий махнул рукой, приказывая спешиться. Казаки слезли с седел, завели лошадей в тень монастырской стены, окруженной глубоким рвом: в тенечке не так доставало комарье.

Снова стукнула задвижка оконца, и внимательные глаза осмотрели приезжих. Вскоре тяжелые створки ворот со скрипом поползли в сторону, оставив узкий проход. Ведя коней в поводу, казаки по одному вошли в монастырь, и ворота за ними немедленно захлопнулись.

У крыльца церквушки их поджидал игумен отец Зосима. Невысокий, худенький, в простой рясе и порыжелой скуфейке. Передав лошадей коноводу, казаки сняли шапки и поклонились: сначала церкви, потом настоятелю, поглядывая при этом на стоявших за его спиной дюжих монахов, больше похожих на разбойников, для потехи надевших рясы.

– По здорову ли дошли? Спокойно ли в поле, детушки? – Игумен благословил гостей.

– Слава Богу! – нестройным хором ответили казаки.

Савелий важно сообщил:

– Велено нам атаманом передать тебе, отче, грамотку. – Он подал игумену завернутый в чистую тряпицу небольшой свиток пергамента. – А еще привезли мы тебе отрока.

Казаки расступились и подтолкнули вперед парнишку – худенького, светловолосого, синеглазого. Зосима молча оглядел его и повернулся к Мокрому, ожидая дальнейших объяснений.

– Взят был в полон татарами и продан туркам, – сказал Савелий. – Выручил я его из неволи при набеге.

– Богоугодное дело, – перекрестился игумен.

– Несколько лет прожил малец у басурман, язык их и обычаи знает. Хотел я его вместо сына оставить, но велел атаман к тебе отвезти, чтобы опять сиротой не остался.

– Как звать тебя? – Зосима положил руку на голову мальчика.

– Тимоша... Тимофей Головин.

– Вот и славно, – ласково улыбнулся Зосима. – Казак?

Мальчик насупился и кивнул. Старец быстро ощупал шею, плечи и грудь Тимоши легкими, но точными движениями опытного лекаря, отыскивая скрытую болезнь или неправильность сложения. Убедившись, что все в порядке, он удовлетворенно улыбнулся и спросил:

– Скажи-ка, как вежливый турок приветствует другого?

– Аллаха эманет олсун! Да хранит вас Аллах! – на восточный манер поклонился мальчик.

– Аллах иншини рает гетерсин! Да поможет и тебе Аллах в деле твоём, – ответил игумен, спрятав в бороде довольную улыбку. – И по-татарски знаешь?

– Да, отче. Год прожил я у татар, пока не продали меня туркам.

– Не принимал ли ты веры басурманской? – продолжал допытываться Зосима.

– Нет, отче.

– Родители твои живы? – погладил мальчика по голове игумен.

– Отца татары срубали, а где мать – не знаю. Полонили нас вместе, а продали порознь.

– Спаси ее Господь, – перекрестился старец. – Русской грамоте обучен?

– Нет, отче.

– И то ладно, – вздохнул Зосима и обернулся к Савелию: – Оставлю отрока при монастыре. Так и передай атаману.

– Тогда прими и пожитки. – Мокрый взял у стоявшего рядом казака большой узел и развернул его.

Измученному взору игумена предстал и турецкий шлем с тонкой золотой чеканкой, несколько толстых книг в кожаных переплетах, сабля в богато украшенных серебром бархатных ножнах. Зосима быстро нагнулся, взял одну из книг, раскрыл.

– Арабская. Откуда?

– Это добро взято самим мальцом при набеге. Он, по обычаю, его в общий кошт отдал, но круг приговорил добычу ему оставить, – объяснил Савелий.

– Похвальная добыча, – ласково поглаживая переплет книги, одобрил игумен. – Предстоит отроку, судя по добыче его, отменно владеть и саблей и словом. Быть тебе, Тимофей Головин, послушником в нашей обители. Отдохнете с дороги, казаки?

– Благодарим, отче. Но нам велено возвращаться, не мешкая.

Казаки поочередно обняли Тимошку и стали подходить под благословение игумена. Последним приблизился к нему Савелий. Наклонившись, чтобы поцеловать руку старца, он негромко сказал:

– Отче! Не вырастет ли малец книжником? Казак он отроду, степь его звать станет.

– Езжай с Богом! – тихо ответил Зосима. – Казак из него выйдет добрый.

Стоя рядом с игуменом, Тимоша полными слез глазами проводил выезжавших с монастырского двора казаков. Вот за воротами скрылся и его спаситель, Савелий Мокрый. Прощальный взмах руки, качнулась в ухе золотая серьга, сверкнув под лучами солнца исфаганской бирюзой, словно вобравшей в себя кусочек яркого голубого неба...

– Не тужи, приведет Господь, встретитесь. – Игумен обнял мальчика за плечи и увлек за собой. – У нас некогда скучать. Грамоте учиться будешь, говорить с тобой по-турецки и по-татарски начну, станем книги арабские читать.

– Зачем? – вытерев подолом рубахи мокрое лицо, удивился Тимоша.

– А ты умеешь править жеребцом в сече только ногами? Умеешь рубить лозу, вязкую глину и тонкую струю воды? Можешь ли биться на саблях двумя руками сразу?

– Нет, отче, – прошептал мальчик.

– Как же с ордой воевать, не умея держать в руках оружие? Нельзя. А если придется письма турецкие или татарские разбирать или надо будет своим весть подать? То-то! С врагом на его языке говорить способнее. Как татарина в поле ловить, не зная, какому богу и когда он молится, как вооружается и как в поход собирается, какие над ним начальные люди есть?

– Дадут мне коня? – шмыгнув носом Тимоша.

– Коня? Дадут и коня, и саблей владеть научишься. А еще мы научим тебя травы разные собирать и лечить болезни и раны, голоса птиц различать и подражать им, в степи или в лесу прятаться, чтобы враг рядом прошел, но не заметил. Под водой плавать научим, на кулачках биться, обороняться против пешего и конного. Потом эта премудрость дается. Сдюжишь?

– Сдюжу, отче! – упрямо наклонил лобастую голову мальчик.

– Если ослабнет дух твой, подумай о тех, кого поганые в полон ведут и продают на рынках, как скот... А вот и наставник твой, чернец Родион.

Игумен подвел мальчика к стоявшим у ворот монахам и показал на чернявого широкоплечего инок. Темные глаза Родиона цепко оглядели Тимошу, и огромная ладонь легла парнишке на плечо.

– Вставать будешь с рассветом, – перекрестив нового послушника, сказал Зосима. – Где спать и работать, Родион укажет. Холопов обитель не имеет: придется и косить, и огороды копать, и коней обиходить. Устав наш строг, непослушания не терпим. Наставника почитай, чего он велит, исполняй без сомнений. Худою здесь тебя никто делать не заставит. И помни: Господь не зря дал человеку два глаза, два уха и только один язык. Иди с Богом!

Подобрав полы широкой рясы, Родион легко зашагал по двору. Следом, стараясь не отстать, засеменял Тимоша. Проводив их взглядом, игумен обернулся к ожидавшим его распорядителей монахам:

– Федор!

Высокий монах сделал шаг вперед и поклонился.

– Возьмешь трех старших отроков, – приказал Зосима, – заводных лошадей, хлеб и оружие. В ночь поскачете на Москву. За грамоткой придешь ко мне в келью. Тебе, Сильвестр, сегодня ночной стражей ведать.

Рыжеватый инок с перебитым носом и завязанной тряпицей рукой тихо ответил:

– Надобно, отче, малую станицу в поле выслать – табун беречь. Непокойно в степи.

Игумен согласно кивнул: по весне просыхает степь и, как волки, сбиваясь в стаи, идут татары в набег. Что ж, вышлем станицу. Хоть не велик с виду монастырь, народу в нем как в муравейнике. И каждый чернец – опытный воин.

Отдав приказания, Зосима отправился к себе в келью разобрать вести, присланные атаманом.

«Ладного отрока привезли, – думал он, пересекая монастырский двор, – но сгодится ли Тимоша для дела тайной охраны рубежей? Время покажет».

Игумен остановился и поглядел, как играет в небе степной ястреб. Высоко под легкие облака взлетает он, далеко ему видно все, что творится в бескрайней степи. Вот бы так научить питомцев монастыря, да не дал Господь человеку крыльев.

Ничего, и так их здесь многому научат – на коне скакать, владеть любым оружием, находить дорогу по солнцу и звездам, тачать сапоги, шить конскую сбрую, коней лечить и обиходить, травы разные знать. Тех, кто покажет в нелегком учении толк и прилежание, оставят для большей учебы: читать Коран, знать закон басурманский, составлять тайные грамотки. Научатся питомцы вести хитрые разговоры, где лестью и посулами, а где угрозами выведывать тайны врага, прикидываться купцами, калеками, наводить на тело страшные язвы, напускать бельма на глаза и снимать их в мановение ока, менять обличье так, что и родная мать не признает. Особо одаренным открывают еще и вывезенное в давние времена из далекой страны Чин искусство владения двумя мечами. Далека эта страна, ох как далека, но вывезли оттуда сведущие люди древнюю боевую премудрость и сумели сберечь. И только ли эту тайну хранят крепкие стены монастыря?

Хотя какой монастырь? Крепость на окраинном рубеже, в которой монахи-воины не столько Богу, сколько делу Державы служат. Не зря на стенах стоят укрытые от чужого глаза длинноствольные пушки. Есть в монастыре искусные пушкари и сильный отряд легкой кон-

ницы. И живут здесь не столько по уставу монастырскому, сколько по укладу воинского лагеря, укрепившегося вблизи опасного неприятеля.

Да, крепость! И прибавляется в ней народу год от года. Много надо Державе людей, знающих тайное дело. Одни отроки, обученные монахами-воинами, будут ловить татарина в поле, выходить в степь дальней сторожей, быстрее ветра лететь на горячих скакунах, бросать аркан, рубиться саблей, словом и огнем заставлять пленного развязать язык. Другие же...

Другие пойдут в стан врага, станут неотличимы от него. Любое отличие – лютая смерть! А люди Востока изощренны в пытках. Питомцам Зосимы нужно многое знать и уметь, чтобы выжить, дойти, передать тайную грамоту нужному человеку, не погубив его. И вернуться обратно с важными вестями. Трудное и опасное дело: сколько придется качаться в седле, на волнах, лазать по горам, брести по пустыне. И всегда настороже, не выдав себя ни словом, ни жестом, ни взглядом среди недругов. Приходится молиться чужим богам, говорить на чужом языке, постоянно, даже во сне, быть настороже, опасаясь разоблачения.

Но есть и третьи! Те, кому предстоит провести среди врагов долгие годы, а может быть, и всю жизнь. Таких пока мало, но им особое внимание и забота: как жить Державе без надежных глаз и ушей, если грозят со всех сторон войной?

Кривавой клятвой на верность тайному делу обережения Руси вяжет питомцев отец Зосима – клятвой, обязывающей не щадить живота своего ради Державы, ради освобождения православных. Все, прошедшие искус тайных наук, узнают друг друга в опасности по особому знаку и, как единоутробные братья, помогут друг другу в тяжелую минуту...

Еще раз поглядев в небо, настоятель вздохнул и начал медленно подниматься по ступеням высокого крыльца. Неожиданно от стены отделилась темная фигура. Игумен спросил:

– Ты, Трифон?

– Я, отче. Прикажешь ли к ночи готовить пытошную?

– Словили, стало быть, в степи басурмана?

– Словили, отче.

Зосима поджал бледные губы и задумался: страшное дело не только самому пытать, но даже глядеть на пытку. Долго потом будет щекотать ноздри запах горелого человеческого мяса. Не ожесточатся ли сердца отроков?

Но если татарин не захочет говорить по-хорошему, как тогда? Самое верное средство развязать степняку язык, когда дыба и жаровня с углями наготове. Нет, пожалуй, надо питомцам пройти и через это испытание: знать будут, что их еще худшее ждет – пуще научатся беречься.

– Готовь. Сам со старшими отроками стану чинить расспрос. Вели Сильвестру еще стражу усилить. В степи земля подсохла, а коли в двух днях пути от нас татарина в поле ловят, всяко может быть... – вздохнул Зосима.

Глава 1

Хорошо в Москве ранним весенним утром 1640 года – теплынь, город словно умыт ночным дождичком. Над рекой курится легкий парок, играет рыба в омутах: плеснет по воде широким хвостом и снова уйдет в глубину, оставив на поверхности расходящиеся круги. Недолго гулять ей, жировать – проснутся рыбаки, выйдут на берег, разберут сети и отправятся на челнах ловить рыбку: окуней, судака, стерлядь с осетром. Но особенно вкусна налимыя, «мневая» уха – просто царская пища. Поэтому рыбацья слобода и зовется Мневники.

Да только не сразу попадет ущица на государев стол: сначала ее попробует ключник под присмотром бдительного дворецкого, потом дворецкий на глазах стольника, а тот опробует на глазах кравчего. А уж кравчий понесет на стол государю и, перед его светлыми очами, пригубит.

Потихоньку просыпается простой люд в посадах. Чу, скрипнула калитка. Статная молодлица, покачивая пышными бедрами, поплыла по тропке к реке, неся на плече коромысло. Нагнулась, рукой воду тронула, попробовала – сладкая, холодная... И засмеялась счастливо от яркого солнечного утра, весны, молодости своей. Зачерпнула в легкие липовые ведерки водицы и – обратно, в избу, растапливать печь, ставить хлеба, кормить мужа-работника.

Бом-м-м, бом-м-м, бом-м-м... Басовито поплыл над проснувшейся рекой звук колокола Ивана Великого. И тут же, дождавшись своего часа, не сдерживая радостного нетерпения, малиново отозвались ему колокола Покрова, что на Рву, прозванного в народе храмом Василия Блаженного. Напевным баритоном вывели свои мелодии кремлевские соборы, словно соблюдая приличествующую им державную строгость. Откликнулись у Иверской, и пошел гулять колокольный перезвон по Китай-городу, а потом и в слободских церквях. Заутрениа!

Просыпается город, названный третьим Римом, а четвертому, говорят, уже не бывать!

Сменяются караулы усталых стрельцов; перекрестившись, вздувают горны искусные московские кузнецы; садятся к гончарным кругам горшечники; надевают кожаные фартуки оружейники; готовясь открыть лавки и лабазы, звенят ключами богатые купцы и заморские торговые гости.

Славен город Москва! Белой кипенью цветут по весне сады, пряча в душистой тени высокие, дивно изукрашенные боярские терема и каменные палаты. Высоко поднялись золотые купола церквей, опоясанные хитрым узорчатым каменным кружевом. А посреди города – Кремль! Стройные башни, зубчатые стены темно-красного кирпича, а между зубцами торчат пушечные жерла, готовые рывкнуть из медного горла на врага.

В кремлевских теремах тоже, наверное, проснулись. Пробудились ото сна государь и государыня его. Боярыни, взятые «наверх» для услужения в царских покоях, помогут ей встать и одеться, расскажут, как спали детки.

Просыпаются и тюрьмы московские. На большом тюремном дворе восемь изб: опальная, барышкина, заводная, холопья, сибирка, разбойная, татарка и женская. Каждая изба стоит за своим тыном, и в каждой свои порядки. Есть и другие тюрьмы: при монастырях и в крепостных башнях, при Разбойном, Земском и Стрелецком приказах.

Просыпаются в боярских теремах и домах городских дворян, поднимаются дьяки и подьячие, воинские люди и огородники, конюхи и нищая братия, пекари и медовары, кабатчики и ярыги – голь перекатная. Кого только нету на большой Москве...

Никита Авдеевич Бухвостов пробудился в дурном расположении духа: которую ночь подряд его мучил один и тот же навязчивый кошмар. Виделся зеленый луг и сам он, Никита, сидящий на белой кобыле. А прямо у нее перед мордой бесами скакали и корчили мерзкие рожи скоморохи в шутовских колпаках с бубенцами.

И надо же, упрямо повторяется одно и то же, словно порчу напустили. Хочет он во сне схватить скоморохов, а они не даются, проходят, будто туман, между пальцами и вновь начинают свои бесовские пляски, издевательски звеня бубенцами. К чему бы это? Лошадь, кажется, ко лжи? Помнится, кобыла была хорошая, гладкая, белая, как молоко. Стало быть, ложь окажется складной? Но кто солжет и в чем?

Горько усмехнувшись, Бухвостов перевернулся на бок: чего гадать, и так кругом ложь да обман! С тех пор как был он поставлен во главе тайного дела охраны державных рубежей, сколько и сколько ему лгали? И скольким он солгал не моргнув глазом? Да только ли солгал? Молодым был два десятка лет назад, когда согласился взвалить это тяжкое бремя на свои плечи, не знал, каково оно дается – обманом, клятвопреступлениями, хитрыми заговорами, ядом, тайными гонцами, смрадом пыточных, бессонными ночами. Теперь ни за какие коврижки не согласился бы, да уж поздно назад оглобли поворачивать. Кому отдать и доверить то, что выпестовал, построил, укрепил? В чьи руки передать тайные связи, тянущиеся, как нити, на Юг и Запад, Север и Восток?..

Никита Авдеевич поднялся с постели, небрежно перекрестился на тускло горевшую под образами лампаду и подошел к оконцу спальни. Посмотрел на раскинувшийся около его палат густой сад, в этот ранний час покрытый пеленой легкой предутренней дымки. За деревьями угадывался крепкий тын, а за ним – приземистые строения: там у него своя тюрьма, своя пыточная, свой палач, верные люди, готовые отвезти тайную грамоту хоть за тридевять земель и вернуться с ответом.

Ладно, страшен сон, да милостив Бог, решил Бухвостов. Но мысли о привидевшихся ему скоморохах и белой кобыле оказалось прогнать не так-то просто: сон мучил, душа томилась предчувствием грядущей беды.

Да и как ее не ждать, если уже три года – с тех пор, как казаки взяли у турок Азов, – нет покоя душе. Поклонились донцы Азовом государю, как некогда поклонился грозному царю Сибирью атаман Ермак. Но только протяни руку за Азовом, как зашевелится за морем страшный зверь: Турция. И тогда неминуема война!

Пока удается отговариваться тем, что казаки, мол, сами по себе: Войско Донское самостоятельно решает, с кем ему воевать, а с кем жить в мире, и, не спросясь Москвы, захватило крепость. Но долго ли будешь рассказывать туркам сказку про мочало? Крымская орда вот она, рядом, за Диким полем. А хан крымский полностью под рукой султана турецкого. Поднимутся татары – и запылают русские города, поведут людей в полон, чтобы продать на невольничьих рынках, сделав навек рабами. И османы в стороне не останутся: может начаться нашествие похуже Батыева!

На Западе поляки сабли точат; недавняя война с ними окончилась для России неудачно. Правда, себя отстояли, но и потеряли многое. Мир сейчас как воздух нужен, чтобы Державе в силу войти.

Никита Авдеевич накинул кафтан и вышел в горницу. Там уже вертелся горбатый шут Антипа, для потехи наряженный в иноземное платье, с большой деревянной саблей на боку.

– Здравствуй, хозяин. – Шут скорчил плутовскую рожу, невольно напомнив Бухвостову о кошмарном сне. – Как почивалось?

– На стол собрали? – вместо ответа мрачно поинтересовался Никита Авдеевич. – Романовна моя спит еще? А Любаша?

– И хозяйка твоя, и племянница на теплых перинах нежатся, – сообщил шут. И, понизив голос, добавил: – Вчерашний день опять о женихах гадали, припозднились. Прикажешь разбудить? Я мигом.

– Не надо, – отмахнулся Никита. – Пусть умыться подадут, да вели возок заложить. На торг поеду.

– На торг? – Горбун округлил глаза и радостно хлопнул в ладоши. – Возьми меня с собой.

– Возьму, – вяло согласился Бухвостов, не желая затевать спор с прилипчивым как смола Антипой. Парень проверенный и не глупый, иначе не держали бы его в доме. Помехой не будет.

Умывшись, Никита Авдеевич сел завтракать и подумал, к чему бы это гадали на женихов: торопятся, что ли, девку замуж отдать? Год назад, после смерти жениной сестры, они взяли в дом сироту Любашу: кто же ей будет опорой и защитой, если не ближняя родня. Девушка пригожая, на выданье. Глядишь, отыщется для нее добрый человек, а уж дядюшка на приданое не поскупится. Да и сама сирота деревеньку имеет. Опять же веселее стало в доме, все кажется, что они с Романовной моложе годами – сыновья-то разъехались на государеву службу. Скучно.

Откушав, Бухвостов позвал дюжего холопа и спустился во двор к возку. Антипа уже нетерпеливо пританцовывал около лошадей. Разрешив ему сесть рядом с кучером, Никита Авдеевич забрался в возок и велел трогать. Распахнулись мощные, похожие на крепостные ворота усадьбы, окруженной крепким и высоким забором. Возок выкатил на улицу...

Торг раскинулся неподалеку от стен Кремля. Бухвостов поглядел на пестрое скопление людей, сновавших между рядами лавок и лотков. В глазах рябило от множества товаров, а по ушам резануло шумом – купцы громко расхваливали товар, покупатели отчаянно торговались, стараясь сбить цену. Где-то тревожно ржали лошади, а из ближнего кабака доносилось нестройное пьяное пение мужских голосов.

«Наверное, стрельцы гуляют», – подумал Никита Авдеевич и приказал кучеру остановиться.

– Дальше пешком пойду, – вылезая из возка, ворчливо сказал он и прикрикнул на шута и холопа: – Не отставайте! Чтобы под рукой были!

Важно расправив бороду, Никита Авдеевич пошел между рядов, прислушиваясь и приглядываясь, щупая товар и прицениваясь: смекалистый человек может узнать на торжище много полезного. Вот, к примеру, почему иноземные товары начали дорожать день ото дня? Значит, привезти товар война мешает, либо возмущение какое в той стране, или правитель запретил вывозить. А почему запретил: сам готовится воевать или большую выгоду хочет получить? А то вдруг купцы из какой-то страны разом засобирались домой, начинают товары скорее сбывать с рук или перепоручать верным людям. Что там у них приключилось? Купец, он мошне молится, вести быстро получает. И Никите Авдеевичу о всех иноземных происшествиях надо знать точно, из первых рук. Нет, на торжище только пешком ходить, все примечая и в оба уха слушая.

В рыбном ряду два молодца подняли за жабры осетра: на вытянутых вверх руках держат, а хвост на земле лежит. Хорош!

– Купи, добрый человек.

– Не надо, – отказался Бухвостов и направился дальше, поглядывая на окуньков, нежную стерлядь, тупорылых сомов.

Вот и суконный ряд. Никита Авдеевич зашел в лавку, приценился к заморской серебряной парче. Но ничего не купил, пошел в другую лавку, из нее – в третью. Наконец выбрал кусок бархата, отсчитал деньги. Холоп шустро отнес покупку к возку.

И снова важно шествовал по торжищу дьяк Посольского приказа Никита Бухвостов. В ряду оружейников и бронников он придирчиво осмотрел звонкие сабли, потом попробовал примерить калантарь – безрукавный, со стальными пластинами доспех. Куда там! На богатырскую его фигуру специально броннику заказывать надо бы. Повертел тонкой работы корду – однолезвийный, слегка искривленный легкий клинок. Но от покупок отказался и распрощался с оружейниками, обещав наведаться еще. Выйдя из лавки, Бухвостов незаметно поманил пальцем Антипу и тихо спросил:

– Поглядел?

– Никто за нами не тащится, хозяин.

– Ладно. – Зорко осмотревшись по сторонам, Никита Авдеевич не заметил ничего подозрительного. Решил: – Еще немного походим.

Торг дело такое: не только многое можно узнать, но и многого лишиться. Ладно бы кошелька, который утянут ловкие воришки, а то в толчее нож под лопатку запустят и скроются в толпе. Еще хуже, если выслеживают, куда Бухвостов направился, к кому заходил и сколько там пробыл.

Человека, к которому шел сегодня Никита Авдеевич, он берег как зеницу ока. Даже тени подозрения не должно на него упасть! Не один год потратил дьяк, чтобы найти его и завязать тесную дружбу. Естественно, за помощь в тайных делах приходилось платить золотом, но человек того стоил.

Покружив по рядам, дьяк еще раз внимательно огляделся и направился к лавке перса Аббаса. Холопу приказал остаться у крыльца, а сам, опираясь на плечо горбуна, вошел в душный сумрак увешанной коврами лавки.

– О, какой гость! – выкатился ему навстречу маленький толстый Аббас ар-Раби. – Твое посещение – счастье для меня!

– Ладно, – неласково буркнул Никита Авдеевич. – Показывай товар.

Купец прижал короткопалую руку к сердцу.

– Все самое лучшее для дорогого гостя! – приказал он слугам.

Мгновенно появились китайские шелка, фряжские сукна, английский бархат, хорасанские ковры.

– Здорова ли супруга моего драгоценного гостя? – снизу вверх заглядывая в лицо Бухвостова, почти пропел перс. – Здоровы ли его сыновья и прекрасная племянница?

– Здоровы, – кольнул его глазами Никита.

Что-то больно говорлив и сладок сегодня Аббас. Чует сердце, не к добру. Но спрашивать его здесь ни о чем нельзя, нужно терпеливо ждать. Ох, кто бы только знал, сколько приходится терпеть ради тайного дела!

– Здоровы, – повторил дьяк. – Девку замуж пора отдавать... Эти шелка, пожалуй, возьму. И голубого бархата кусок. А нет ли у тебя, Аббас, такой парчи, чтобы золотом и серебром на ней были вытканы цветы и диковинные птицы? И еще, – Бухвостов понизил голос, – поторговаться за жемчуг хочу...

– О! – Купец поднял вверх крашенные хной ладони, выражая восхищение вкусом и желаниями гостя. – Прошу, прошу...

С поклоном он распахнул дверь во внутренние покои, убранные в восточном стиле.

– Присмотри тут, – приказал Антипе дьяк и, войдя вслед за купцом, плотно притворил за собой дверь.

Теперь можно и о деле поговорить. За дверью горбун караулит, а у крыльца сторожит верный холоп. Аббас тоже чужих в лавке не держит, но все равно беречься от вражьи глаз и ушей надо...

Купец поставил перед гостем низенький столик и предложил присесть на покрытую ковром лавку. Устроившись напротив, Аббас достал широкий темный платок и встряхнул его, готовясь продать жемчуг. Бухвостов усмехнулся в пышные усы: хитер перс, ни в чем промашки не даст. Восточные купцы никогда прямо не говорят о цене жемчуга, а ведут торг на пальцах, покрыв их платком. Каждый сустав каждого пальца означает определенные свойства жемчуга и его цену, которая зависит от округлости, величины, оттенка и породности жемчужин. Если кто и застанет их здесь наедине, чудом сумев проскользнуть мимо верных слуг, то увидит лишь купца и покупателя, ожесточенно отстаивающих свою цену, ощупывая пальцы друг друга и тихо переговариваясь. Да, хитер Аббас! Но иначе не доверял бы ему дьяк, не ценил бы столь высоко его скрытность и умение вести тайные дела.

У маленького толстого перса огромная разветвленная сеть верных людей во многих странах. Через него они служат делу сохранения Руси. И благодаря стараниям Бухвостова служат верно уже не первый год. Потому и берег дьяк Аббаса как зеницу ока.

Впрочем, неплохо было бы действительно купить жемчуг, но не крупный гурмыжский, а мелкий речной, прозываемый скатень. Уж больно он лучистый, ясный, переливчатый, словно вобрал в себя красоту северного сияния. И всегда радуется глаз, приносит утешение сердцу.

Дьяк легко коснулся под платком руки Аббаса, ощупью отыскав сустав нужного пальца. Купец кивнул:

– Дам, обязательно дам, – и в ответ нажал на палец Ни киты, указывая цену.

Но Бухвостов решил не ждать, пока перс, свято соблюдая восточные обычаи, пройдет одну за другой все стадии торга: иджабу – предложение, кабуля – согласие, акд – договор. Не до того.

– Что привез, какие вести? – тихо спросил дьяк. Даже здесь он не желал рисковать: среди преданных слуг тоже могут оказаться купленные на чужое золото. Если сам Никита покупал слуг интересующих его людей, то почему этого не может делать кто-то другой? Нет, береженого и Бог бережет!

– Плохие вести, – прошелестел перс и горестно причмокнул пухлыми губами.

– Говори, говори, – поторопил Бухвостов, чувствуя, как под сердцем у него тонко заняло. Неужто сон в руку?

– Пока слово не сказано, оно узник того, кто собирался его освободить, – грустно усмехнулся Аббас. – А когда оно произнесено, его узником становится сказавший. Знаешь, я редко сожалел о том, что молчал, но зато часто раскаивался после того, как открывал рот.

«Ах, персидская лисица. Вечно крутит хвостом и осторожничает, – раздраженно подумал Никита Авдеевич, – даже со мной».

– Не хватает и тысячи друзей, но даже одного врага слишком много, – ответил он купцу восточной пословицей. – А враг твоего врага – друг! Разве мы не друзья, Аббас? Турки – враги и твоему народу, и моему. Они всем грозят войной. То, что вы единоверцы, в Магомета верите, вас с ними не примиряет. Говори!

– Э-э... Кто сможет примирить суннитов и шиитов?⁴ – опустил глаза купец. – Обернись и погляди – христиане тоже разделились на католиков и православных, каждый только себя считает истинно верующим, а других – еретиками. Разве не так?

– Оставим это попам и муллам. Что в Царьграде? – сердито засопел дьяк.

– Султана беспокоит захват казаками Азова, – боязливо округлил черные глаза перс и, встревоженно оглянувшись на дверь, добавил: – Там говорят, что теперь Москва получила свободный выход к теплым морям, а это значит, все теперь в ее воле.

«Да, радоваться туркам нечему, – мысленно согласился с ним Бухвостов. – Потерять сильную крепость, замком запиравшую устье Дона, а вместе с ней один из самых больших невольничьих рынков для басурман болезненно. Из Азова они нам постоянно грозили, держали в крепости арсенал для Крымской орды, снаряжали ее в набеги, не давали русским выйти в море. Еще бы им теперь не тревожиться, когда наши корабли могут вырваться на простор. Да только где эти корабли? Их еще построить надо».

– Твои люди что говорят, о чем султан Мурад думает?

– О чем может думать султан?.. – криво усмехнулся перс. – О войне.

Сердце у Никиты Авдеевича сжалось и еще сильнее заняло, отдавая болью в левом плече и под лопаткой. Война! С трудом выговаривая слова враз онемевшими губами, он встревоженно спросил:

– На нас пойдет? Когда?..

⁴ Сунниты и шииты – две ветви ислама; турки – сунниты, персы – шииты.

– Сейчас Мурад занят другой войной, – немного успокоил Аббас. – Ему не дает покоя Багдад! А Константинополь смотрит на Москву и выжидает: возьмет ваш царь Азов под свою руку или нет?

– Понятно, – протянул Бухвостов.

Боль несколько утихла и начала отпускать, но он знал, что она просто притаилась подколодной змеей и будет терпеливо ждать своего часа. Пока все, что сказал купец, не великая новость. А вот как дальше будут развиваться события в турецкой столице?

Перс почти лег жирной грудью на столик и приблизил губы к уху дьяка.

– Недовольны султаном, – жарко зашептал он, еще больше выпучив глаза. – Его мать, старая султанша, недовольна, крутую похлебку варит. Мусульмане недовольны войной с единоверцами, хотят войны с гяурами. Говорят на улицах: хватит проливать свою кровь, пора пустить чужую. Трон Мурада шатается.

Вот это действительно новость! Недаром старая восточная мудрость гласит: даже огромный караван верблюдов зависит от одного идущего впереди осла. Смена султана – потрясение мира!

Старая султанша-мать, валиде, – большая сила. И коль скоро вместе с ней проявляют недовольство сановники, наживающиеся на войне и угнетении славян, надо ждать серьезных событий. И не только ждать, а готовиться к ним загодя.

– Заговор плетут против Руси. Переговоры с Крымом только для отвода глаз, – щекотал ухо Никите Авдеевичу шепот Аббаса. – Орда хитра, но во всем слушается турок. Как те скажут, так и будет. Мечтают взять русских в клещи: татары и турки ударят с юга, а поляки – с запада!

– Откуда знаешь?.. Точно ли? – отшатнулся пораженный Бухвостов.

Снова шевельнулась предательская боль в груди и похолодели руки: хотят всю Русь превратить в Дикое поле, засеять его костями и полить кровью, сделать пустыней, а людей – в рабство? Ну, злыдни...

– Не сомневайся, – обиженно поджал губы перс, поглаживая ладонями длинную бороду. – Мои люди верные, много лет я с ними веду дела, и еще ни разу они не обманули.

«Положим, раньше не обманывали, а теперь могут и вокруг пальца обвести, – подумал дьяк. – Не зря привиделась во сне гладкая да белая кобыла. Вот и выплыла складная ложь. Но нет в ней вины Аббаса: он за что купил, за то и продал. Не используют ли его, чтобы нас заранее взбудоражить? Но тогда получается, что кому-то известно истинное лицо перса? Мда, голову от думок сломаешь».

Скомкав темный платок, Никита Авдеевич вытер им покрывшийся холодной испариной лоб:

– Вести твои тяжкие!

– Прости, что расстроил тебя. – Купец встал и, порывшись в сундуке, достал кожаный кошель.

Расстелив на столике шаль, он высыпал на нее жемчуг и прицокнул языком, словно сожалая, что придется расставаться с такой красотой. Бухвостов вынул кошелек, но перс замахал руками:

– Что ты, не нужно! Какие деньги, какие счета между нами? Это подарок от меня твоей жене и племяннице. Бери, бери!

– Спасибо, – поблагодарил дьяк. – Я к тебе еще наведаюсь – на следующей неделе. Жди.

– Всегда рад такому высокородному гостю! – громко сказал Аббас, открывая дверь в лавку. – Всегда рад! Какая честь для моего скромного дома!..

К своему возку Бухвостов возвращался, не глядя по сторонам, не обращая внимания на товары и не слыша гомона широко раскинувшегося шумного торга. Голова пылала от дум, не шло из ума сказанное хитрым персом. Неужели опять на долгие годы затянется дело с выходом к теплым морям? А ведь земля там исконно наша, захваченная турками да татарами в лихое

для страны время. Сейчас, казалось бы, вот он, Азов, опять в руке государя, но нет пока сил у Державы крепко сжать десницу. Особенно если начнется новая разорительная война.

Никита Авдеевич нахмурился. В его ли слабых силах не дать войне разгореться, тем более сразу и на юге и на западе? Поляки, конечно, очертя голову в драку не полезут: будут ждать, пока турки себя не проявят. Пошумят паны, похорохорятся, побряцают саблями, показывая воинственность, но... будут ждать! А если с юга ударят, то и они не замедлят.

Усевшись в возок, Никита Авдеевич велел ехать домой. Дорогой решил немедленно проверить то, что поведал ему в задней комнате своей лавки хитрый перс. Пусть надежные и верные люди узнают, так ли обстоят дела в Константинополе и в Польше, как говорит Аббас. Сегодня же поскачет гонец на полдень, на юг, к есаулу Войска Донского Федору Паршину. У него везде свои люди есть, о них даже и Никите Авдеевичу неизвестно. Вот пусть они и постараются, похлопочут, а он и сам тоже попробует узнать, что за похлебку заварили турки и латиняне, желая заставить Русь расхлебывать кровавое варево...

В набег на Дон Крымская орда ходила через Гнилые воды – Сиваш, потом держала путь на Черный колодец, Овечьи воды. Конские воды: от колодца к колодцу тянулась в степи сакма – страшный след татарской конницы, несущей огонь пожаров, смерть и разорение, ужас полона и бесчестия.

На Русь и Слободскую Украину⁵ орда шла по Муравскому шляху – древнему пути из Крыма в глубь русских земель, тянувшегося по гребню водораздела Днепра и Дона. Возвращаясь из набега, по этому же шляху гнали полон.

Лишь только сойдет снег, отшумят веселые ручьи и чуть подсохнет степь, выходили в сторожевые станицы казаки. Опытные сакмогоны – следопыты, умевшие читать следы, не слезая с седла, – тревожно вглядывались в землю, отыскивая отпечатки копыт быстрых татарских лошадей. И если находили, разжигали дымные костры, поднимая казачье войско, чтобы не допустить орду на Русь...

Горе разведчику в Диком поле – краю вечных войн и набегов, если он пренебрегает законами войны: постоянно таиться, не разжигать ночью огня, разводить бездымный костер только днем, никогда не снимать оружия, дневать и ночевать в разных местах, выставлять сторожу, запутывать след и мгновенно исчезать. Забыл об этом – и тут же жестокая, неотвратимая расплата. Тонко свистнет выпущенная из тугого лука степняка стрела и оборвет жизнь казака. Или захлестнет шею петля аркана, сплетенного из конского волоса, вырвет из седла, и, гикнув, пустит татарин коня галопом, волоча по земле взятого в полон.

Или заманят басурманы в хитрую ловушку, внезапно навалятся и вырежут станицу, а потом только вороны станут кружить над местом скоротечной кровавой сечи да прошумит печально под ветром ковыль над погубленными казачьими головами. Высунется из норки пугливый суслик, встанет столбиком поглядеть по сторонам, свистнет со страху – и опять в норку.

Нет мира в Диком поле – краю вечных войн и набегов...

⁵ Слободская Украина – территория современных Харьковской, Сумской, Полтавской, Луганской, Белгородской, Курской и Воронежской областей.

Дневали в неглубокой сухой балке. Варился кулеш на маленьком костре, тревожно фыркали кони. Аким Тетеря, помешивая деревянной ложкой в котле, балагурил:

– Хлеб в пути плечей не оттянет, а ежели голодный, то и архиерей уворует.

– Бабы каменные в степи, говорят, тыщи лет стоят, – задумчиво глядя на бездымные языки пламени, протянул Гурь-ян Нечаев. – Пропасть мне, если вру, но слышал я, что под этими бабами клады зарыты.

– Клад не каждому дается, – немедленно откликнулся Аким, поглядывая на лежавших вокруг костра казаков. – Нечистая сила зарытое золото охраняет. Чтобы взять его, нужно знать заговоры. Бывает, клад на голову прячут или на несколько мертвых голов. Тогда надо загубить столько же душ, иначе богатства не видать как своих ушей. Между пальцев протечет. А еще бывают клады на счастливого...

– Это как? – заинтересовался Гурьян.

– Ну, выходит тебе такое счастье в образе кошки, курицы или собаки, – охотно начал объяснять Тетеря. – Тут не зевай, беги за ней. Когда она остановится, бей ее, не мешкая, чем попало и кричи: «Рассыпья!» Где она развалится, на том месте и копай.

Слушая его, Тимофей устало прикрыл глаза, отдыхая после долгого пути в седле. Этой весной сравнялось ему двадцать лет, и мог ли он усидеть за стенами монастыря, когда прозрачный воздух полон ароматами проснувшейся после стужи земли, а ветер доносит запах гари далеких костров? Поднимешься на колокольню и видишь, как до самого неба раскинулась привольная равнина, покрытая изумрудным ковром трав с яркими пятнами цветов. Скачи во весь опор в любую сторону, и нигде нет – ни конца, ни края. Конь застоялся, привычна и легка в руке острая сабля, а главное – без тебя может уйти в степь сторожевая станица – ловить в Диком поле басурмана, чтобы узнать, не пошла ли орда в новый набег.

Отец Зосима к просьбе питомца отпустить его в степь отнесся неодобрительно:

– Не для сторожевых засад столько лет учили тебя.

Стоявший перед строгим игуменом рослый, широкоплечий Тимофей виновато потупился: прав отче. Но каково целыми днями читать арабские книги, если степь зовет.

Зосима молчал, беззвучно шевелил сухими бледными губами, словно творил молитву Богородице, прося ее спасти и сохранить уходивших в поле. Потом сказал:

– Последний раз отпускаю тебя. Понимаю, что кровь молодая играет. Но срок тебе в поле гулять десять дней. Иди с Богом!

Обрадованный Тимофей поцеловал руку настоятеля, выскочил из кельи и бегом кинулся седлать вороного жеребца...

– Кулеш готов, – отвлек его от раздумий Аким.

Ели молча, по очереди черпая ложками из котла. Высоко в чистом, ярко-голубом небе стояло начинавшее изрядно припекать солнце. Слегка парило. Временами набегал прохладный ветерок, будто вобравший в себя сырость еще лежавшего в глубоких балках снега. Поев, Головин полез на курган сменить охранявших дневку казаков. Следом заторопился Аким. Каждый в сторожевой станице знал свое место. Никому не нужно напоминать о деле. Остальные задремали, прикрыв шапками лица. Бессонные ночи выматывали, да и холодно еще ночами, никак не согреешься без огня, а развести костер нельзя.

Тимоха и Аким залегли в густой траве на вершине кургана рядом с древней каменной бабой, безучастно смотревшей вдаль, повернув плоское лицо на полуденную сторону – туда, откуда может прийти орда.

Четвертый день казаки рыскали по степи, но сакмы не нашли. Атаман сторожевой станицы Иван Рваный недоумевал: неужели случилось чудо и татары не пошли этой весной в набег? Бывало, шайки степняков-людоловов выходили на страшную охоту раньше, чем сойдет весь снег в Диком поле. Везли с собой запас корма для коней на неделю-другую. А вокруг потом уж все зазеленеет. Никогда еще они так не задерживались. И сакму трудно не увидеть: татары идут в набег, имея не меньше трех заводных лошадей на каждого всадника. В крайнем случае по две заводных и одну под седлом. Если в поход собралась хотя бы сотня всадников, то три-четыре сотни коней основательно потопчут степную траву. Но сакмы не было!

«Еще пару дней побуду со станицей, а потом надо возвращаться, – думал Головин, зорко посматривая по сторонам. – Зосима разрешил отсутствовать не больше десяти дней. Наверное,

на то есть причины. Но кто знает какие? Наставник не поощрял любопытства. Может, близится время, когда понадобится то, чему меня учили? Только где и как это будет?»

– Не заснул? – шепотом спросил Аким и толкнул Тимофея в бок. – Или сморило после кулеша?

Головин хотел отшутиться, но застыл, напряженно всматриваясь в зеленое море колыхавшейся под ветром высокой травы. Чуть в стороне от кургана мелькнуло среди зелени что-то темное. И сразу пропало. Может быть, зверь проскочил? У зверя свои тропы и ловы, но он всегда стороной обойдет людей, учуяв запахи лошадей и железа. Или птица пролетела, касаясь крылом земли? Да нет, вроде не пролетала. Зайцы, суслики и другая звериная мелочь тем более привыкли таиться, чтобы не стать легкой добычей беркута, лисицы или волка. И разве разглядеть на таком расстоянии маленького зверька?

Ага, снова мелькнуло: коричнево-серое, мохнатое, быстродвигающееся. Еще мелькнуло, еще... Да это же ордынцы в вывернутых мехом наружу полушубках!

– Татары! – сдавленно вскрикнул Тимофей.

– Где? – встрепнулся Аким, приподнимаясь на локте, и сразу увидел басурман: остроконечные бараньи шапки, закинутае за спину длинные луки. Размеренно бегут низкорослые, невероятно выносливые лошади. Разведка орды?

Татары ехали спокойно, растянувшись цепочкой след в след друг другу. Под первым шла игривая караковая кобыла с длинной гривой. Всадник, осаживая ее, сердито дергал поводья и, оборачиваясь, что-то говорил остальным, показывая вперед рукой. Последний татарин вел заводных лошадей.

– Сами в руки лезут. – Глаза у Акима загорелись, и он начал потихоньку отползать назад. – Смотри за ними, а я станицу подниму.

Кубарем скатившись вниз по склону, он исчез в балке, но вскоре появился вновь, уже вместе с Рваным. Быстро взобравшись на вершину кургана, Иван осторожно выглянул из-за глубоко вросшей в землю каменной бабы.

– Там, – показал ему на татар Тимофей.

– Вижу, – буркнул атаман. – Надо внезапно ударить и хоть одного взять живым. Справа зайдем. Дальше по левую руку балка будет. Айда!

Казаки уже приготовились к бою. Гурьян подвел атаману коня. Прыгнув в седло, Иван взял в руки длинный лук.

– Татар десяток, а нас на два меньше. Первого сам стрелой возьму, второго бьет Гурьян, сзади будет Аким. И чтобы ни один не ушел!.. Остальные с Тимохой заходят справа. Из ружей не стрелять! Может, рядом другие... – Недоговорив, он пустил коня наметом. На скаку выдернул из колчана две длинные стрелы. Одну положил на тетиву, а другую зажал в зубах.

Казаки развернули лошадей и вымахнули к подножию кургана, обтекая его с обеих сторон, чтобы окружить басурман.

Страха Головин не испытывал – брать в поле степняка стало для него привычным делом, – но и проявлять безрассудную удачу его давно отучили, настойчиво прививая расчетливое хладнокровие опытного бойца. Он знал: ни атаман, ни Гурьян не промахнутся. Значит, сразу два врага упадут под копыта своих коней. Сзади выпустит стрелу Аким и перехватит заводных лошадей. С уцелевшими татарами, может, придется и сабли скрестить, прежде чем удастся набросить кому-нибудь из них на шею аркан. Или сразу ловить басурмана, выволакивая его из схватки? Пожалуй...

Увидев перед собой казака с натянутым луком в руках, татары опешили. Атаман спустил тетиву, и караковая кобыла понеслась по степи с пустым седлом. Стрела Гурьяна сбила наземь второго татарина, а Аким успел заскочить разведчикам в тыл и расправился с коноводом, перехватив заводных лошадей. Степняки быстро оправались от неожиданности – в донцов поле-

тели ответные стрелы. Оставшиеся в живых татары решили прорваться к своим любой ценой, прежде чем их возьмут в сабли.

Тимофей уже высмотрел средних лет татарина в кояре – кожаном панцире, надетом под вывороченный мехом наружу бараний полушубок. Зло ощерившись, степняк выпустил несколько стрел, потом бросил лук и схватился за рукоять кривой сабли. Обнажить ее он не успел. Головин раскрутил длинный аркан, и петля захлестнула плечи ордынца. Резко развернув жеребца, Тимофей выдернул степняка из седла и поволок подальше от начавшейся рубки. Сзади звенели сабли, тревожно ржали лошади, яростно кричали люди, пластая друг друга клинками.

Проскакав десятка два сажений, Тимофей оглянулся. Все было уже кончено: казаки ловили разбегавшихся татарских коней...

После вновь сошлись в балочке, где еще слабо тлели угли костра, на котором совсем недавно варился кулеш. Постелили на землю кафтан и бережно уложили на него Гурьяна – ордынская стрела насквозь пронзила казака под правым плечом, но удалось отломить наконец и осторожно вытянуть древко. Из раны пульсирующими толчками тонкой струйкой выкатывалась кровь, все шире расплываясь темно-багровым пятном по холсту рубахи. От боли Гурьян до синевы прикусил губу.

Пленный татарин, обезоруженный и связанный, жарко блестя раскосыми глазами, с ненавистью смотрел на русских. По его телу часто пробегала мелкая дрожь, словно от озноба.

– Замерз, что ли? – обернулся к нему Рваный. – Ниче, шас согреем. Вздуйте огонь... Аким, давай наверх!

Тетеря полез на курган – охранять станицу. Головин умело перевязал раненого чистым куском полотна. Гурьян слабо застонал и притих. На лбу его выступила испарина. В стороне, вытянувшись на охапке жесткой травы, лежал Гаврила Щукин, порубанный в схватке. Ему уже никто не мог помочь.

– Дорого ты нам достался, – остановившись перед пленным, устало сказал Иван. – Одна христианская душа уже в рай пошла, а другая – вот-вот догонять отправится. Может, и тебя срубать?

Припухшие веки татарина чуть дрогнули, и внимательно наблюдавший за ним Тимофей понял: пленник знает русский язык. Но будет ли он говорить?

– Удавить его да и бросить в степи, – предложил один из казаков. – Нехай валяется, пока лисы не растащат и вороны не расклюют!

Татарин заерзал, натягивая путы на руках и сердито шипя сквозь стиснутые зубы: как мусульманин, он страшился смерти без погребения.

– Ты храбрый воин и можешь получить достойную смерть, – разгадав замысел атамана, по-татарски сказал Головин. – Сколько всадников вышло в набег? Где сейчас орда?

– У-у, шайтан! – яростно рванувшись, заорал степняк. – Убей, чего ждешь?

– Убить успеем, – мрачно заметил Рваный. Он вытащил из ружья шомпол и положил его в огонь костра. – Не хочешь по-хорошему? Железо заставит!

– Аллах велик и милосерден! – забормотал татарин. – Моя рука не знала устали, карая неверных. В книге судеб все записано, я все равно буду среди гурий в раю!

– Даже раньше, чем ты думаешь, – заметил Тимофей.

Он нагнулся над пленным, распахнул его полушубок и рванул за шнурок, поддерживающий штаны. Бросил степняка лицом вниз и спустил с него узкие кожаные шаровары, обнажив посиневшие ягодицы.

– Сейчас воткнем тебе раскаленный шомпол так, чтобы он сзади достал до поганого языка! А потом привяжем к лошади и отпустим ее в степь.

– Кончать пора, – вытащив шомпол из костра, хмуро сказал Рваный. – Воронье уже слетается на падаль, как бы орда не заметила.

– Нет! – истошно завопил пленник, судорожно извиваясь всем телом. – Нет!

Один из казаков сел ему на плечи, другой прижал ноги. Атаман слегка коснулся раскаленным концом шомпола вздрагивавших ягодиц татарина.

– О-у! – дико завыл тот, захлебываясь криком. – Нет, нет!

– Говори, говори! – орал ему в ухо Тимофей. – Сколько всадников?

– Три сотни, – разом обмякнув, простонал степняк. – Они близко, очень близко.

– Куда идете? – продолжал допытываться Головин. – Ну? Где орда?

– Не знаю... У-у, шайтан! – Татарин стал кусать землю. – Мурзы Джембойлукской орды не говорят простому воину, куда лежит путь коней. Вели на Русь!

– Где орда? – Рваный вновь слегка прижег татарина.

– Ай, ай! – взвизгнул пленный. – Сначала мы пошли... Другие ждать будут... Хан Гирей в Крыму сидит...

Осыпая комья земли, в балку скатился Тетеря. Лицо его было бледным как полотно.

– Татары!

– Близко? – Атаман уперся в него тяжелым взглядом.

– Идут, идут! – злобно засмеялся степняк. – Мечь!

– Заткнись, – пнул его сапогом Тимофей. – Будет каркать.

– Полумесяцем раскинулись, – вытирая мокрое лицо шапкой, сообщил Аким. – Широко захватывают, видать, воронье заметили. Уже курган обтекают.

– Уходим, – быстро принял решение Иван.

Пленного подняли, бросили поперек седла, стянули ему руки и ноги под брюхом лошади. Привязали к коню тело погибшего Гаврилы Шукина и бережно усадили Гурьяна. Тимофей поднял его саблю. Через минуту маленький отряд, держа в центре раненого и пленного, на рысях вымахал из балки. Поднявшись на стременах, Головин посмотрел вперед и понял: опоздали! Степь словно ожила и задрожала от топота копыт вражеской конницы. Смертельной петлей татары захлестнули курган и балку, в которой допрашивали пленного. Тут и там мелькали мохнатые шапки, доносилось ржание лошадей.

Нет, хитрые и коварные степняки, искушенные в деле набегов и схваток, не станут принимать боя даже с кучкой казаков – зачем, если русским просто некуда деваться? Сейчас закружится страшная карусель всадников, полетят меткие стрелы, падут наземь кони, а там наступит черед арканов: сыромятные и сплетенные из конского волоса петли затянутся на руках, на горле, скользнут к ногам...

– Заводных вперед! – прокричал атаман. – Ружья готовь!

Казачьи погнались перед собой заводных лошадей, посвистом и гиком заставляя их все ускорять и ускорять бег. Использовать против врага его же излюбленный прием – пробить чужой строй заводными лошадьми? Пожалуй, сейчас это единственная надежда вырваться из западни. А там как Бог даст, лишь бы кони вынесли!

Татары пустили стрелы, бухнуло несколько выстрелов. Летевшие впереди кони кувырнулись, но остальные уже успели ударить по степнякам, заставив их смешаться. Казаки дали жидкий залп из ружей и врубались в татарский строй. Тимофей, держа сабли в обеих руках, чертом вертелся в седле, отражая и нанося удары. Прорваться, во что бы то ни стало прорваться! Надо подать весть о набеге и доставить пленного. Наверняка он сказал далеко не все, что знает.

Отбив занесенную над головой саблю татарина в лисьей шапке, Головин быстро ткнул его клинком в живот и, резко развернувшись, успел достать еще одного, рубанув поперек лица. Некогда смотреть, что с ними стало, – уже налетели другие, грозя раскроить череп острой сталью.

Два молодых наездника начали наседать на Тимофея, крикнув остальным, чтоб не мешали им расправиться с русским. Горяча коней и дерзко смеясь, они вертели саблями, готовясь, рубанув сплеча, развалить казака до седла.

Сильно сжав коленями бока жеребца, Головин направил его прямо на врагов, стремясь проскочить между ними, но в последний момент неожиданно отвернул и поднял вороного на дыбы. Сверкнула на солнце сабля и, описав короткий полукруг, снесла голову первому наезднику, оказавшемуся справа от Тимофея. А слева уже вывернулся второй: целясь клинком то в бок, то в шею, он вихрем налетал и тут же отскакивал прочь. Татарин был ловок, увертлив, как уж, легко правил конем, умело закрывался небольшим круглым щитом, украшенным чеканными медными бляшками. Вот он снова наскочил, стараясь рассечь концом сабли грудь казака.

Головин принял удар на скрещенные клинки и сильно развел их в стороны, заставив степняка отвести назад руку.

– Вах! – вскрикнул наездник и начал сползать с седла: его правая рука, мгновение назад сжимавшая саблю, упала под копыта коня. Крепко учил биться чернец Родион!

Тимофей выхватил из-за пояса пистолет, выстрелил в пытавшегося ткнуть его копьем татарина и стрелой вылетел из свалки. Впереди, держа за узду лошадь с пленным, торопливо уходил в степь Иван Рваный. Чуть отстав от него, скакали еще двое казаков. Но вот один пошатнулся и упал на гриву коня – догнала шальная пуля.

Погонять вороного не было нужды: ему словно передалась тревога Тимофея, и он летел быстрее ветра, струной вытягивал сильное тело и, казалось, почти не касался копытами земли. Сзади жутко выли татары, мимо уха вжикнула стрела, дробью рассыпался топот погони. Степняки не хотели выпустить уже попавших в их руки и обреченных на смерть: в Диком поле один закон – либо ты, либо тебя!

Только позволь уйти казакам – и они поднимут на перехват набега Донское Войско. А что против него три сотни всадников? Нет, надо волками гнать по степи остатки сторожевой станицы, не давая ей передышки, пока не подкосятся ноги коней, пока не падут они, пятная траву потоками крови из ноздрей. Срубить казачьи головы, насадить их на копья и привезти из набега, как почетный трофей. На ходу перескакивать на свежих, заводных лошадях и гнать, гнать, гнать!..

Поравнявшись с атаманом, Тимофей увидел, что рядом с ним скачет только Аким Тетеря. И так, их осталось всего трое, не считая пленного татарина, мешком брошенного поперек седла. Левый рукав у Ивана набух темной кровью, рука повисла плетью, а Тетеря ничего, целехонький, – лишь багровый след удара на скуле да разодран сапог.

– Дым! – покосившись на Головина налитым кровью глазом, просипел Рваный и направил коня к дальнему кургану.

– Ги-и-и-их! – кричал Аким, подгоняя скакунов.

На дальнем кургане загодя были сложены охапки сухой травы и валежник для костра, чтобы столбом дыма оповестить другие сторожевые станицы о появлении орды. И теперь Иван рвался туда, надеясь, что успеет предупредить своих, помешает врагу застать их врасплох.

Головин оглянулся. Погоня раскинулась широко по степи: не меньше полусотни всадников преследовали казаков, сумевших оторваться на несколько полетов стрелы. Но долго ли удастся выдержать это расстояние? У татар есть свежие, заводные кони.

Как же медленно приближается заветный курган! О том, что будет после, не хотелось думать: сейчас главное – разжечь костер! Скорее, скорее, только бы не попала под копыто вороного нора суслика, только не переломал бы он ноги, не рухнул, подминая под себя седока. Кажется, широка и привольна степь, а не разойтись в ней без крови и смерти людям разных вер. Да и как иначе, если одни приходят, чтобы взять жизнь и свободу других?

На вершине кургана Иван сполз с седла и, неуклюже действуя раненой рукой, начал высекать огонь, глухо ругаясь сквозь зубы. Неожиданно он обернулся, глянул на Тетерю и Головина белыми от боли глазами:

– Геть отсюда! Берите пленника и моего коня. Живей! Они сейчас будут здесь!

– Атаман!..

– Геть! – Иван наконец справился с огнивом, и по сухой траве пробежали первые язычки пламени. – На другом кургане запалите!

Схватив плетень, он с размаху хлестнул коней, заставив их резко принять с места в карьер. Сквозь топот копыт донеслось еще раз:

– Запалите!

И опять все перекрыл свист ветра и разъяренный рев татар, увидевших, как поднимается к высокому голубому небу столб темного дыма сигнального костра...

* * *

Мурза мрачно смотрел на дым сигнального костра, поднимавшийся к небу с вершины кургана. О Аллах! Какой неудачный день. Хочется надеяться, что он пройдет, не принеся новых неудач. Ведь всем известно: стоит один раз подвернуть ногу, и еще долго будешь потом хромать.

Сегодня в стычке с небольшой сторожевой станицей казаков он потерял почти три десятка всадников и несколько десятков лошадей. А после схватки нашли и подобрали всего пять русских, причем один из них мертвым был привязан к седлу, а другой умер от раны в груди раньше, чем его сняли с коня. Трое других просто изрублены на куски. Дьяволы, а не люди!

Теперь те, кто сумел прорваться сквозь строй его джигитов, зажгли на кургане костер, подавая своим весть о набеге. Потеряно главное и самое ценное – внезапность!

Он знаком велел приблизиться ожидавшим его распоряжений сотникам и молча показал им плетень на дым, поднимавшийся с вершины кургана.

– Высококочтимый, – поклонился один из сотников, – сейчас костер потухнет.

– Лучше, если бы он совсем не горел, – ядовито заметил мурза.

– Если высокородный позволит мне дать совет... – сделал шаг вперед другой сотник, прижав руку к сердцу.

– Ну? Говори, Буга.

– Не стоит гнаться за ушедшими в степь казаками, – преданно глядя в желтые, как у птицы, злые глаза мурзы, тихо сказал Буга. – Надо повернуть коней в сторону от старого шляха и напасть на маленькие селения русских, где нас наверняка не ждут.

– М-м-да. – Мурза задумался, с удовольствием отметив, что столб дыма стал тоньше и наконец совсем исчез. – Ты знаешь, где эти селения?

– Да, мой мурза. До них меньше двух дней пути, но если мы поторопимся...

– Хорошо! Отдыхать будем дома. Пусть воины чаще меняют лошадей. Веди нас!

Сотники бросились к своим скакунам, и вскоре длинная лента конных людоловов резко изменила направление и, запутывая след, потекла на северо-запад.

Примерно через час колонну догнали уходящие в погоню за казаками. К Буге подскакал покрытый пылью и пропахший конским потом десятник:

– Русские зажгли еще один костер. Уже на другом кургане.

– Собаки. – Буга зло сплюнул. – Почему вы дали им уйти?

– Мурза приказал прекратить погоню, а у первого костра остался только один урус-шайтан.

– Если он еще жив, сдерите с него кожу и бросьте в степи, – приказал сотник. – Если мертв, отрубите голову и отвезите ее мурзе.

– Он изранен, но еще жив, – сообщил десятник.

– Тем хуже для него, – хищно ощерился Буга. – А костер?.. Теперь это уже не так важно. Сейчас все решит быстрота наших коней...

* * *

Погоня за татарами шла день и ночь. Казаки не жалели ни себя, ни лошадей. И так потеряли время, пока добрались до кургана, где остался Иван Рванный, но там нашли только следы его последней, отчаянной схватки с басурманами. Потом обнаружили сакму и уже не теряли ее, надеясь вот-вот настигнуть людоловов. Но почему татары вдруг свернули с хорошо знакомого им пути, что заставило их так поступить?

– Хитрят, следы запутывают, – твердил осунувшийся и как-то враз постаревший Аким Тетеря. – А где-то исподтишка наскочат и ударят. Я их мерзкие повадки знаю.

Где ударили татары, обнаружилось к следующему полудню. Сакма привела к разоренному городку, в котором не осталось ни одной живой души. Сорванные ставни на окнах, выбитые двери, в домах все перевернуто и побито, на дворах лежат порубленные ордынскими саблями тела пытавшихся сопротивляться жителей.

– А не пожгли, – мрачно оглядев картину опустошения, отметил Тимофей. – Разграбили, взяли полон, но не пожгли.

– Боятся дымом себя выдать, – недобро прищурился Аким. – Ну, ничего, поквитаемся!

Головин не ответил. Он пустил коня рысью и догнал торопившихся дальше казаков, горевших решимостью еще до заката настичь проклятых людоловов и освободить захваченный ими полон. Да и что отвечать? Ни одна религия не призывает к угнетению себе подобных, созданных по образу и подобию Божьему. Так кто же дал право одному человеку обращать в рабство другого? Сам испытал ужас басурманской неволи, Тимофей люто ненавидел людоловов, работоторговцев и рабовладельцев. Но в голове не укладывалось и другое: как наравне с тонкой поэзией, мудрой философией и томной мечтательностью, присущей мусульманскому Востоку, уживаются грубое варварство и звериная кровожадность? Ведь многие арабские книги, которые он читал вместе с отцом Зосимой, просто венец мысли! Но то книги...

Несколько часов спустя прошли через еще один разоренный городок. Головин отметил, что там осталось множество стрел, а хорошие стрелы дороги, обычно после боя их собирали и вновь наполняли колчан. Значит, татары уже чувствуют приближение погони и очень спешат? Однако теперь волей-неволей быстрота передвижения уменьшилась – степняки вели полон.

Вскоре следы повернули к югу и опять убежали в бескрайнюю степь. Вокруг словно все вымерло. Только топот копыт казачьих коней да суровое молчание всадников, покрытых серой пылью степных шляхов. Даже балагур Аким Тетеря не уронил ни словечка. Но почему до сих пор не нагнали татар? Не могли же басурманы провалиться сквозь землю? Вот ясно видны следы их лошадей, попадается свежий помет, но на горизонте по-прежнему пусто. Опытные сакмогоны не могли дать промашки и обязательно заметили бы, если бы татары разделились. Бывало и так, что часть орды вводила полон, а другая прокладывала ложный след, путая погоню и устраивая засады.

Вдруг Тетеря привстал на стременах и впился запавшими глазами в какую-то точку далеко впереди.

– Что там, что? – тоже приподнялся в седле Тимофей. – Татары?

– Воронье кружит, – глухо ответил Аким и, подскакав к атаману, стал что-то объяснять и показывать рукой вперед.

Лицо атамана помрачнело. Теперь и другие увидели тучу воронья. Не сговариваясь, начали нахлестывать коней, стремясь поскорее выяснить, что его привлекло. Тимофей одним из первых доскакал до балки, над которой вились вороны, соскочил с седла, на негнущихся от долгой дороги ногах подошел к краю и заглянул вниз. Сразу же подкатила к горлу мутная волна тошноты, закружилась голова от густого запаха крови, большими лужами застывшей на дне балки. Там лежал порезанный полон. Мужчины, женщины, подростки. Вспоротые животы,

жуткое месиво тел, застывших в предсмертных конвульсиях, искаженные нечеловеческими страданиями лица.

– Желчь брали. – Подошедший Аким снял шапку и перекрестился. – Упокой, Господи, души рабов твоих!

Тимофей онемел. Он не раз слышал, что татары верили, будто скакуны приобретут необычайную резвость, если намазать их десны свежей человеческой желчью. Но чтобы...

– Отобрали тех, кого подороже можно продать, а остальным вспороли животы. Посадили оставленных в живых на заводных лошадей и ушли. Не догнать теперь, – горько вздохнул Тетеря.

– Как не догнать? – Головин схватил его за грудки и встряхнул. – Ты что? До самого Крыма гнать! Зубами рвать, на куски разметать по полю!

Казачи едва оторвали его от Акима, оттащили в сторону, плеснули в лицо водой из баклаги. Не слушая, что они говорят ему, не видя вокруг себя ничего, Тимофей упал на колени и в бессильной ярости начал бить кулаками по земле, пропахшей кровью и горькой степной пылью...

* * *

Степняки налетели на городок ранним утром. Анастасия доила корову в хлеву, когда на улице вдруг раздались гулкой топот копыт, гортанные выкрики и жуткий вой: не помня себя от страха, кричала какая-то женщина, ставшая первой добычей людоловов. Хлопнуло несколько выстрелов, захлебывались лаем собаки. Церкви в городке не было, поэтому никто и не ударил на колокольне в набат.

Сердце у девушки сжалось в предчувствии непоправимой беды и словно оборвалось что-то внутри, сразу лишив сил, сделав руки и ноги ватными; только билась в голове одна мысль: бежать, бежать! Скрыться, спрятаться, зарыться в сено, притаиться в погребе, лишь бы не увидели, не нашли, не увели в неволю.

Опрокинув доенку, Настя метнулась к воротам хлева и осторожно посмотрела в щель на улицу. За плетнем, огораживавшим их широкий двор, верхами носились татары в вывороченных мехом наружу полушубках. Один перескочил через плетень, но тут же свалился с коня, сбитый метким выстрелом: отец и братья Анастасии засели в курене, надеясь отбиться, а в крайнем случае подороже продать свои жизни. В ответ степняки засыпали курень градом стрел, с глухим стуком впивавшихся в ставни, дверь и крышу. Пока одни стреляли, другие спешили, перелезли через изгородь и подняли бревно, намереваясь использовать его как таран.

«Где же сторожевая станица, – мелькнуло в голове у Насти, – неужто вырезали?»

К дому теперь пути отрезаны – как бежать через двор, если там полно басурман? Но и в хлеву оставаться нельзя! Не ровен час, сунутся сюда, отыскивая, чем бы поживиться. Оставалось только разобрать соломенную крышу, вылезти на огород и кинуться в степь, чтобы схорониться в первой попавшейся балке до тех пор, пока татары не уйдут. Девушка начала отступать от ворот хлева, боясь повернуться к ним спиной. Казалось, стоит лишь отвести глаза от врагов, как они бросятся следом и неминуемо свершится ужасное.

Неожиданно босая нога наткнулась на холодный и твердый предмет. Анастасия нагнулась и увидела забытый вчера отцом топор. Собрался родитель поправить ясли, да занялся другими делами, закружился по хозяйству и отложил до завтра. А утром пришлось спозаранку схватиться не за топор, а за ружье. Ну, ничего, авось топор ей пригодится.

Шорох за спиной заставил ее вздрогнуть. Поудобнее перехватив топором, девушка резко обернулась, но оказалось, что это проявила беспокойство буренка, уставшая ждать, когда хозяйка обратит на нее внимание. Молоко распирало вымя, и корова готовилась призывно замычать: не пора ли закончить дойку и выгнать ее пастись на сочную траву?

Ласково погладив ее по влажному, чуть шершавому носу. Настя протиснулась мимо теплого бока кормилицы к дальней стене хлева и начала раздвигать солому крыши, торопливо расширяя отверстие. Подопревшая за зиму кровля поддавалась легко, и вскоре девушка вылезла наружу. Лязг оружия и крики во дворе заставляли спешить.

Услышав совсем рядом позвякивание уздечки и легкое пофыркивание, Анастасия насторожилась: похоже, за углом хлева стоит конь? Прижимаясь спиной к стене, она прокралась до угла и выглянула. Намотав уздечку на руку, у стены присел со спущенными шароварами молодой татарин, вздумавший в самый разгар грабительского набега справить нужду. Его конь, нежными губами щипавший кустики травы, почуял чужого человека и вскинул голову. Поводья дернули татарина, и он упал на четвереньки. Но подняться не успел.

Взмахнув топором, Анастасия резко опустила его на голову степняка, по самый обух вогнав в бритый череп, прикрытый засаленной бараньей шапкой. Лезвие вошло удивительно легко, словно она рубанула перезрелую тыкву, лежавшую на прокаленной солнцем грядке. На мгновение стало темно в глазах и замутило от жуткого хруста костей, предсмертного хрипа и вида хлынувшей крови, но девушка уже кинулась к коню. Выхватила повод из мертвых пальцев и вскочила в седло. Треснула старенькая, застиранная холстина сарафана, обнажив ногу Насти почти до бедра. Конь, стремясь сбросить чужого седока, взвился свечой, потом начал взбрыкивать, пытаясь укусить всадницу за колено. Он вертелся волчком, приседал и никак не хотел подчиниться. А около куреня ухало бревно, выбивая дверь, и кто-то по-татарски кричал:

– Муса! Муса! Ты где, сын шайтана?

Бухнуло несколько выстрелов, яростно завизжали степняки, и конь вдруг рванул через огород, выбрасывая из-под копыт комья жирной земли. С ходу перелетел через плетень и понесся в степь, унося вцепившуюся в гриву Анастасию прочь от городка.

Ветер свистел в ушах, трепал разорванный подол сарафана. Занемели пальцы, вцепившиеся в поводья и жесткую гриву скакуна, сбился на спину покрывавший голову платок. Спасение казалось уже таким близким, и тут девушка увидела нескольких конных, торопливо скакавших ей наперерез. Прежде чем налететь на городок, татары окружили его цепью застав, чтобы никто не мог выскользнуть.

Один из людоловов привстал на стремях и начал раскручивать над головой аркан. Настя сжалась в комок и сумела уклониться: не захлестнув ее, петля скользнула мимо и упала на землю. Но тут же другая петля затянулась на шее коня, заставив его развернуться боком и остановиться. Не удержавшись в седле, девушка перелетела через лошадиную голову.

Не чувствуя боли, она вскочила, но рядом уже оказался черноусый татарин на соловом жеребце. Легко наклонившись, он ловко поймал Анастасию за длинную косу и безжалостно рванул, прижав к остро пахнувшему потом боку своего жеребца.

– Якши! – весело засмеялся он, заглянув в лицо пленницы. – Чок якши! Хорош девка!

– Богатый товар, Буга, – завистливо процедил другой степняк. Спешившись, он сноровисто связал Насте руки и ноги. Потом помог черноусому бросить ее поперек седла. – Ты возьмешь за девушку большие деньги... если ее не заберет себе мурза!

– Я вымажу ей лицо грязью, а волосы покрою платком, – быстро решил Буга. – А ты держи язык за зубами! Тогда получишь долю.

– Договорились, – согласился завистник. – Не забудь своего обещания!

– Шелк крепок в узде, а мужчина в слове, – метнув на него недобрый взгляд, ответил пословицей Буга...

* * *

Дальнейшее Анастасия вспоминала потом как смутный, горячечный бред, когда трясет тебя жестокая лихоманка-болезнь и не можешь понять, что происходит вокруг. Застилает глаза

туман беспамятства, выплывают из него чьи-то лица, что-то тебе говорят, а ты бредешь, как призрак, по дороге страданий, неся в измученном теле оглохшую и ослепшую от горя душу.

Сначала татары гнали полон пешком под палящим степным солнцем. Люди страдали от жажды, зноя и неизвестности. Потом налетели конные и начали сортировать пленников, как скот, отгоняя часть на левую сторону шляха. Вдруг появился черноусый Буга, посадил Анастасию на заводную лошадь и умчался. Рядом скакали другие всадники, гоня заводных лошадей. На коротких привалах Буга насильно кормил ее, разжимая стиснутые зубы ножом и впихивая в рот куски вяленого мяса. Если не ела, сердился и грозил тяжелой плетью, но ни разу не ударил, сберегая дорогой живой товар. И вновь бешеная скачка, дробный стук копыт и тонкая серая пыль, оседавшая на волосах, одежде, потном теле. Сколько это продолжалось: день, два, три? Девушка потеряла счет времени. Она хотела одного – умереть!

Наконец прибыли в большой аул, и Буга отдал пленницу в руки старух, поджидавших его у ворот дома. Анастасию повели в баню, содрали покрытую пылью одежду, вымыли, выбрили все волосы на теле, заплели косу и накинули на плечи старый халат. К ногам бросили стоптанные туфли без каблуков. Привели в каморку и поставили перед девушкой чашку с остро пахнувшей похлебкой.

– Ешь! – приказала одна из старух.

Настя отвернулась, молча глядя в стену, покрытую сеткой мелких трещин. Убежать бы, да как? Дом теперь далеко, за Диким полем, а здесь вокруг чужие, враждебные люди иной веры.

О чем-то тихо посоветовавшись, старухи вышли. Осталась одна из них. Подойдя ближе, она присела рядом с девушкой и тихо сказала:

– Ешь! Нельзя надежда терять! Тоска будет, плоха будет. Ешь! Не ты первый здесь. Слабый будешь, умирать будешь. Жить надо!

– Зачем? Зачем жить? – простионала полонянка.

– Э-э, Аллах милостив, – прошамкала старуха, мешая русские и татарские слова, забормотала: – Кто знает, что записано в Книге Судеб? Ты молодая, красивая. И гяурки принимают истинную веру, становятся матерями султанов, повелителей мира, живут в ханском гареме... И выкупают, бывает, полон. И шайтан-урусы отбивают. Все бывает!

Как ни странно, ее бормотание подействовало на Анастасию успокаивающе, и девушка взяла чашку, припала к ней губами. Наблюдавшая за ней старуха удовлетворенно усмехнулась: сколько она уже видела таких! Главное – отвлечь, не дать уйти в себя, отвести мысли о смерти. Завтра девку продадут, она должна быть до того часа живой и здоровой, а потом все в руке Аллаха. Дальнейшее старуху уже не интересовало: важно дождаться утра.

Свернувшись клубочком на коврике, Настя незаметно задремала. Во сне она видела себя счастливой и свободной, но, пробудившись, вновь очутилась в темной каморке с маленьким узким окном. У дверей, как нахохлившаяся птица, сидела закутанная в темное старуха. Послышались тяжелые шаги. Дверь распахнулась, и появился пожилой татарин.

– Пошли, – приказал он.

Старуха поднялась, схватила Анастасию за руку и потащила во двор. Там в тени деревьев был расстелен ковер, на котором, поджав ноги, сидел Буга. Напротив него устроились двое: лысый татарин в желто-зеленом полосатом халате и седобородый толстяк в чалме. Поставив пленницу перед ними, старуха отступила на шаг и молча застыла, ожидая приказаний.

– Вот, смотрите, – показал на девушку Буга. – Девка редкой красоты. Сильная, здоровая. За такой товар я прошу совсем не дорого, Аллах свидетель. Хотела бежать, едва поймали. Муса из моей сотни побежал коня поглядеть⁶, так она его зарубила топором и ускакала в степь. Смотрите, смотрите, уважаемый Кесе-сермед и Хассим бен-Нафи!

⁶ У татар – сбегать по нужде.

Буга льстиво улыбнулся сначала лысому татарину, потом обернулся к седобородому толстяку, важно сложившему руки на животе.

– Якши, якши, – согласно кивнул лысый Кесе. – Но ты хочешь много, слишком много. Пусть снимет халат, мы посмотрим, не кривой ли у нее бок? И не хочешь ли ты подсунуть нам хромую?

– Я? – возмущенно поднял руки Буга. – Сними халат!

Анастасия, понимавшая татарский, рванулась, но ей вывернули руки, а старуха привычно сдернула с пленницы одежду, обнажив девичье тело.

– Смотрите! – кипятился Буга. – Какая высокая грудь, какая нежная кожа, белая, как молоко! Глаза словно море, ресницы похожи на стрелы камыша. Бедро зовут к неге любви...

– А ты, оказывается, поэт, – ехидно засмеялся седобородый Хассим. – Дивное красноречие! Пусть ее оденут, не то простудится и заболевает. Я и так вижу: хороший товар.

Улыбаясь, он достал из-за пояса шелковый мешочек и начал слегка подбрасывать его на ладони, звеня золотом. Казалось, глаза Бути стали совсем косые, он пытался смотреть сразу и на золото в руках бен-Нафи, и на лысого Кесе: кто из них даст больше за русскую? Нет слов, девка очень хороша, он с удовольствием оставил бы ее себе, но... вдруг мурза узнает об утаенной добыче? Донести теперь некому, завистник погиб при набеге на второй городок. Конечно, пришлось немного помочь ему отправиться в рай, зато на душе стало спокойнее и ни с кем не нужно делиться. Но мурза, мурза! Нет, продать, скорее продать русскую! Получить деньги и молчать, забыть обо всем.

– Много, слишком много, – ворчал Кесе. – Сбавь цену, и я возьму ее! – Сняв расшитую ярким зеленым шелком шапочку, он задумчиво почесал загорелую лысину и предложил: – Скинь четвертую часть. Больше тебе никто не даст.

– Ошибаешься, – вкрадчиво заметил Хассим. – Больше даст мудрый Сеид. Он тонкий ценитель северных женщин и торгует рабами по всему побережью.

– Но его здесь нет, – парировал Кесе-сермед. – А Буге нужны деньги, и у него ревнивые жены.

– Это мое дело, – насупился сотник.

– Конечно, конечно, – тут же подхватил бен-Нафи, продолжая звенеть золотом. – Ты невежлив, Кесе! Умные волосы покинули твою голову, оставив только кость, обтянутую кожей.

– Я ухожу, – обиженно заявил лысый и встал с ковра. – Незачем было звать меня, если сговорились за моей спиной. Торгуйтесь! Но смотрите, чтобы русская девка и вам не раскроила черепа топором.

Не прощаясь, он пересек двор и хлопнул калиткой. Проводив его взглядом, толстяк бросил на колени Буге мешочек с золотом:

– На, здесь цена девки!

Сотник быстро раскрыл мешочек и высыпал монеты на ладонь. Пересчитав их, он возмущенно воскликнул:

– Но тут столько, сколько предложил Кесе!

– А что ты хотел? – лукаво усмехнулся Хассим. – Кесе упрям и не вернется. Сеида нет. Остался только я. Зато золото у тебя в руках. Ведь мы оба понимаем, что это не твоя добыча.

– Я сам схватил ее за косу. – Буга бросил на работорговца быстрый взгляд, но тут же отвел глаза и буркнул: – Хорошо, забирай.

– Будь спокоен. – Толстяк пухлой рукой коснулся плеча сотника. – Она будет там, где ее никто не увидит.

Анастасию вывели за ворота и посадили в повозку торговца живым товаром. Хассим хлестнул лошадь и неожиданно спросил на русском языке:

– Сколько тебе лет? Как зовут?

Девушка молчала, глотая жгучие слезы обиды, стыда и унижения. Ее продали, как скот, и неизвестно, что ждет впереди.

– Сейчас мы поедem к хорошему человеку, – как ни в чем не бывало, спокойно продолжал толстяк. – Он носит на шлеме перья серого кречета. Ты знаешь, что это значит? Такие перья носят только потомки рода Чингиза! Иляс-мурза мудр и справедлив, у него русская жена, и тебе будет хорошо в его доме. – Обернувшись, он посмотрел на Анастасию грустными черными глазами и, не дождавшись ответа, сказал: – Жизнь сложная, долгая... У меня тоже есть дети, и они хотят есть. Мы будем ехать два дня. Постарайся не делать глупостей, здесь некуда бежать, а ваш Бог не прощает греха самоубийства...

* * *

Через три дня запыленная повозка бен-Нафи вкатилась в ворота большого дома, окруженного роскошным садом. Вдали на горизонте виднелись горы. С другой стороны поднимались к небу высокие тонкие минареты над куполами мечетей: дом-дворец стоял на окраине большого, шумного города. Утомленная дорогой Анастасия увидела длинное двухэтажное здание из камня с деревянными решетками на окнах и плоской крышей. Во двор высыпала пестро одетая челядь. Толстяку помогли слезть с повозки, а две старухи в темных одеяниях подхватили девушку под руки и потащили в пристройку – мрачное, низкое строение с узкими, забранными железными решетками окошечками. Внутри царил полумрак, на каменном полу лежал слой соломы. У стены стояло несколько грубых скамеек.

Усадив на одну из них Анастасию, старухи встали по бокам, застыв в мрачном молчании. Привалившись спиной к стене, девушка прикрыла глаза и подумала, что сейчас, наверное, толстый и обманчиво ласковый работорговец продаст ее неизвестному мурзе Илясу. Кто этот мурза – любитель славянских женщин, ищущий сладких утех в объятиях северянок? Или он в свою очередь перепродает ее еще кому-нибудь? Или подарит хану, чтобы добиться его благорасположения? Стар Иляс или молод, хорош собой или урод, захочет ее оставить в своем гареме или продать – не имеет значения. Больше Анастасия не намеревалась быть вещью или бессловесным скотом. Рожденная свободной, она хотела свободной умереть.

Неожиданно открылась дверь, по стенам метнулся отсвет пламени факелов, и в пристройку вошло несколько человек. Первым шел высокий жилистый татарин с надменным лицом цвета старой меди. Под низко надвинутой на лоб красной шапкой, опушенной мехом степной лисы, холодно поблескивали светло-карие глаза. Он остановился посередине комнаты, положил ладонь на рукоять заткнутого за пояс богато украшенного кинжала и начал разглядывать сидевшую на лавке девушку. Сопровождавшие его слуги повыше подняли факелы. Низко кланяясь, торопливо подбежал толстый Хассим и зло зашипел на Анастасию:

– Встань!.. Встань немедленно, невежа!

Настя медленно поднялась и, словно ощутив в себе новые силы, смело глянула прямо в холодные глаза татарина.

«Наверное, это и есть мурза Иляс? – подумала она. – Мурза, который мудр и справедлив?»

Стоя на расстоянии вытянутой руки от Иляса, девушка увидела, что он далеко не молод. В бороде и усах густо пробилась седина, лицо покрыто сеткой мелких морщин, под глазами набрякли старческие мешки.

– Эта? – словно ошупав Анастасию взглядом, глухо спросил он.

– Да, высокородный мурза, – не переставая кланяться, зачастил Хассим. – Ты останешься доволен!

– Сколько тебе лет? – Иляс с трудом выговаривал русские слова.

– Шестнадцатая весна пошла, – выдохнула Настя.

– Молоденькая, совсем молоденькая, – тут же подхватил работорговец.

– Вижу, – оборвал его мурза, цепко ухватил девушку за подбородок и повернул ее лицо ближе к свету.

– Не трожь! – Анастасия резким жестом отбила его руку.

Глаза Иляса потемнели от гнева, он выдернул из-за пояса кинжал. Старухи испуганно отпрянули от пленницы, осмелившейся перечить властелину; слуги застыли с поднятыми факелами в руках. Но тут вмешался бен-Нафи. С неожиданной для его комплекции быстротой он встал между мурзой и побледневшей девушкой.

– Сначала отдай мои деньги! – пронзительно заверещал Хассим. – А потом можешь ее убить!

– Дайте ему деньги, – не оборачиваясь, приказал Иляс. Один из слуг кинул к ногам работорговца кожаный кошель. Как только бен-Нафи нагнулся, мурза поставил ему на шею ногу и заставил уткнуться носом в пол. – Теперь, когда она моя, я хочу знать, сколько стоишь ты сам!

Толстяк лежал на животе, прижимая к себе кошель с золотом и боясь шевельнуться. Чалма съехала набок, и было видно, как по жирному загривку струйками стекает пот.

– Страшно? – презрительно засмеялся Иляс и вложил кинжал в ножны.

– Страшно, – безошибочно почуяв перемену в настроении грозного мурзы, как эхо, повторил работорговец.

– А вот женщина не побоялась, поэтому я возьму ее в свой дом. – Иляс убрал ногу с шеи Хассима. – Ты боялся потерять деньги, а сейчас узнал, как легко можно потерять жизнь.

– Да, высокородный, – стоя на коленях, поклонился мурзе бен-Нафи. – Я благодарен тебе, очень благодарен!

– За что? – с издевкой спросил хозяин. – За науку, за сохраненную жизнь или за деньги?

– За все, за все, – вполне искренне ответил работорговец.

– Ладно, ты развлек меня и порадовал красивой русской девушкой. И я за все щедро расплатился. Иди!

Не глядя на Анастасию, Хассим попятился к двери и выскочил вон. Через мгновение раздался его громкий голос:

– О, щедрый! О, великодушный!

– Гоните его со двора, а то до утра будет орать, – недовольно поморщился мурза и вышел.

Настя наконец облегченно перевела дух. Но все-таки жаль, что татарин не ударил ее кинжалом: наступил бы конец мучениям. Что ж, если Иляс решил сделать ее своей наложницей, она убьет его в первую же ночь, как только он войдет к ней. Или он убьет ее, но живой не получит!

Ожившие в отсутствие властелина старухи подхватили девушку под локти и повели во внутренние помещения дома-дворца. Сначала Анастасию хорошенько вымыли в бане, потом долго и старательно массировали, тщательно разминая каждый сустав. Расчесали волосы и принесли богатую одежду, сшитую на татарский манер. Безучастно повинувшись занимавшимся с ней старухам, девушка позволила одеть себя.

– Гурия, – оглядев ее, не смогла сдержать восхищения одна из прислужниц.

Расправив все складки на одежде Анастасии, старухи снова подхватили ее под локти и повели наверх.

Поднявшись по узкой лестнице с мраморными ступенями, они остановились перед двустворчатыми деревянными дверями, покрытыми тонкой резьбой. Распахнули их и втокнули Настю. Девушка увидела большую комнату с расписным потолком: яркие цветы, диковинные травы, щедрая позолота, а по краю причудливой вязью бежали непонятные арабские буквы.

– Подойди сюда, – повелительно раздалось на чистом русском языке.

Обернувшись, Анастасия увидела сидевшую на широком диване красивую женщину в татарском наряде: вышитый золотом ярко-красный кафтан, зеленые шелковые шаровары,

украшенные жемчугом мягкие туфли из желтой кожи. Маленькая ножка женщины нетерпеливо постукивала по темно-бордовому ковру, устилавшему пол.

– Иди, не бойся! – Незнакомка улыбнулась и похлопала ладонью по дивану рядом с собой. – Садись.

Девушка медленно подошла и робко присела. Кто эта женщина, чего она хочет?

– Как тебя зовут? – ласково спросила незнакомка.

– Настя.

– Анастасия? А меня можешь называть матушкой Варварой. – Она снова широко улыбнулась, собрав у глаз лучики морщинок.

– Моя матушка умерла, – тихо ответила пленница.

– Вот как? – Улыбка исчезла с лица Варвары. – С кем же ты жила?

– С отцом и братьями. Не знаю, живы ли они теперь.

– Ничего, все будет хорошо, – погладила ее по плечу Варвара. – Не бойся, тебя не станут обижать. Мой муж добрый и справедливый.

– Муж? – удивилась Анастасия. – Кто твой муж?

– Мурза Иляс, – гордо выпрямилась хозяйка.

– И которая же ты по счету у него жена? – усмехнулась пленница. – Ты можешь спокойно говорить со мной, зная, что твой муж сегодня купил меня, чтобы сделать наложницей?

– У мурзы только одна жена и нет наложниц, – засмеялась Варвара. – А тебя привезли по моей просьбе.

Она придвинулась поближе и обняла девушку за плечи, слегка прижав к себе. На Анастасию пахло неизвестными сладкими благовониями.

– Ты молодая, красивая. Поверь, я искренне желаю тебе счастья. У меня было три сына, а остался только один. Иляс согласился со мной, что у нашего Рифата тоже должна быть русская жена. Мой мальчик отважен и хорош собой. Он единственный наследник мурзы.

Настя слушала со смешанным чувством страха и недоверия: единственная жена богатого татарского мурзы желает, чтобы у ее сына тоже была русская жена? Значит, старый Иляс купил рабыню для наследника?

– А где же братья твоего Рифата? – осмелилась спросить девушка.

Варвара помрачнела и отвернулась. Плечи ее чуть вздрогнули, и, когда она ответила, в голосе слышались сдерживаемые слезы:

– Не вернулись с Дикого поля... Сначала один, потом второй. Я плакала, не хотела их отпускать, но мужчина должен быть воином. Таков закон! Я хочу иметь внуков! Род Иляса не может прерваться.

– Они ходили на Русь? – ужаснулась Настя. – Русская мать отпускала своих сыновей грабить и убивать на ее родине? И ты хочешь, чтобы я легла в постель твоего сына и родила новых убийц?

– Опомнись! Что ты говоришь! – Варвара оттолкнула девушку, но та не замолчала.

– Я не хочу рожать татарчат! Воины нужны Руси, а ты, русская, родила врагов своего народа. Получается, что русские воюют с русскими в степи, рубят и арканят друг друга? Так орду не победить, нет! Ты стара и глупа, а я не дамся твоему сыну. Так и знай!

– Молчи! – Хозяйка вскочила и с размаху влепила пленнице крепкую пощечину. – Рабыня! Ты осмелилась порочить память моих детей?! Ты осмеливаешься противиться мне?

– Они убийцы, убийцы! – не помня себя, закричала Настя. – Я задумала твоего ублюдка, если он подойдет ко мне!

– Тварь! – взвизгнула Варвара, схватила пленницу за косу, пытаясь повалить, но та уперлась руками ей в грудь. Сцепившись, они упали и покатались по ковру, стараясь запустить ногти в глаза друг другу, вырывая волосы и яростно крича от боли и злобы.

Распахнулись двери, и в комнату вбежали караулившие на лестнице старухи. Оторвали Анастасию от хозяйки и прижали к полу, не давая пошевелиться. Тяжело сев, Варвара глухо сказала:

– Уведите ее. Заприте до приезда молодого господина.

– Все равно по-твоему не будет! – пытаясь вырваться, крикнула Настя.

– Ну да? – усмехнулась успевшая привести себя в порядок хозяйка. – Я резвее тебя была, а судьбе покорилась. Идите...

Ближе к вечеру Варвара позвала одну из старух, чтобы узнать, чем занимается новая рабыня.

– Вышивает, – ответила прислужница.

– Пусть работает, – согласилась хозяйка. – Что она вышивает?

– Платок. Красными нитками по белому полотну цветы и птицы. Ее надо бить плетьюми!

Аллах запрещает изображать живое.

– Вы ей сказали об этом?

– Да, но она ответила, что не собирается жить по законам Аллаха.

– Не робки отрепки, но лоскутов боятся, – горько улыбнулась Варвара. – Оставьте ее в покое, пусть пока делает что хочет. Скоро приедет Рифат, а там посмотрим...

Глава 2

Ранним утром по широкой аллее запущенного сада, раскинувшегося в одном из пригородов Рима, медленно прогуливались трое мужчин. Один из них остановился и прислушался:

– Кажется, звонят к заутрене? Ваш приятель опаздывает, синьор Альчиде.

– Да, – согласился Альчиде, нервно пощипывая щегольскую бородку. – Пора бы уж ему появиться.

– Он испугался, – презрительно скривил губы третий, сдувая невидимые пылинки с голубого камзола, богато украшенного вышивкой.

– Вы так думаете, Ридольфо? – заинтересованно обернулся к нему первый мужчина.

В ответ тот, кого назвали Ридольфо, иронично улыбнулся:

– Как видите, его нет, синьор Лацио!

– Если не ошибаюсь, это он. – Альчиде показал в дальний конец аллеи. Придерживая длинную шпагу, к ним торопливо шел молодой господин в темном платье. Единственным светлым пятном в его одеянии были белые страусовые перья на широкополой шляпе.

– Весь в черном, – фыркнул Ридольфо. – Наверно, заранее решил надеть траур?

Остановившись в трех шагах от собравшихся, вновь прибывший снял шляпу и сделал общий изящный поклон.

– Вы заставили вас ждать, синьор Белометти, – мягко укорил его Альчиде.

– Приношу свои извинения, господа. Особенно вам, синьор! Но поверьте, у меня множество дел в вечном городе, а времени не хватает. – Зеленоватые глаза Белометти лукаво блеснули. С озабоченным видом он посмотрел по сторонам: – Где мы приступим к разрешению недоразумения, синьоры?

– Что вы считаете недоразумением? – Ридольфо надменно вздернул подбородок.

– Не нужно так спешить, синьоры, – примирительно улыбнулся Альчиде. – Пойдемте, неподалеку есть прелестная полянка, окруженная густыми кустами. Она достаточной длины и ровная.

– Хорошо, будьте нашим Вергилием, – поклонился Белометти.

– Да, не стоит терять времени, тем более некоторым синьорам его так не хватает, – желчно заметил Ридольфо. – Ведите нас!

Альчиде смело углубился в заросший сад. Взяв под руку Белометти, он оживленно болтал с ним о каких-то пустяках. Следом, отстав на несколько шагов, шли Ридольфо и Лацио.

– У меня к вам большая просьба, – тихо сказал своему спутнику Ридольфо. – Поскольку у нас дуэль двое на двое, оставьте венецианца мне. Мы с ним составим прелестную пару.

Лацио молча кивнул в ответ.

Полянка оказалась именно такой, как обещал Альчиде. Швырнув на траву шляпы, мужчины сняли перевязи и обнажили шпаги, а ножны бросили рядом со шляпами.

– Синьоры, кто из вас окажет мне честь? – Белометти скинул камзол, оставшись в темной кружевной рубашке.

– Я. – Ридольфо взмахнул клинком и срубил тонкую веточку уже успевшей отцвести сирени. – Лацио будет драться с Альчиде. Уцелевшие противники вновь скрестят шпаги. Вы готовы, синьор Белометти?

– Запомните, синьор: мое полное имя – Джакомо дель Белометти. Когда черти в аду спросят, кто вас отправил к ним, вы назовете им мое имя.

– Благодарю, – церемонно поклонился Ридольфо. – Я закажу по вас заупокойную мессу. В свою очередь передайте дьяволам, что вас послал в ад Ридольфо да Камерино.

Безмятежно улыбаясь, Белометти ловко парировал первый выпад Ридольфо. Рядом раздавался звон шпаг Альчиде и Лацио.

Камерино наступал с холодной яростью опытного фехтовальщика, участвовавшего во многих опасных поединках. Желая примерно наказать приезжего венецианца, осмелившегося вчера отпустить при дамах несколько весьма обидных и колких шуточек в его адрес, он решил непременно заколоть нахала. Но сначала ему хотелось увидеть в глазах противника ужас неминуемой смерти, насладиться его беспомощностью и только потом нанести последний удар. Ридольфо имел заслуженную славу опытного дуэлянта, и его шпага, не зная устали, нацеливалась то в горло, то в грудь, то в живот продолжавшего улыбаться Белометти. И эта улыбка еще больше злила Ридольфо.

– Спокойнее, синьор, спокойнее, – парируя удары, приговаривал Белометти. – Неужели вы хотите испортить мою рубашку?

Ридольфо, стиснув зубы, проглотил готовое вырваться проклятие и сделал шаг назад. Черт побери, венецианец недурно владел клинком, и первый натиск не принес успеха. Что ж, попробуем по-другому.

Бросив быстрый взгляд на вторую пару дуэлянтов, Ридольфо увидел, что они лениво пугают друг друга ложными выпадами, не предпринимая активных действий. Ну просто нерадивые ученики в фехтовальном зале. Ладно, сейчас он покончит с Джакомо и займется его дружкой Альчиде. Ведь это именно он привел вчера с собой венецианца.

Теперь Ридольфо стал собраннее и осторожнее. Не делая глубоких выпадов, он старался нащупать слабое место в обороне Белометти, пытаясь достать концом шпаги то до его левого, то до правого бока или, улучив момент, нырнуть под вытянутую руку противника, чтобы пронзить его снизу вверх, – это был старый семейный прием да Камерино, не раз помогавший одержать победу.

Но венецианец вел себя крайне осмотрительно. Его клинок неизменно оказывался именно там, куда целился Ридольфо. Звенела, высекая синеватые искры, сталь, и все пришлось начинать сначала, заплетая тонкое кружево смертельно опасных выпадов.

Ага, вот он, долгожданный момент! Белометти опрометчиво задрал локоть! Ридольфо рванулся вперед и почти сел на шпагат. Молниеносным движением он выбросил клинок вверх, предвкушая, как отяжелеет сталь, войдя в тело проклятого венецианца.

Но его шпага встретила только пустоту. Не удержав равновесия, Ридольфо упал на бок и увидел рядом со своим лицом черные туфли Белометти.

– Давайте руку, синьор, я помогу вам встать, – любезно предложил он. – Или вы подниметесь сами?

– Вы целы? – изумленно уставился на него Ридольфо. Впервые испытанный прием не уложил противника. Уж не заколдован ли венецианец?

– Как видите. Продолжим? Честно говоря, вы доставляете мне удовольствие.

– Я убью тебя! – вскочив на ноги, прошипел Ридольфо.

– Зря вы это сказали. – Красивое лицо Белометти помрачнело. – Я не прощаю тех, кто хочет меня убить. Защищайтесь, синьор! Пока вы только нападали.

Ридольфо едва успел встать в позицию, как сразу же почувствовал, что ход поединка изменился: шпага венецианца казалась живой стальной змеей, она неуловимо быстро отбивала его клинок, отбрасывала в сторону.

– Как вам это нравится, синьор? – Острые шпаги Джакомо легко распорол голубой камзол на груди Ридольфо, но незадело тела. – А вот так?

Звон клинков, резкий выпад, холодный ужас при касании разгоряченного тела отточенной сталью, и камзол распорот на правом плече. Но опять ни капли крови.

– Мы могли все закончить достаточно мирно, – холодно процедил Белометти, – но вы желаете моей смерти, синьор. Поэтому я прошу прощения за все дурное, что причинил вам. Будьте добрым христианином.

– Прощения? – с трудом поспевая отбивать его клинок, обозлился Ридольфо.

– Вы прощаете меня? – продолжая наступать, спросил венецианец. Его зеленоватые глаза хищно сузились, их взгляд показался Ридольфо взглядом палача, оценивающего жертву. О, как бы он хотел сам так смотреть на Джакомо!

– Нет!

Неужели Белометти не знает усталости? Или у него железные икры и мертвая хватка – рукоять шпаги словно приросла к руке? Где он научился так дьявольски искусно владеть клинком?

– Нет? Жаль! И все же простите меня, Ридольфо. И... прощайте!

Альчиде и Лацио давно перестали фехтовать. Они, как зачарованные, следили за поединком, напроць забыв о недавней вражде. Да и была ли она между ними?

Клинок венецианца начал все чаще мелькать перед глазами Ридольфо, и тот уже никак не поспевал защищаться, все больше и больше поддаваясь паническому страху. Если раньше он шутя делал с противниками все, что ему заблагорассудится, то сейчас с ним играли так, как сытый кот играет с несчастной мышкой. А ведь совсем недавно грезилась легкая победа в очередной дуэли и грудь распирало тщеславное желание проучить Белометти, заставив навсегда окаменеть его острый язык.

Белометти отступил, давая Ридольфо возможность немного отдышаться. И тот воспользовался этим, чтобы перехватить инициативу. Отбив клинок венецианца, он сделал выпад и почувствовал толчок в грудь – легкий, почти неощутимый. Но ноги вдруг подкосились, в глазах потемнело, шпага выпала из ослабевшей руки. Ридольфо словно споткнулся и мягко осел на землю.

– Помилуй мя... – Белометти гнусаво пропел первые слова поминальной молитвы и обернулся к изумленным Альчиде и Лацио. – Вы закончили, синьоры?

– Да, – быстро ответил Лацио.

– В таком случае, синьор, вы примете мои извинения или хотите скрестить со мной шпаги?

– Я принимаю ваши извинения, синьор Белометти, – не сумев скрыть вздох облегчения, церемонно поклонился Лацио.

– Надеюсь, мы станем добрыми друзьями. – Ласково улыбнувшись, Джакомо протянул ему руку.

Обменявшись рукопожатием с венецианцем, Лацио подошел к телу Ридольфо, опустился на колени и перевернул его на спину. На него глянули остановившиеся глаза на побелевшем лице. Из угла рта сочилась тонкая струйка крови, а на груди темнело маленькое бурое пятнышко.

– Прямо в сердце, – прошептал Лацио.

– Вы возьмете на себя горькую обязанность сообщить его семье? – застегивая камзол, спросил Джакомо.

– Да, но...

– Но? – недоуменно поднял брови венецианец.

– Семья да Камерино, – начал Лацио и замялся. – Не знаю, как это вам лучше объяснить...

– Они славятся дурным нравом и мстительностью, – закончил за него Альчиде. – Ридольфо был известным забиякой и дуэлянтот. Поэтому я изрядно поволновался за вас.

– Пустое, – пренебрежительно отмахнулся Белометти. – Мы вполне могли мирно разойтись, если бы он не жаждал моей крови. Но поймите меня правильно, синьоры, я не могу сам сообщать близким Ридольфо, что заколол его в поединке.

– Не в этом дело, – поднимаясь с колен, сказал Лацио. – Думаю, вам лучше всего сегодня же покинуть Рим. Да Камерино способны на все, и семья их многочисленна.

– Вот как, – с сожалением причмокнул губами венецианец. – К несчастью, мой отъезд зависит не только от меня. Тем не менее я признателен вам за предупреждение. Как говорили древние, кто предупрежден, тот не побежден. До свидания, синьоры! Дела вынуждают меня вернуться в Рим как можно скорее.

Перекрестившись, он поклонился телу, сделал прощальный жест и неслышно исчез в кустах.

Лацио проводил его взглядом и обернулся к недавнему противнику:

– Послушайте, Альчиде, вне сомнения, синьор Белометти человек ловкий, однако я действительно за него опасаюсь.

– Чего? Мстительности да Камерино? Да, по всей вероятности, вам не удастся скрыть, кто убил их родственника. Впрочем, лучше предоставим выпутываться из этой истории самому Белометти. Поверьте, он не только ловкий, но и весьма опасный человек.

– Я это успел заметить, – вздохнул Лацио. – Мне не хотелось бы иметь его в числе своих врагов.

– Что до меня, – Альчиде нахлобучил шляпу, – то я сегодня же уезжаю, чтобы переждать недельку-другую где-нибудь в сельской глуши. Прощайте, синьор Лацио! Как только я доберусь до таверны, где мы оставили слуг, тотчас пришлю их вам на помощь.

Он взял шпагу под мышку, быстро зашагал к аллее и вскоре выбрался на проезжую дорогу.

Оставшись один, Лацио прикрыл тело Ридольфо плащом и в ожидании слуг принялся расхаживать по поляне, размышляя о том, чем, в конце концов, закончится сегодняшняя дуэль для заезжего венецианца...

* * *

Во второй половине того же дня синьор Белометти появился на узкой улочке неподалеку от церкви Санта Тринита деи Монте. Утренний траурный наряд он сменил на белую кружевную рубашку и светло-желтый камзол, расшитый серебром. На голове его красовалась белая шляпа с пером, а у бедра висела длинная шпага. Стараясь держаться на теневой стороне улицы, он отыскал нужный ему дом и постучал в калитку глухих ворот висевшим на медной цепочке изящным молотком.

Гостя ждали: калитка немедленно распахнулась, и, шагнув через порог, Белометти очутился в прохладном дворике, окруженном крытой галереей. Среди кустов роскошных роз тихо журчали струи мраморного фонтана. Казалось, здесь не властна удушающая жара, царившая в вечном городе.

– Синьор дель Белометти? – почтительно осведомился рослый чернобородый привратник, похожий на отставного солдата.

– Да, – приветливо улыбнулся Белометти, – я пришел к отцу Паоло.

– Вас ждут. – Бородач закрыл калитку на массивный засов и повел гостя в дальний конец галереи.

Навстречу им вышел высокий худой человек в грубой монашеской рясе с большим капюшоном, откинутым на спину. Ряса была подпоясана толстой веревкой, на которой висели длинные четки из кипарисового дерева. Белометти снял шляпу и подошел под благословение. Привратник неслышно удалился.

– Рад видеть тебя. – Аскетичное лицо монаха озарилось мимолетной улыбкой. – Устал от жары? На берегах ваших каналов сейчас, наверно, прохладнее?

– Да, в Риме жарко, – осторожно согласился Белометти. Когда встречаешься с высокопоставленным иезуитом, всегда лучше не перечить, меньше говорить и больше слушать.

– Есть страны, где еще жарче, – перебирая узловатыми пальцами четки, заметил монах, – а есть такие, где на земле очень долго лежит снег, как на вершинах наших гор. Представляешь: больше половины года все покрыто льдом.

Иезуит вздохнул и покосился на гостя, которого явно заинтересовало упоминание о северных странах.

Воспитанный иезуитами, Белометти многое от них перенял, прекрасно изучил их повадки, не говоря уже о том, что они сами долго и старательно обучали его различным наукам и премудростям, стараясь как можно лучше подготовить юношу к избранному ими для него нелегкому поприщу тайного агента «псов господних». Много лет назад мальчик из обедневшей дворянской семьи привлек внимание ордена. Подросток отличался быстрым умом, способностью к языкам, ловкостью и отменным здоровьем. Старый дель Белометти был только рад, когда ему предложили бесплатно отдать сына для получения образования в иезуитский коллегиум, славившийся набожностью и ученостью. Он подумать не мог, что монахи любовно и заботливо воспитают из Джакомо мастера тайных интриг, научат владеть словом, ядом и клинком.

Юный Джакомо оказался прилежным учеником, и его заметил сам отец Паоло, руководивший огромной сетью шпионов-иезуитов. Суровый аскет приблизил к себе молодого венецианца и начал давать ему кое-какие поручения, с которыми тот блестяще справлялся. В результате денежные дела семьи дель Белометти значительно улучшились, а Джакомо стал одним из доверенных лиц венецианской разведки, славившейся хитроумием, цинизмом, изощренной жестокостью и неразборчивостью в средствах для достижения цели. Это была серьезная школа.

И вот приказ прибыть в Рим, к отцу Паоло. Сейчас здесь, в тихом тенистом дворике, Джакомо узнает, что ждет его впереди. И скажет об этом сам отец Паоло. Нужно только набраться терпения, не торопить события. Но как хочется поскорее узнать!

– Далеко отсюда, среди снегов и дремучих лесов, живут московиты, – после долгой паузы сказал иезуит. – Ты знаешь об их стране?

Джакомо молча кивнул. Монах спрятал в углах губ довольную улыбку: ни один мускул не дрогнул на лице его воспитанника, а ведь наверняка тот подумал, что ему предстоит ехать в далекие северные края.

– Мы обеспокоены, – ровным голосом продолжал отец Паоло, – что не удалось принести на Русь свет истинной католической веры. Поляки уже были в Москве, но московиты выгнали их и убили царя Дмитрия, посаженного на престол польскими магнатами. Русские объявили его самозванцем. Недавно московиты вновь воевали с поляками, воевали неудачно, и теперь заливают раны.

– Вы хотите насыпать им на раны соли? – усмехнулся Джакомо.

– Хочу, – не стал скрывать иезуит. – Московиты становятся очень опасны.

– Опасны? – сделав вид, что ослышался, переспросил Джакомо. – Насколько я знаю, их земли далеко от Рима.

– Да, далеко. Но посмотрим на них с другой, неожиданной стороны. Когда русские изгнали поляков, князь Пожарский создал самую передовую в Европе армию, даже с полковой артиллерией! Пусть сейчас эта армия пришла в упадок, но московиты памятьливы. Очевидцы свидетельствуют, что храбрость русских в бою подобна храбрости римских легионов: непоколебимое мужество и беззаветная готовность выполнить свой долг.

– Вы не преувеличиваете? – испытующе посмотрел на наставника Белометти.

– К сожалению, нет, – вздохнул отец Паоло. – Я дорого бы дал, чтобы это было преувеличением. Верные Папе люди есть при дворе каждого властелина. Есть они и рядом с царем московитов. Поэтому мы знаем многое. Славяне мечтают объединиться – вот что страшно! Однажды, объединившись, они вырубили тевтонских крестоносцев под Грюнвальдом!

– Я читал об этом, – заметил Джакомо. – Битва была ужасная.

– Ужасная – не то слово. Два русских полка из Смоленска погибли, но не отступили ни на шаг. Представляешь? Вот что бывает, когда славяне объединяются.

Иезуит замолчал и сгорбился, словно под тяжестью невеселых мыслей, которые он постоянно вынужден носить в себе, не имея возможности ни отбросить их, ни передать кому-либо. Даже походка его стала старческой, шаркающей. Опираясь на руку Джакомо, отец Паоло прохаживался по галерее и думал, стоит ли посвящать питомца в непростые перипетии отношений католического мира со всеми славянами, и особенно с этой новой, набирающей силу Державой, называемой Московией? Пусть русские пока еще не встали твердо на ноги, но опасность ощутимо зреет год от года, и не дай Бог увидеть поднявшегося во весь рост могучего северного исполина!

Да, славяне мечтают об объединении. И скоро католическая Польша не сможет удержать значительную часть своих владений – они, несомненно, отойдут к русским. Шестнадцать лет назад митрополит Украины Иов Борецкий уже посылал в Москву луцкого епископа Исаакия Борискевича с советниками для переговоров об объединении. Тогда удалось помешать этому и сохранить под сенью католического креста многие земли. А что будет дальше?

– Болгары и сербы ждут помощи от Московии в борьбе с турками, – глухо сказал иезуит. – Украина жаждет перейти под руку московитов. Русский царь натравливает волков степей – казаков – на Крым и Польшу. Там все бурлит, как кипящая на сильном огне похлебка.

– Казаки? – недоуменно поднял брови Джакомо. – Это войско московитов?

– Ты почти угадал, – скрипуче рассмеялся Паоло. – Это вольные всадники южных равнин, постоянно воюющие с турками и татарами. Современные скифы. Они тоже славяне и служат Московии. . . Кстати, поляки тоже славяне. Нам надо, чтобы они забыли об этом! Они католики! И мы не можем позволить им объединиться с русскими для борьбы против турок. Это привело бы к ужасным последствиям.

Внимательно слушавший Белометти терялся в догадках. Что ему прикажут? Ехать в Польшу? Говорят, женщины там прекрасны до умопомрачения, а мужчины готовы по любому поводу вызвать на поединок. Что ж, с женщинами он быстро находил общий язык, а поединки дело привычное – уже не один противник дела, которому он, Джакомо, преданно служил, вызванный на дуэль по указке отцов иезуитов, упокоился в земле. Не зря же его отправляли учиться к лучшим фехтовальщикам Европы! Или придется скакать в Московию? Жить среди диких скифов, одеваться в звериные шкуры? Прикажут – поедешь!

– Разве не благое дело борьба с турками? – решил пустить пробный шар Джакомо. – Ведь крестоносцы так и не отвоевали гроб Господень.

Отец Паоло остановился и покачал головой, словно услышал лепет неразумного ребенка.

– Никколо Макиавелли сказал: мораль и политика живут на разных этажах. – Он назидательно поднял палец. – А крестовых походов больше нет, мой мальчик. Я мечтаю о том, чтобы над Балканами вместо полумесяца сиял католический крест, а не православный! Рука Папы должна осенять благословением славянские народы, поэтому нужно помешать усилению московитов.

«Сейчас он перейдет к главному, – понял Белометти. – До этого он просто вводил меня в курс дела».

Иезуит нахмурил кустистые брови, цепко прихватил Джакомо за локоть и притянул его ближе.

– Казаки захватили сильную турецкую крепость Азов. Если царь московитов возьмет ее себе, русские получают выход к теплым морям! Но для нас не так важно, возьмет он ее или нет. Важно другое: славяне наступили на большую мозоль туркам и Крымскому хану. Должна начаться война. Обязательно должна! Пусть турки ударят по Московии с юга, а поляки – с запада! Пусть никто никому не захочет уступить! Война! Московиты не выдержат двойного удара.

Почти оттолкнув Белометти, иезуит засмеялся, запрокинув голову с выбритой на затылке тонзурой. В глазах его мелькнул хищный огонек.

«Не сумасшедший ли он? – внезапно пришла в голову Джакомо крамольная мысль. – Сидит тут, в тихом римском дворике, и, как на шахматной доске, передвигает королей, султанов, ханов, натравливая одни народы на другие и мечтая разжечь страшную войну. Но передвигает лишь в своем воспаленном воображении, давно оторвавшись от реальности жизни и считая реальным только свой бред».

– Тебе плыть в Константинополь. – Отец Паоло резко оборвал смех. – В Польше найдется, кому подтолкнуть короля к войне, а ты должен хорошо поработать у турок. Мне доносят, что трон султана Мурада шатается, многие османские паши хотят похода на Московию. Держи! – Порывшись в складках сутаны, он достал перстень.

Белометти принял его и начал разглядывать. На оправленном в золото бледно-синем камне был вырезан апостол Петр с ключами от райских врат в правой руке. Слева от фигуры святого – папская тиара, а справа – начальная буква имени правящего Папы.

– Почти перстень Рыбака⁷, – усмехнулся иезуит. – В турецкой столице тебя ждет синьор Рибейра. Отдай ему перстень, и он подскажет, что и как тебе делать.

– Когда нужно отплыть? – Джакомо надел перстень на палец.

– Сегодня вечером. Корабль уже готов. Тебе не стоит задерживаться в Риме.

«Он знает о дуэли, – понял Белометти. – Нет, Паоло не сумасшедший. Может быть, фанатик, но не сумасшедший».

– Всего лишь долг чести, – смиренно опустил глаза, начал оправдываться он. – У меня не было намерений убивать да Камерино.

– Какая досада, – с притворным сожалением язвительно заметил монах. – Несчастный случай? Бедняга сам напоролся на твою шпагу и умер?

– Почти так... Он как одержимый стремился заколоть меня. Естественно, я не мог ему этого позволить.

– Ты не мог его обезоружить? Почему каждая твоя дуэль непременно заканчивается смертью противника?

– Я не совсем вас понимаю, – недоуменно пожал плечами Джакомо. – Ридольфо прекрасно владел клинком, и, если бы не моя ловкость, вам бы пришлось служить заупокойную мессу по несчастному Белометти. Наверняка он был одним из лучших фехтовальщиков Рима.

– Это так, – недовольно поджав губы, согласился иезуит.

Какая злая ирония судьбы! В поединке сошлись две шпаги, тайно служившие ордену, и вот осталась одна. Непростительная оплошность шпионов, слишком поздно предупредивших о дуэли, а ведь ее можно было не допустить. Остается утешиться тем, что в живых остался лучший, а новые мастера клинка, готовые служить ордену, найдутся.

Конечно, не стоит посвящать Джакомо в эти подробности, самое правильное – поскорее отправить его подальше отсюда.

– Это так, – повторил отец Паоло. – Но не забывай: мы живем в цивилизованной стране, где есть власти и закон! Ладно, сделанного все равно не воротишь... Вечером в известном тебе месте на набережной будет ждать лодка. Скажешь ее хозяину, что завтра тебе нужно быть на Сицилии. Он доставит тебя на корабль «Четыре коня». Капитан предупрежден и выйдет в море, как только ты ступишь на палубу. В турецкой столице отыщешь Рибейру и отдашь ему перстень. Где живет Вейга Рибейра, скажет капитан.

⁷ Перстень Рыбака – кольцо, которое носит Папа Римский в знак обручения с Церковью. На нем изображен апостол Петр в лодке с ключами от Царствия Небесного в правой руке. После смерти Папы кольцо ломают и новый Папа получает другое в подарок от города Рима. Перстень называют так потому, что, согласно преданию, апостол Петр раньше был рыбаком.

«Четыре коня»? – подумал Белометти. – Четыре медных позолоченных коня стоят на фронте церкви Святого Марка, покровителя Венеции. Счастливое предзнаменование! Этим конем вывезли некогда из Константинополя разграбившие его крестоносцы. А раньше столицу султанов называли вторым Римом. Будем надеяться, что эти кони принесут меня к победе».

– Удачи тебе, мой мальчик. – Иезуит обнял Джакомо, потом отстранил и заглянул в глаза. – Ты едешь из Рима в Рим.

– Вы угадали мои мысли, святой отец.

– Будь осторожен, настойчив и не стесняйся в средствах. Я приготовил тебе кое-что.

Паоло трижды громко хлопнул в ладоши. Открылась неприметная дверь в стенной нише, и появился неопределенного возраста человек в скромном зеленом камзоле. В левой руке он держал внушительных размеров шпагу с простой медной рукоятью, а правой прижимал к себе окованный железом дорожный ларец из темного дуба.

– Это Гравино, – представил его монах. – Он может быть кем угодно: солдатом, бродячим фокусником, телохранителем, моряком, лекарем, звездочетом, хитрым шпионом, купцом. Гравино владеет множеством профессий и говорит на языках всех народов Средиземноморья. Ты возьмешь его с собой. Даю тебе право использовать его по своему усмотрению.

«Приставил ко мне соглядатая, – рассматривая шпиона, решил Белометти. – Надо избавиться от него под благовидным предлогом. Но не сейчас. Отказаться от общества этого синьора означает навлечь на себя подозрения».

Ничем не примечательное лицо Гравино выражало равнодушную готовность выполнить любое приказание. Повинуясь знаку иезуита, он снял со своей шеи висевший на цепочке ключик, отпер замок ларца и откинул крышку. Взору Джакомо предстало несколько мешочков из тонкой кожи, туго затянутых у горловины шелковыми шнурками. Взяв один из мешочков, отец Паоло развязал шнурок:

– Здесь жемчуг, в других золото, драгоценные камни. – Он бросил мешочек в ларец и захлопнул крышку. – Делай подарки нужным людям, покупай их благорасположение, заставь плясать под твою музыку. Ты знаешь, чего должен добиться. Иди, Гравино, подожди у ворот.

Гравино молча поклонился, запер ларец, взял его под мышку и удалился.

– Не слишком-то он разговорчив, – усмехнулся Джакомо.

– Зато надежен, – заверил монах. – По правде говоря, тебе лучше поскорее покинуть Рим. Даже моего влияния может оказаться недостаточно, чтобы оградить тебя от мщенья семьи да Камерино.

Белометти молча расстегнул камзол, развязал ленты кружевного жабо и обнажил грудь. Отец Паоло увидел переливающиеся синеватым блеском кольца обтянувшей тело тонкой кольчуги.

– Я редко снимаю ее, – приводя одежду в порядок, сказал молодой человек. – И потом, нас теперь двое.

– Хорошо, иди! – Иезуит ласково погладил его по плечу и слегка подтолкнул. – О том, как идут дела, сообщай через Рибейру.

Джакомо поцеловал руку монаха и, не оглядываясь, пошел по галерее. Рим уже стал для него частичкой прошлого. Еще несколько часов он будет назойливо напоминать о себе, а потом под ногами закачается палуба корабля, и вскоре перед ним откроется новый мир.

Прощай, вечный город! Прощай, отец Паоло, прощайте, гордые синьоры и прекрасные синьорины! Впереди манящий и загадочный Босфор...

* * *

До гостиницы, где остановился Белометти, добрались без происшествий. По дороге Гравино постоянно держался на шаг позади Джакомо, словно прикрывая его со спины. Подняв-

шись в свою комнату, венецианец отстегнул шпагу и предложил новому знакомому располагаться. Гравино обошел комнату, выглянул в открытое окно, выходящее на оживленную улицу, потом уселся на стул и поставил у ног ларец.

Разглядывая своего неожиданного спутника, Белометти попытался определить его возраст и национальность, но вскоре отказался от этого занятия. Гравино мог быть уроженцем любой страны: темные, но не черные волосы, карие глаза, правильные черты загорелого лица, не имевшего особых примет. Кто он: грек, испанец, француз, итальянец? Или его родина где-то на Балканах?

Сколько ему лет? Явно не юноша, но и не старик, судя по гладкой коже лица и крепким рукам, привычным к оружию и любой работе. Однако его руки не похожи ни на руки крестьянина, ни на руки солдата или моряка. Да, отец Паоло сделал на прощание загадочный подарок. Вдруг Гравино, ко всему прочему, еще и глухонемой?

– Предлагаю отобедать и собираться в путь. Согласны? – Джакомо бросил быстрый взгляд на Гравино.

Тот в ответ согласно кивнул, взял со стола колокольчик и позвонил.

– Принеси жареную пулярку, рыбу, тушеное мясо, паштет, пирог, овощи, красного и белого вина, – велел он появившейся служанке. – И побольше фруктов.

Ел Гравино много и жадно, обильно запивая трапезу вином. Около его тарелки уже громоздилась куча костей, а он все подкладывал и подкладывал себе большие куски нежного паштета, толстые ломти мяса, отрезал пирога, без усталости работая крепкими челюстями.

– Я вижу, вы долго постились? – с улыбкой заметил сидевший напротив Джакомо.

– Я? М-м-м... – Гравино отложил обглоданное крылышко пулярки и налил себе еще вина. – Впереди дорога, поэтому стоит поесть впрок. Кстати, здесь прилично готовят.

– Где вы родились? – прямо спросил Белометти.

– Почему это вас интересует? – Гравино оторвался от пирога. – Я же не спрашиваю, откуда вы родом?

– В этом нет секрета, – засмеялся Джакомо. – Я родился в прекрасной Венеции.

– А меня произвели на свет далеко отсюда, среди высоких гор. Вряд ли вам знакомо название этого местечка, – ответил Гравино. – К тому же я давно не был в родных краях.

– У вас там остались близкие?

– Да, жив отец, есть сестра... Кстати, уже смеркается. Кто доставит ваш багаж на набережную?

«Уходит от разговора, – понял Джакомо. – Третий малый! Нет, голубчик, долго терпеть твое общество я не намерен. У меня достаточно собственных тайн, и я не намерен заниматься разгадыванием чужих».

– Мой слуга, Руфино, – ответил он на вопрос Гравино. – Хозяин гостиницы даст нам тележку, а его племянник заберет ее, когда мы отплывем. А где ваши вещи?

– На корабле, – пояснил шпион.

На набережную отправились уже в темноте. Впереди, освещая путь факелом, шел племянник хозяина гостиницы и вел под уздцы запряженного в тележку ослика. Рядом, придерживая поклажу, семенил Руфино, пожилой слуга Белометти. Замыкали маленькую процессию Джакомо и мрачный Гравино, недовольный тем, что на улицах слишком темно. Несколько раз встревоженно оглянувшись, он шепнул:

– Кажется, за нами кто-то идет.

Джакомо быстро обернулся, но улица была пуста. На мостовой лежали полосы слабого света, падавшего из окон, да покачивались на слабом ветру редкие фонари.

– Вам показалось.

– Нет, – упрямо возразил Гравино. – Я видел одетого в черное человека, который спрятался за углом, как только я оглянулся.

– Какой-нибудь повеса отправился на свидание к красотке. – Белометти попытался обратить все в шутку.

– Не думаю, – буркнул шпион.

Звонко цокая копытцами по камням мостовой, ослик миновал слабо освещенный перекресток и потянул тележку в узкую улочку, ведущую к набережной. Свет факела в руке племянника хозяина гостиницы казался линялым куском красной ткани, совершенно не способным разорвать окружающий мрак. И вдруг из этого мрака появилось несколько фигур, закутанных в широкие темные плащи.

– Берегись! – Гравино обнажил шпагу.

Одна из фигур взмахнула рукой, и Джакомо получил такой сильный удар в грудь, что не устоял на ногах и отлетел к стене дома, больно стукнувшись о нее спиной. А рядом уже зазвенела сталь – трое неизвестных наседали на Гравино, едва успевавшего одной рукой отражать яростные атаки, другой он прижимал к себе заветный ларец отца Паоло.

Пытаясь подняться, Белометти увидел, что к нему бросились еще двое закутанных в плащи мужчин. Один был вооружен шпагой, а другой размахивал длинным кинжалом, явно намереваясь всадить его в грудь Джакомо.

– На помощь, убивают! Стража! – В ужасе дребезжащим старческим тенорком вопил Руфино, но вокруг все словно вымерло. Племянник хозяина гостиницы шустро юркнул под тележку и не подавал признаков жизни.

Белометти выхватил из кармана маленький двустольный пистолет и, почти не целясь, выстрелил. Мужчина со шпагой схватился руками за живот и рухнул на мостовую.

– Свины! Подлецы! – выкрикивал Гравино, орудуя шпагой. Из раны на его голове тонкой струйкой стекала по щеке кровь.

Вооруженный кинжалом убийца метнулся в сторону, опасаясь нового выстрела, но пистолет в руках Джакомо дал осечку: сухо щелкнув по кремню, курок не высек искры. Однако тех мгновений, пока нападавший медлил, хватило Белометти, чтобы вскочить и выхватить шпагу. Отбросив бесполезный пистолет, он ринулся на противника и заставил его отступить. Тянуть не имело смысла, поскольку Гравино уже теснили и ларец могли захватить грабители. Джакомо сделал быстрый выпад и пронзил руку убийцы, сжимавшую кинжал. И тут же, молниеносно вскинув клинок, проткнул ему горло.

– Держитесь! – крикнул он Гравино. – Я уже здесь.

Нападавшие на Гравино разделились: один по-прежнему пытался завладеть ларцом, а двое других бросились на Белометти. Подняв шпагу убитого, Джакомо взял ее в левую руку и смело вступил в бой, фехтуя обеими руками.

– Ну, живей, ребята, живей! – поддразнивал он нападавших. – Вас двое, а я всего один!

Мужчины в черных плащах оказались далеко не новичками, и Белометти подумал, каково же пришлось Гравино, когда тот в одиночку сдерживал натиск трех головорезов. Они беспрестанно кружили возле Джакомо, заставляли его вертеться волчком, отбивая неожиданные атаки то справа, то слева, всячески стремились зайти ему за спину, и приходилось проявлять чудеса изворотливости, чтобы не дать им нанести предательский удар.

Руфино уже осип от крика, но по-прежнему никто не спешил на помощь, ни в одном окне не зажегся свет, нигде не хлопнула дверь.

Джакомо чувствовал, как нарастает боль в груди – там, куда пришелся первый удар. Чем его ударили? Кажется, убийцы были еще недостаточно близко, чтобы достать до него шпагой, а выстрела он не слышал. В любом случае спасла надетая под камзол кольчуга. Но эта пляска смерти тоже не может продолжаться бесконечно! «Черные плащи» стараются измотать его, сделать легкой добычей для своих клинков. Они пришли за жизнью Джакомо и не уйдут, пока не возьмут ее или не отдадут свои. Или им нужен ларец? Но откуда они могли узнать, что в нем?

Отбив очередную атаку, Белометти прижался спиной к стене: хватит вертеться, надо заканчивать! Ему не хотелось получить ранение в случайной уличной схватке, ведь впереди такие важные дела. Он уже устал за долгий, полный событий день, начавшийся напряженным поединком. Вращая перед собой клинки, Джакомо сделал выпад и шагнул в сторону. Уловка удалась, обманутые противники качнулись вслед за ним. Этого он только и ждал. Молниеносно скрестив шпаги, он сделал новый выпад и успел достать одного из нападавших, рубанув по руке.

– О мадонна! – вскрикнул тот, согнувшись от боли.

– Теперь так... И вот так! – Джакомо одним ударом клинка отбил направленную ему в грудь шпагу, другим насквозь пронзил ночного убийцу и, догнав пытавшегося скрыться в темноте второго противника, раскроил ему череп.

Как там Гравино? Еще держится? Обернувшись, Белометти увидел, что шпион стоит над телом поверженного врага, вытирая окровавленный клинок. Схватка закончилась.

– Скорее к лодке, – заторопился Гравино. – Здешние стражники имеют отвратительную привычку появляться в самый неподходящий момент, а я не хочу ночевать в кордегардии.

– А ларец? – охрипшим голосом спросил Джакомо.

– Вот он, – ласково похлопал по ларцу шпион.

– Слава святой деве! – На дрожащих ногах подошел Руфино и отшатнулся, заметив пятна крови на камзоле хозяина. – Вы целы? Откуда кровь?

– Это чужая, – отмахнулся Белометти. – Что у вас с головой, Гравино?

– Пустяк, слегка царапнули клинком. А где племянничек хозяина гостиницы? – озадаченно спросил он и заглянул под повозку. – Ослик здесь, а парень исчез.

– Сбежал, – предположил Белометти. – Давайте и мы уносить ноги, пока не явилась стража или не прибежали дружки разбойников.

– Это брави, наемные убийцы. – Гравино взял ослика под уздцы. – Я, признаться, не на шутку перепугался, когда на меня надели трое этих молодцов, а вы валялись у стены.

– Интересно, чем это они меня саданули? – потирая ушибленную грудь, грустно усмехнулся Белометти, шагая рядом с тележкой.

– Скорее всего метнули нож. Вон, кажется, и наш лодочник. – Гравино показал на прохаживавшегося около реки сутулого мужчину.

– Эй! – окликнул его Белометти. – Вы хозяин лодки?

– Я, синьор. Что вам угодно?

– Мне завтра нужно быть на Сицилии.

– Грузитесь. Сейчас зажгу фонарь. – Лодочник чиркнул кресалом, и на конце фитиля в масляном фонаре заплясал маленький огонек. – Я уж заждался, а тут еще стреляли неподалеку. Случилось чего?

– Все в порядке, приятель, – похлопал его по плечу Гравино. – Лучше помоги уложить вещи.

Забравшись в лодку, Белометти устроился на носу и укрылся поданным ему Руфино плащом. Когда маленькое суденышко вышло на середину реки и подняло парус, он уже сладко спал...

* * *

Приняв пассажиров на борт, корабль тут же вышел в море. Капитан – живой, разговорчивый неаполитанец – предоставил Белометти отдельную каюту на корме, и он завалился на койку, надеясь, что отдых восстановит его силы и боль в груди утихнет. Но утром он едва смог подняться. Гравино посмотрел на багрово-синий кровоподтек, расплывшийся ниже левого плеча венецианца, и покачал головой:

– Вас спасла кольчуга. Считайте, что заново родились.

Джакомо осторожно потрогал кончиками пальцев болезненное место и скривил губы в усмешке, – похоже, он заново родился дважды в один день: сначала утром, когда сумел остановить бешеный натиск Ридольфо да Камерино, а потом вечером, когда уцелел в схватке с брави.

– Ничего, поставим компрессы и примочки. Главное, ключица не сломана, – успокоил его шпион. – Денька два придется полежать.

Расстроенный Руфино хлопотал вокруг хозяина, менял компрессы и ставил примочки, поправлял подушки. Трудно сказать, что сыграло решающую роль: примочки и компрессы, заботы Руфино, железное здоровье самого Белометти или подогретое вино с пряностями, которым угощал капитан, но на следующий день он почувствовал себя значительно лучше и вышел на палубу.

Свежий ветер наполнял паруса. Над кормой хлопало полотнище папского флага – желто-белого, с перекрещенными ключами Святого Петра. Далеко в стороне, по правому борту, почти сливаясь с линией горизонта, темнела полоска берега.

– Сицилия, – объяснил капитан. – Мы уже прошли пролив.

Сегодня веселый неаполитанец выглядел хмурым и озабоченным. Сославшись на дела, он оставил Белометти и поднялся на мостик. Вскоре раздались резкие команды, заорал боцман, и матросы с обезьяньей ловкостью начали карабкаться по вантам, ставя новые паруса. Корабль заметно прибавил ход.

– Сколько нам еще идти до турецких берегов? – спросил Белометти у появившегося на палубе Гравино.

– Это зависит от множества обстоятельств, – загадочно ответил тот. – Видите?

Он показал на едва различимое светлое пятнышко за кормой. Оно неуловимо для глаза меняло свои очертания и, казалось, выросло из волн, становясь все больше и больше.

– Парус? – неуверенно предположил Джакомо.

– Вот именно, парус, – кивнул шпион. – Но чей? Здесь полно пиратов, и наш капитан с раннего утра не знает покоя.

– Что он намерен предпринять?

– Ждать, – пожал плечами Гравино. – Что ему еще остается? Мы узнаем, чей это корабль, только когда он подойдет ближе.

Белометти невольно поежился, как будто его пронизал холодный ветерок, внезапно налетевший с моря. Пираты? Вполне может быть. Властители Алжира, Туниса, Египта и Марокко

имели целые флотилии быстроходных, отлично вооруженных кораблей, команды которых, подобранные из отчаянных головорезов, поставляли рабов на средиземноморские невольничьи рынки. Печально знаменитый Бадестан – крупнейший невольничий рынок Алжира – уже не одну сотню лет бесперебойно работал несколько дней в неделю. Как правило, перед попавшим туда в качестве товара европейцем открывался не слишком широкий выбор: либо принять ислам, либо стать гребцом на мусульманской галере.

Конечно, оставалась надежда на выкуп или помощь миссионеров, но... предводители пиратов охотно брали на свои корабли врачей, опытных моряков, корабельных артиллеристов, плотников и мастеров-конопатчиков. Однако Джакомо не умел лечить людей, управлять парусами, стрелять из пушки и держать в руках топор. В этом отношении Гравино был в значительно лучшем положении. Правда, и он вряд ли жаждал встречи с кровожадными берберами или тунисцами. Впрочем, встреча в открытом море с турецким кораблем ничуть не лучше.

Между тем парус за кормой все больше и больше вырастал, словно поднимался из морской пучины. Наверняка неизвестный корабль был значительно быстроходнее, чем «Четыре коня».

– Скоро все решится, – нервно зевнул Гравино. – Через несколько часов они нас настигнут.

– Почему мы не подойдем к берегу? – заволновался Джакомо. – Ведь до него не так далеко!

– Не успеем. Кроме того, здесь скалистое побережье и мало удобных бухт. И где гарантия, что пираты не останутся караулить нас, спрятавшись за каким-нибудь мысом.

«Жаль, что наши кони не впряжены в колесницу Посейдона, – грустно подумал Белометти. – Гравино прав, сейчас остается только ждать. Но сколько ждать и чего?»

Пираты изобретательны: приблизившись к жертве, они бросали за корму своего быстроходного корабля плавучий якорь из бревен. Подобно гигантскому плугу, он бороздил поверхность моря, замедляя бег корабля морских разбойников по волнам. Не управляя парусами, не настораживая жертву, пираты держались от нее в отдалении – выжидали удобного момента для нападения. Тогда раздавался залп из пушек, в борт вцеплялись абордажные крючья...

От невеселых размышлений Джакомо отвлек Руфино, передавший приглашение капитана на обед. За столом в большой каюте уже сидели сам капитан, его первый помощник, капеллан и Гравино.

– Будем уповать на милость пресвятой девы Марии, – благословив трапезу, вздохнул капеллан.

– У нас мало пушек, – ни к кому не обращаясь, заметил помощник капитана.

Гравино, по своему обыкновению, молча ел, жадно поглощая угощение и обильно запивая его вином.

– У нас есть шанс оторваться? – решил спросить Джакомо.

– Всегда есть хоть один шанс, – с видом обреченного ответил капитан. – По крайней мере, я сделаю все возможное.

Он вышел из каюты и поднялся на мостик, но через несколько минут вернулся. Не говоря ни слова, налил вина в большой кубок и одним духом опорожнил его.

– Спасены! – Лицо неаполитанца сияло радостью. – Это испанцы!

Все бросились по трапу вверх. По левому борту их обгонял красный многопушечный военный корабль под пурпурно-золотым испанским флагом с изображением распятого Христа. Капеллан воздел руки и начал читать благодарственную молитву.

– «Сан-Себастьян», – вслух прочел название корабля Гравино.

– Вам доводилось бывать в Испании? – невзначай поинтересовался Белометти.

– Где я только не бывал, – усмехнулся Гравино.

– И в Константинополе?

– Скоро вы увидите его своими глазами.

И действительно, через несколько дней на горизонте появились минареты Айя-Софии...

* * *

Вейга Рибейра оказался маленьким, толстым, очень подвижным и веселым человеком. Он радушно встретил Белометти в своем доме, стоявшем неподалеку от порта, и, рассыпаясь в любезностях, проводил в дальние комнаты, где было прохладнее. Там он церемонно усадил гостя в кресло, приказал подать прохладительные напитки и восточные сладости.

– Восток! Ах, Восток! – Пухлые пальцы хозяина дома прищелкнули, как кастаньеты. – Вы раньше не бывали в Константинополе? Нет? Интересный город, много любопытного. Представляете, дома строят не выше двух этажей, поскольку у янычар нет длинных лестниц, а именно они тушат все пожары в столице султана. Заодно грабят имущество погорельцев.

Он подвинул ближе к гостю блюдо с фруктами и рассмеялся. Но его пытливые глаза, прятавшиеся под набрякшими веками, смотрели настороженно.

– Здесь всегда жарко? – отщипнув ягоду винограда, поинтересовался Джакомо.

– Жарко? – переспросил Вейга. – Я бы сказал, тепло. Вообще-то в Константинополе нет погоды, здесь есть только два ветра: северный и южный. Они все и определяют. Кстати, вы говорите по-турецки? Ах, говорите. Прекрасно. Тут не слишком жалуют иностранцев, но, в общем, относятся довольно терпимо.

Белометти потягивал из бокала шербет и согласно кивал. Пусть болтает: не стоит проявлять неуважение к хозяину, обрывать его на полуслове. Тем более Рибейра еще не знает, кто и зачем к нему пожаловал. Лучше сразу расположить к себе толстяка, поскольку предстоит работать с ним рука об руку, спрашивать совета и пользоваться его связями. Наверняка он нашел тут надежных людей, как говорится, «оброс» ими за долгие годы. А хозяин увлеченно разглагольствовал о доставке товаров морем, рассказывал о жадности турецких чиновников и переменчивости счастья в коммерции.

– Вы будете заметны в толпе на улицах, и за вами увяжутся любопытные мальчишки, – авторитетно заявил Рибейра, разглядывая дорогой камзол гостя. – Почему бы вам не сменить европейский наряд на местную одежду, а шпагу на саблю? Вы владеете саблей? Мусульмане это очень высоко ценят.

Джакомо представил себя в рубахе без воротника, шароварах, вышитом жилете и яркой куртке. В довершение обмотать голову чалмой и обувь желтые или красные сапоги без каблучков, засунуть за пояс пару ятаганов, привесить кривую саблю и назваться каким-нибудь агой или беём. Невольно улыбнувшись, он отрицательно покачал головой:

– Боюсь, меня разоблачат, и возникнут неприятности.

– А-а, – пренебрежительно махнул рукой хозяин. – Тут, по правде сказать, никому ни до кого нет дела. Восток вообще чурается праздного любопытства.

– Что же касается сабли, – продолжил Белометти, – то я достаточно хорошо умею держать ее в руке.

– Отлично! – восторженно воскликнул Рибейра. – Мы непременно нарядим вас турком! Но чем вы намереваетесь здесь заняться?

Вейга уперся в гостя немигающим взглядом, как будто старался проникнуть в самые сокровенные его мысли. Руки, лежавшие на подлокотниках кресла, напряглись, пальцы сжались в кулаки.

«Он не так прост и добродушен, как хочет казаться, – отметил Джакомо. – Иначе отец Паоло не держал бы его здесь».

– Вас интересует торговля? – В голосе Рибейры сквозило недоверие.

Белометти достал перстень иезуита и показал хозяину дома.

– Позвольте? – требовательно протянул руку Вейга, и Джакомо положил перстень в его ладонь. Рибейра поднес перстень к близоруким глазам, внимательно осмотрел его со всех сторон и молча спрятал. Он явно ждал объяснений.

– Отец Паоло просил вас оказать мне всяческое содействие, – сказал гость.

– Для меня большая честь принять в своем доме его посланца, – поклонился хозяин. – Рад служить нашему общему делу. Чем я могу быть вам полезен?

– О, у нас с вами непростая задача, – покачал головой Джакомо, намеренно давая понять, что волей-неволей действовать предстоит сообща. В любом случае, с одной стороны, не мешает показать Вейге, что ты ему доверяешь, а с другой – возложить на него часть ответственности за успех предприятия.

– Турция должна начать войну с Московией! – понизил голос венецианец.

Рибейра поджал пухлые губы, откинулся на спинку кресла и взглянул на гостя так, словно увидел его впервые.

– Вы это серьезно? В Риме полагают, что мы справимся с такой миссией?

– Это необходимо, – веско сказал Белометти. – Московиты становятся слишком опасны.

Вейга задумчиво потер щеку: посланец отца Паоло привез приказ, который не подлежал обсуждению. Обсуждать можно только способы его выполнения, чтобы отыскать самый короткий путь, ведущий к цели. Но Бог мой, какая цель!

– К сожалению, я не султан, – с язвительной иронией заметил португалец.

– Да, – согласился Джакомо. – Тогда все решалось бы предельно просто.

– Нам поставлены какие-то сроки? – уточнил Рибейра.

– Нет, но следует торопиться.

– Легко сказать! – сердито фыркнул хозяин. – А какво делать? Знают ли в Риме, какая здесь обстановка? Турки называют свою империю Блистательная Порта, но внутри этой блистающей страны все прогнило. Если султан двинет войска на московитов, у него в тылу окажутся Сербия, Черногория. Македония, Греция, Босния, Валахия, Болгария, мальтийский орден, мечтающие о независимости от турок беи и шейхи Туниса, Египта, Алжира и Марокко. Не думают ли в Риме, что султан Мурад – дурак?!

Лицо Рибейры от возбуждения покрылось красными пятнами. Сердито сопя, он налил себе шербет, мелкими глотками выпил и продолжал:

– В Порте есть определенные силы, живущие войной и всегда готовые к захвату новых земель и рабов. Но есть и другие, и их немало: они предпочитают наверняка удержать то, что уже есть. Эти всегда за мир. Придется балансировать между ними, как плясунам на канате. А турки не любят шутить, любезный синьор! В случае неудачи заговора наши головы украсят пики каких-нибудь янычар. Да и возможно ли нам, двум европейцам, устроить заговор в столице султана? – Он достал маленький кружевной платочек и вытер покрывшийся испариной лоб. Помолчал немного и тихо добавил: – Но я сделаю все, что в моих силах.

– Я и не ожидал иного, – кивнул Джакомо. – Отец Паоло высоко ценит ваш опыт и знания. Давайте не будем торопиться и хорошенько все обдумаем. Вдруг султан и без нас решится на войну? Можем мы об этом узнать?

– Конечно, но только когда объявят его фирман, то есть указ, – усмехнулся Рибейра. – В гарем, как вы понимаете, даже нечего думать проникнуть: это неминуемая смерть. А слуги у султана глухонемые.

– Что, действительно?

– Да.

Белометти задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику кресла: похоже, отец Паоло взвалил на его плечи непосильную ношу. Ничего не скажешь, пустяковое порученьице! В Риме все выглядело иначе, чем в Константинополе, и султан действительно не дурак. И не пешка на шахматной доске иезуита.

– Почему вы упомянули о заговоре? – Он поднял глаза на хозяина.

– Потому что султан Мурад не пойдет войной на московитов. Он предпочитает откусывать те куски, которые ближе к его рту, и присоединяет к империи земли, которые с ней граничат, – объяснил Рибейра. – Для «нашей» войны нужен новый султан. А для смены власти всегда устраивают заговор.

Надоедливо жужжала желтая оса, делая круг за кругом над вазой с фруктами; в приоткрытое окно залетал легкий ветерок; слабо поскрипывало кресло под тучным телом португальца. Он искренне сожалел, что появление молодого, красивого синьора Белометти привнесло в его спокойную и размеренную жизнь новые заботы и трудности. Он никогда не любил рисковать и потихоньку торговал всем понемногу: сбывал кожу, перекупал юных рабов, поставлял на верфи блоки и канаты для оснастки кораблей султана. И раз в неделю отправлял в Рим донесения. Самые свежие сплетни негоциант получал от купцов на базаре, лошадиных барышников и работорговцев. А теперь приезжий хочет заставить его лезть прямо в пасть льва! Поэтому Вейга старался побыстрее придумать, как бы ему изловчиться, чтобы предоставить сомнительную честь рисковать головой одному синьору Белометти.

– В Риме полагают, что трон Мурада шатается, – нарушил затянувшееся молчание Джакомо.

– Наверное, им оттуда виднее, – саркастически усмехнулся португалец.

– Ну, зачем вы так? – мягко укорил его венецианец. – Неужели мы не сумеем ничего придумать?

– Здесь все непредсказуемо, – развел руками Рибейра. – Сегодня так, а проснувшись поутру, находишь совершенно иное. Да, многие недовольны войной Мурада с Багдадом. Особенно недовольны отстраненные им от власти сановники и старая султанша-мать, валиде Кезем. А она имеет достаточно сторонников и способна многого добиться. Обычно, взойдя на престол, султан предаёт смерти всех родственников мужского пола, чтобы обезопасить себя, но когда падишахом стал Мурад, его брат Ибрагим не был казнен.

– О, это интересно, – оживился Белометти. – А где он сейчас?

– Заточен, – вздохнул хозяин. – Конечно, турки предпримут какие-то меры, чтобы вернуть Азов. Но какие? Скорее всего они натравят на московитов Крымского хана.

– Уже немало, – улыбнулся венецианец. – Ни нам, ни туркам не нужно, чтобы русские вышли к теплым морям. Крым всегда будет у них костью в горле. Может быть, мы найдем человека, через которого сумеем повлиять на события, направив их в нужную сторону? Благодаря отцу Паоло я располагаю достаточными средствами.

Португалец поднял лохматые брови и довольно причмокнул: деньги никогда не бывают лишними! «Думай, думай, Рибейра, – мысленно приказал он себе. – Думай, как и голову под топор не подставить, и выгоду соблюсти. Безвыходных положений не бывает, ищи лазейку, через которую ты улизнешь из скользкого дельца да еще прихватишь хоть немного золота».

– Как вы намерены сноситься с Римом? – поинтересовался он.

– Через вас, уважаемый сеньор Вейга. Надеюсь, между нами не возникнет разногласий?

– Конечно, конечно! Кстати, вы можете остановиться у меня, если это не нарушает ваших планов.

– С удовольствием принимаю ваше любезное предложение, – согласился Белометти.

Рибейра отогнал осу и неожиданно рассмеялся: глупец, как он раньше не додумался? Вскочив, он возбужденно заметался по комнате, мысленно прикидывая все за и против счастливо найденного решения. Пожалуй, он укажет синьору Белометти путь в пасть льва, а сам останется в стороне наблюдать, как он туда ползет и сумеет ли выбраться.

– В чем дело? – Джакомо недоуменно поглядел на него.

Рибейра быстро обернулся:

– Я нашел! Нам нужен Фасих-бей!

– Фасих-бей? Кто это?

– Бывший кизлярагасси, евнух, начальствующий над покоями султана.

– Это высокая должность?

– О, весьма! – Вейга уселся в кресло напротив гостя и закинул ногу на ногу. На душе у него пели райские птицы, и жизнь вновь казалась прекрасной. – У султана огромный штат слуг и приближенных: постельничий, хранитель белья, хранитель верхней одежды, главный брадобрей, держатель полотенца, держатель тазика для бритья, капуагасси – евнух, распорядитель внешним двором при гареме, евнухи гарема и многие, многие другие. Но кизлярагасси – одна из самых высоких должностей.

– Однако ваш Фасих-бей уже не у дел?

– Верно. Но он готов на все ради власти! И близок к партии старой султанши. У него широкие связи при дворе. Правда, старик очень хитер, вероломен и жесток. Нам будет нелегко завоевать его доверие.

– Он богат? – уточнил Джакомо.

– Фантастически! Но скуп, как последний ростовщик. Сами понимаете, женщины его не интересуют, но и он имеет слабости.

– Они вам известны?

– Естественно! Я не зря провел здесь столько лет, – самодовольно усмехнулся португалец. – Фасих-бей обожает хороших лошадей и всегда ездит на кобылах масти Магомета.

Венецианец озадаченно поглядел на хозяина дома: о такой масти ему слышать не доводилось, он даже не подозревал, что лошади могут быть как-то связаны с именем пророка мусульман.

– Да, да! Согласно легенде, пророк ездил на рыжей кобыле с белым чулком на левой задней ноге и звездочкой во лбу, – объяснил Рибейра. – Фасих-бей искренне верит, что с тем, кто сидит на кобыле такой масти, никогда не случится дурного.

– И вы хотите?..

– Придется немного потратиться. – Португалец придал лицу озабоченное выражение. – У меня есть связи среди барышников на конном рынке. Они подберут нужную лошадь. А после мы придумаем, как сделать, чтобы Фасих-бей попался на нашу удочку.

– Не стойте за ценой. – Белометти бросил на столик шелковый кошелек. – Евнух не должен сорваться с крючка!

Звон золота всегда ласкал слух Рибейры лучше всякой музыки. Но он сдержался и не схватил кошелек: зачем открыто проявлять алчность? Посланцу отца Паоло наверняка придется надолго задержаться в Константинополе, и за это время нужно выкачать из него как можно больше монет.

– Со мной еще один человек, – равнодушно сообщил Джакомо. – Он прожорлив и много пьет. Будьте добры, распорядитесь приготовить для него отдельную комнату.

– Хорошо.

Рибейра прикрыл глаза набрякшими веками: уж не прислал ли отец Паоло вместе с венецианцем своего соглядатая? Но отказывать в приюте посланцам генерала иезуитов теперь поздно.

– Надеюсь, он недолго будет обременять нас своим присутствием, – с ехидной улыбкой заметил Белометти.

И Рибейра понял: гость сделает все, чтобы полностью развязать себе руки. Ну что ж, тем лучше...

* * *

Когда Фасих-бея доставили на рынок, торговля была в самом разгаре. Потные носильщики опустили на землю паланкин, и старик раздвинул занавески, чтобы лучше видеть шумное скопище людей и лошадей. Расшитые шелками седла, узорчатые стремена и украшенные чеканными бляхами уздечки его не интересовали. Темные глаза Фасих-бея быстро заметили высокую рыжую кобылу с длинной гривой.

– Посмотри, – приказал он слуге и указал на нее пальцем.

Тот бросился выполнять приказание. Пробравшись через толпу, он начал придирчиво разглядывать лошадь, которую держал за повод пожилой турок в засаленной одежде. Кобыла нервно косила фиолетовым глазом и приседала на задние ноги. Под тонкой лоснящейся шкурой перекачивались упругие мускулы. Задрав изящную сухую голову с красиво вырезанными ноздрями, лошадь заливисто заржала.

– Красавица! – сказал кто-то из зевак.

– Наверняка арабских кровей, – авторитетно заявил другой.

– Арабы – белые, – возразил третий, – а эта рыжая! Где твои глаза?

– Где твои? Глянь на ноздри. И голова маленькая.

Продавец меланхолично улыбался. Он явно ждал богатого покупателя и не обращал внимания на болтовню бездельников, целый день шатающихся по рынку.

Слуга обошел вокруг лошади. Левая задняя нога у нее словно затянута в тугий белый чулок, а на лбу ясно видна светлая звездочка: все именно так, как нравится Фасих-бею. И какая масть! Кобылу словно облили расплавленным червонным золотом.

– Продаешь? – спросил он у хозяина.

– Покупай, – тот смерил слугу оценивающим взглядом. – Не прогадаешь. Она быстрее ветра в поле. Самому султану не стыдно сесть на такую лошадь. Лучше все равно не найдешь!

– Да, я вижу, хорошая, – согласился слуга и, ощутив ноги кобылы, тщательно проверил колени: нет ли скрытого изъяна? Когда колени повреждены, лошадь способна ходить шагом и даже может немного пробежаться, пока на нее не сядут. И тогда толку от лошади с плохими коленями никакого. Не говоря уж о том, что она никогда не сможет перепрыгнуть через канаву или изгородь.

Заглянув в рот кобылы, слуга осмотрел зубы и спросил:

– Сколько ты хочешь за кигляр сариляры⁸?

– Ики-юз! Двести пиастров, – не моргнув глазом ответил хозяин.

– Машаллах! – изумился слуга. – За эти деньги можно купить три такие кобылы.

– Покупай, – равнодушно зевнул продавец. – Рынок велик.

Слуга кинулся к носилкам Фасих-бея, склонился в низком поклоне и доложил обо всем, что видел и слышал. Старик пожелал сам взглянуть на кобылу.

Когда в сопровождении прислужников он подошел к рыжей кобыле, ее осматривал какой-то чужестранец в богато расшитом серебром черном камзоле. Весело улыбаясь, он говорил с продавцом на хорошем турецком языке и ласково похлопывал лошадь по крутой шее.

Фасих-бей недовольно нахмурился. Он успел окинуть кобылу взглядом знатока и тонкого ценителя и убедился, что она действительно очень хороша. Обидно, если ее сторгует чужестранец, наверняка незнакомый с законами восточного базара. Остается надеяться, что его отпугнет слишком высокая цена. Продавец всегда запрашивает много больше, чем стоит товар, – здесь принято торговаться долго и самозабвенно, призывая в свидетели Аллаха и пророка Магомета, уходя и вновь возвращаясь, пока не удастся ударить по рукам.

⁸ Золотая лошадь (турец.).

– Сколько ты хочешь за кобылу? – высокомерно спросил Фасих-бей.

– Двести пиастров, уважаемый, – прижал руку к сердцу продавец.

– За этого одра? – Морщинистое лицо старика исказила презрительная гримаса. – Ты, наверно, сумасшедший?

Вокруг начали собираться любопытные, ожидая занятого зрелища и заранее радуясь бесплатному развлечению.

– Я назвал цену, уважаемый, – не смутился продавец. – Кобыла резвая, молодая; она украсит любую конюшню и принесет счастье владельцу.

– Счастье? За двести пиастров? – Фасих-бей рассмеялся. – Извини, я ошибся. Ты не сумасшедший, а плут, считающий всех дураками! Хочешь, дам сорок пиастров?

– Нет, – упрямо мотнул головой хозяин. – Двести!

– Шестьдесят, – вступил в торг чужеземец.

– На кобыле такой масти ездил сам пророк, – гнул свое продавец. – Кто даст двести пиастров, тот ее и возьмет.

– Ладно, – вздохнул старик. – Я согласен заплатить семьдесят.

– Восемьдесят, – улыбнулся чужеземец.

Зеваки одобрительно зашумели, призывая покупателей не скупиться.

Продавец сел на истоптанную землю и, глядя снизу вверх на старого евнуха, опять затянул свое:

– Двести пиастров, уважаемый, двести. Какие жеребята будут у этой кобылы! А как она ходит под седлом!

Фасих-бей понял, что продавец не хочет сбавлять цену, рассчитывая обобрать красивого чужестранца. Но покупать лошадь за двести пиастров просто безумие! Чужестранец не даст поторговаться: стоит только сделать вид, что ты уходишь, как он завладеет кобылой. Ах, как жаль, если она попадет в чужие руки!

– Сто! – выдохнул Фасих-бей. – По рукам?

– Я бедный человек, – загундосил продавец. – Зачем ты хочешь обмануть меня? Эта кобыла стоит двести пиастров.

– Сто двадцать, – предложил чужестранец.

– Сто тридцать, – не уступил евнух. – Это цена двух таких кобыл!

– Нет, – отрицательно мотнул головой хозяин. – Двести!

– Я ухожу, – разозлился Фасих-бей. Пусть ему не досталась чудесная лошадь, но продавцу это даром не пройдет: люди евнуха выследят упрямяца и сегодня же ночью бросят в подвал его загородного дома. А завтра он придумает, как примерно проучить наглеца. Двести пиастров! Подумать только! Чернь совсем распустилась. За каждый запрошенный пиастр продавец получит удар кнутом, и его будут бить до тех пор, пока всю шкуру не спустят!

Фасих-бей кольнул недобрым взглядом разряженного чужестранца, повернулся и медленно, сохраняя достоинство, направился к носилкам.

– Возьми. – Молодой человек в черном камзоле бросил продавцу кошелек с золотом и взял кобылу под уздцы.

Получив деньги, упрямец тут же нырнул в толпу и исчез, как будто его и не было.

Подойдя к носилкам, Фасих-бей оглянулся. В нескольких шагах от него стоял чужестранец, держа за повод кобылу, уже покрытую ярко-красной попоной.

– Не правда ли, чудесная лошадь? – улыбнулся молодой человек.

– Поздравляю с покупкой, – процедил евнух, мечтая перерезать горло счастливому обладателю рыжей красавицы.

– Я прошу извинить меня, что помешал вам торговаться, – учтиво поклонился чужестранец. – Но я только сейчас узнал, что невольно огорчил высокородного Фасих-бея. В знак моего глубокого уважения примите эту кобылу в подарок.

Такого Фасих-бей никак не ожидал. На мгновение он даже потерял дар речи от удивления, но быстро оправился и ответил мудростью из Корана:

– Берущий щедрее дающего, ибо он возвращает! Я благодарю тебя за чудесный подарок и постараюсь не остаться в долгу. Назови свое имя, благородный чужестранец.

– Джакомо дель Белометти.

– Я запомню, – важно кивнул Фасих-бей и уселся в носилки.

Он получил щедрый подарок, и надо быть глупцом, чтобы отказаться от него. К тому же как обидеть человека, который хочет услужить тебе? Но зачем этот Белометти ищет благорасположения бывшего кизлярагасси? Никто просто так не станет бросаться деньгами. Что ему сказала имя Фасих-бея и действительно ли он узнал это имя только после покупки рыжей кобылы? Если бы он не подарил ее, все было бы предельно просто и понятно, а так...

– Дестур! Хасса! – покрикивали носильщики. – Дорогу! Сторонись!

Покачиваясь в такт движению носилок, евнух бледно улыбнулся: что ж, если гяур ищет благорасположения Фасих-бея, нужно ли обманывать его ожидания? Любая загадка должна иметь отгадку. Откинув занавеску, он движением руки поманил слугу и приказал:

– Узнай, кто этот человек, подаривший мне кобылу, и где он живет. Утром расскажешь все, что выведал. Иди!

И тут он вдруг понял, что чужестранец заставил-таки его не только задуматься, но и сделать ответный ход. Ладно, не будем сейчас ломать голову и строить предположения. Сначалаждемся утра и послушаем, что расскажут об этом гяуре. По крайней мере, нельзя оставаться в долгу, надо чем-то отдарить его, соблюдая правила приличия.

А рыжую кобылу он сегодня же прикажет оседлать и попробует проехаться на ней по двору. Дивная лошадь, просто сказочная!

Глава 3

В обитель монахов-воинов Тимофей Головин возвратился точно в назначенный срок. Еще издали он увидел крест над церковью – значит, скоро будет дома. Вот уже показались и стены, сложенные из толстенных дубовых бревен. Открылись тяжелые ворота. Тимоха соскочил с коня и, ведя его в поводу, вошел внутрь. Сам расседлал вороного, выводил его, вычистил и задал корм. Потом поднялся в келью отца Зосимы.

Игумен стоял у окна и читал арабскую книгу. На звук отворившейся двери он обернулся, увидел Тимофея и облегченно вздохнул:

– Вернулся! А я уж беспокоиться начал: день к исходу, а тебя все нет и нет. Что невесел? Ну, садись, рассказывай. Да ты голодный, поди? И в бане еще не был?

– Потом, отче, – глухо ответил Головин.

Он сел на лавку и начал рассказывать о схватке с разведкой орды, гибели атамана сторожевой станицы Ивана Рваного, о том, как шли потом казаки по следу людоловов и что открылось им в балке, над которой стаями кружило воронье.

Отец Зосима слушал, не перебивая, только скорбно сжал побелевшие губы и уперся в стену невидящими глазами, в которых застыла невыразимая боль.

– С той поры, отче, жжет вот тут, – Тимофей коснулся ладонью широкой груди, – и нет мне покоя!

– Душа болит и томится. – Игумен широко перекрестился. – Вечная память мученикам! Мужайся, народ русский! Крепостью тебе пусть Христос пребудет! Ничего, Бог наперед правит: наступит день, когда придет русское воинство на землю проклятой орды, как некогда пришел Грозный царь под Казань... А ты боль свою не лелей, не давай ей себя взять. Помолись – и за дело. Но то, что видел, запомни накрепко!

– Запомню, отче.

– Теперь слушай! Сегодня отдыхай, а завтра поутру отправишься в дорогу. Конь твой здоров?

– Слава Богу. – Тимофей осенил себя крестным знамением. – Из сечи вынес вороной.

– Вот и ладно. Пойдут с тобой в степь еще девять верховых – утром узнаешь, кто твои спутники. Не мешкая, скачите в Азов. Там вас ждет Федор Паршин. Ему от меня передашь грамотку. В город входи один, под вечер, а остальные пусть за стенами обождут.

Старец поднялся, подошел к стоявшему у стены сундуку и поднял его крышку. Достал что-то и, обернувшись, показал Головину небольшую золотую вещицу: похожий на крестик странный четырехлепестковый цветок. Там, где сходились лепестки, тускло сияла маленькая жемчужина.

– Кто покажет такой знак, тот твой брат по оружию, кем бы он ни был в миру. Но сразу не доверяйся: знак может оказаться в чужих руках! Еще есть тайные слова, которые никто из давших клятву не назовет врагу и под пыткой. Готов ли ты узнать их? Готов ли принять знак тайного братства?

Тимофей встал, почти достав головой до низкого потолка кельи.

– Я готов, отче, – спокойно сказал он. – Клятву я дал.

– Запоминай! Кто покажет тебе знак, того спроси: «Какому Богу ты молишься?» Он должен ответить: «Истинному». Тогда ты скажи: «От лжи до истины пять пальцев» – и сделай вот так. – Зосима коснулся указательным пальцем мочки уха, потом глаза и приложил ладонь к лицу: мизинцем к краю левого века, а большим пальцем к уху. – Запомнил?

– Да, – кивнул Тимофей.

– На это ответят: «Из лжи родится все, даже правда». Только после этого можешь довериться. Сам знак никому не показывай. Кому надо, и так тебя същут. На шее не носи, спрячь

получше, и упаси тебя Бог его потерять! – Он вложил в протянутую ладонь Головина маленький золотой цветок с жемчужиной – знак тайного братства – и трижды перекрестил воспитанника. – Перед дорогой зайди к старику, – провожая его до дверей, попросил Зосима. – Грамотку возьмешь, и помолимся вместе: ведь в огромный и жестокий мир выпускаю тебя, Тимоша!

– Я приду, отче.

– Ну, с Богом!

Тимофей уже взялся за кольцо двери, но остановился и спросил:

– Паршину знак показывать или нет? И у него такой есть?

– Федор тебя и без знака примет, – улыбнулся Зосима. – А есть у него такой или нет, не твоего ума дело, отрок!

И слова эти прозвучали точно так же, как много лет назад, когда наставники журили маленького Тимошу за детские шалости или какую провинность. Низко поклонившись игумену. Головин вышел и плотно притворил за собой дверь...

* * *

Теплая южная ночь тихо опустилась на Азов, незаметно окутала мраком массивные стены и крепкие башни, улицы и площади города. Караульные казаки зажгли факелы. Отблески пламени заиграли на жерлах длинноствольных пушек, отбитых у турок, красными пятнами упали на тяжелые ядра, горкой сложенные у лафетов. Камни крепости, прокаленные солнцем за долгий знойный день, медленно и неохотно отдавали тепло, и казалось, что город дышит, остывая, как вынутый из печи свежий каравай.

А вокруг залегла бескрайняя, черная, как дело измены, степь. И нет в ней ни огонька. Медленно катил свои воды Дон, похожий на гигантскую, чуть поблескивающую ленту смолы, протянувшуюся через степи к беспокойному морю. Низко висящие лохматые тучи украли свет луны и звезд, усилили ночной мрак. Парило. Воздух так сгустился, словно крепость все туже и туже заворачивали в рыхлый ком душной черной овечьей шерсти: уже много дней стояла иссушающая жара, и даже ночь не приносила облегчения. Но, может быть, наконец-то прольется с небес живительная влага?..

Федор Паршин завесил окно куском плотной ткани и вернулся к столу. Поправил обгоревшие фитили свечей, взял в руки перо и начал выводить на тонкой и длинной ленте желтоватого пергамента непонятные цифирки и закорючки. Надо торопиться: дел так много, что ночь покажется короткой, а утром подспеют новые заботы. И нет им конца у есаула Все-великого Войска Донского.

Прискакавший из Москвы гонец привез дурные вести: Бухвостов в тайной грамотке пишет, что скоро может начаться новая, страшная война, одновременно и на юге, и на западе. Латиняне плетут заговоры против Державы, да и в Турции возможны серьезные перемены. Хочет Никита Авдеевич точно знать, что замышляют в Константинополе и Польше, каковы намерения Крымского хана Гирея и не собирается ли орда подняться в кровавый набег на Русь.

Федор закончил писать, отбросил перо и с хрустом потянулся, распрямляя уставшую спину. Откинулся назад, уставился на ровное пламя свечей. Он и сам дорого бы дал, чтобы узнать то, о чем спрашивает Бухвостов. И еще неизвестно, какой ценой придется платить за сведения из Польши и Турции. Хорошо, если золотом, а если жизнями?

Конечно, Никита Авдеевич в Москве тоже не на печи лежит – иначе откуда бы он столько знал? – но и его люди не все могут. Наверняка он уже подергал за тайные нити, которые протянуты из его больших рук в далекие страны, и получил ответы на многие вопросы. Но Бухвостов хитер и недоверчив, он никогда и ничего не принимает на веру, а по несколько раз перепроверяет, до тех пор пока не убедится, что добрался до истины. Впрочем, в их деле иначе нельзя. Вот и теперь, судя по тому, что дьяк пишет в грамотке, он хочет перепроверить полученные

сведения и заплести тонкое кружево ответной интриги, противопоставить хитрости врага свою хитрость, найти союзников для сохранения мира. И помочь ему в этом должен есаул Федор Паршин.

Есаул встал, прошелся по комнате. Неслышно ступая по расстеленным на полу коврам, он мысленно вновь и вновь преодолевал пути в Константинополь и Варшаву, пытаясь отыскать скрытые изъяны своего замысла. Хорошо бы сейчас, не торопясь, разобрать все, как говорится, по косточкам, но время неумолимо поджимает, а ночь коротка. Условный стук заставил его обернуться. Федор подошел к двери и шепотом спросил:

– Кто?

– Это я, отвори, – глухо донеслось с той стороны.

Узнав голос Фрола Окулова, Паршин отодвинул тяжелый засов и впустил среднего роста, поджарого казака с длинными черными усами на узком загорелом лице. Запер за гостем дверь, провел его к столу и знаком предложил сесть на лавку. Острым кинжалом Федор разрезал испещренную письменами полосу пергамента на две половины и протянул одну Фролу.

– Ты ляшский язык не забыл?

– Как можно? – Фрол бережно принял тайное послание.

– Спрячь получше. Путь тебе выпал долгий, казаче: поспкачешь в Речь Посполитую. В доме по правую руку от церкви Николы ждут тебя два запорожца. Старшего зовут Игнат Чайка, а большего тебе о них знать не надо.

– Понял, – кивнул Фрол.

– Они проводят тебя до Киева и передадут с рук на руки надежным людям. Ляшская одежда и прочие пожитки для тебя в тороках у запорожцев. С ними выедешь из Азова, и гоните коней на запад. Зря не рискуй, береги грамотку. Отдашь ее в руки только самому Любомиру. В лицо ты его знаешь, а где встретитесь?.. – Паршин наклонился и зашептал Окулову в ухо, настороженно кося глазом на дверь в смежную комнату, завешанную тонким ковром. – Все. – Отстранив Фрола, есаул выпрямился. – Отправляйся. Да гляди, пронюхают паны, вам на колыях сидеть!

– А вот им, вражьим детям! – Казак выставил кукиш.

– Ладно, – устало усмехнулся Федор. – Гонор спрячь до поры и на рожон не лезь. Смерть одного только рака красит.

Он обнял на прощание Фрола, выпустил его из дома и постоял на крыльце, пока тот не скрылся в темноте. Вернувшись в комнату, Федор оставил дверь незапертой, взял свечу, приподнял закрывавшую окно ткань и несколько раз мигнул огнем. Потом завесил окно, поставил свечу на стол и принялся ждать. Вскоре дверь тихонько приоткрылась, и вошел кряжистый, до глаз заросший бородой пожилой казак.

– Дождь будет, – низким голосом прогудел он.

– Давно пора, – откликнулся есаул. – Все готово?

– А то? – Новый гость уселся на лавку и положил на колени кривую турецкую саблю. – Твоего слова ждем.

– Дам тебе десяток надежных людей и грамотку для Бажена. – Паршин подал ему вторую половину полоски пергамента. – Пойдете в Крым. Там эти люди должны свое совершить, а ты отправишься дальше, к туркам.

Федор подошел к двери в смежную комнату и громко стукнул в нее. Колыхнулась занавесь, и появился рослый молодой человек в темном кафтане, с пистолетами за поясом и саблей на боку.

– Вот, – подвел его к гостю есаул, – это Тимофей Головин – старший десятка. А это, – Паршин показал на гостя, – Куприян Волосатый. Но для всех он просто Сгиб⁹. Пойдете с ним

⁹ Пирог (*старорус*).

в Крым и исполните, что он велит. Если вдруг случится неладное, ты, Тимофей, должен любой ценой доставить Куприяна в Царьград. Все брось, жизни не щади, но он должен быть там. Знаете об этом только вы двое, а другим и намека не давать!

– Ладно страшать, – по-свойски прервал его Волосатый. – Небось не впервой, справимся.

Он с интересом разглядывал Тимофея: хорош молодец, крепок в плечах и лицом красив, да только уж больно русское оно у него. Сойдет ли за басурмана?

– По-татарски разумеешь? – пробасил Волосатый.

– Говорю на татарском и на турецком, – ответил Тимофей, – могу читать и писать, знаю Коран и обычай мусульманский.

– Угу, – гмыкнул в бороду Куприян. – Стало быть, птица ты непростая. Что же, спасибо, есаул, за подарочек. Остальные где?

– За городом, в степи ждут, – объяснил Паршин. – Нечего здесь глаза мозолить.

– И то, – согласился Волосатый. – И они по-татарски могут?

– Могут, – улыбнулся Головин.

Ему сразу понравился этот похожий на каменную глыбу человек, говоривший густым, чуть осипшим на ветрах голосом. От него пахло степью, соленым морем, пылью дальних, опасных дорог и терпким конским потом. Большие руки казака уверенно и спокойно лежали на ножнах сабли, наверняка смахнувшей не одну вражью голову. Хитро прищуренные небольшие глаза Волосатого смотрели испытующе, но доброжелательно.

– В море бывал?

– Не приходилось, – честно ответил Тимофей.

– Кто в море не бывал, тот горя не видал. – Куприян поднялся. – Пошли, хватит лясы точить. Дорогой все обговорим.

– Коней возьмешь у Сыся Мозыря, – напомнил Паршин.

Волосатый кивнул и тяжелой рукой подтолкнул Головина к выходу, торопя поскорее покинуть дом, словно ему было душно в убранных дорогими коврами комнатах, где раньше жил богатый работороговец Сеид. На крыльце ветер бросил им в лица мелкую водяную пыль. И тут же первые крупные капли долгожданного дождя упали на исстрадавшуюся от зноя землю и прокаленные камни крепости.

– Хорошая примета, – тихо обронил Федор.

– Угу, – сердито буркнул Куприян и потащил Тимофея в темень узких азовских улочек...

* * *

Многие не спали в ту ночь в Азове. В небольшом домишке, прилепившемся неподалеку от городской стены, возился у печи одетый во все темное сухощавый мужчина. Тихо ругаясь сквозь зубы, он переставлял горшки, стараясь не загреметь, чтобы не всполошить спящую хозяйку и других постояльцев. Наконец ему удалось освободить устье печи, и он глубоко запустил в него руку, словно хотел что-то нашарить внутри. Через мгновение он вытащил руку и довольно усмехнулся, когда увидел на ладони толстый слой жирной сажи.

Осторожно ступая, мужчина вышел на улицу, прижался к стене домика и прислушался. Тихо. Только постукивал по крышам неугомонный дождик да отдаленно перекликались на стенах сторожевые казаки. Нигде не брякал плохо прикрытый ставень, не скрипела дверь, не звякала цепь у колодца, не фыркал конь запоздалого всадника. И темень, хоть глаз выколи. Низкие тучи нависли над городом. Ни луны, ни звезд, и даже в окнах домов ни огонька.

Мужчина старательно вымазал лицо сажой и крадучись двинулся к крепостной стене. При каждом подозрительном шорохе он замирал, чуть дыша, – то ему вдруг чудились рядом тихие шаги, то казалось, что впереди маячит неясная тень. Тогда он судорожно сжимал рукоять

засунутого за пояс большого кинжала и, только убедившись, что вокруг по-прежнему тихо и пустынно, продолжал свой путь.

Вот и крепостная стена. Как слепой, он ощупал ее руками, отыскивая лестницу. Наткнулся на первую ступеньку и опять боязливо замер – наверху раздались шаги караульных, мерно расхаживавших по стене. Сердце забилось неровно и тревожно, на лбу выступил холодный пот и струйками потек по щекам, смывая сажу, а душа сжалась в комок: что, если заметят, окликнут, кинутся ловить?

Даже если сумеешь улизнуть, караульные доложат о происшествии есаулу Паршину, а тот хитер как змей! На Москве жил, языки чужие знает, читает толстые книги, и многие считают его колдуном. Так это или нет, но вдруг он и вправду учился волхвованию и может проникнуть в тайные мысли человека? Или умеет обернуться маленькой серой мышью, дымчатой кошкой или черной вороной-вещуньей и везде пролезть, подслушать, подглядеть, готовя неминуемую смерть своему врагу?

Нет, не умеет! Иначе давно бы уже выследил и лишил жизни! Ну его, Паршина! Зачем про него думать, накликаая на себя беду? Она и так рядом ходит каждый день, поджидая удобного часа, чтобы подставить тебе ножку и злорадно захихикать, когда ты ткнешься носом в грязь. Стоит немалого труда не дать ей взять над тобою верх, а это лишает спокойного сна и прибавляет седых волос на голове.

Кажется, часовые отделились. Но как же тяжело сделать первый шаг по лестнице, словно ступаешь на эшафот...

Тем не менее мужчина начал подниматься по ступеням. Он двигался почти на четвереньках, чтобы не пропустить площадку лестницы, на которую выходила дверь каземата. Шум дождя заглушал все звуки, но в ушах у него гулко отдавались удары сердца, и ему казалось, что это бухает погребальным звоном большой колокол.

Наконец он добрался до площадки, шустро вскочил и отомкнул обитую железом дверь в тесный каменный мешок, устроенный в толще крепостной стены для хранения припасов. Днем мужчина заранее старательно смазал петли, чтобы они не выдали его скрипом, поэтому дверь открылась бесшумно. Он захлопнул ее за собой и очутился в чернильном мраке. И только впереди смутно серело оконце, забранное решеткой. Здесь он почувствовал себя спокойнее.

Отдышался, подошел к окну, вынул заранее расшатанную решетку и аккуратно положил на пол. Потом расстегнул на груди черный кафтан, достал моток крепкой веревки с узлами и железным крюком на конце. Зацепил крюк за каменный подоконник, выбросил веревку наружу и сам протиснулся в оконце. Ухватившись за веревку обеими руками, повис, задрал голову и прислушался: где сейчас караульные? Наверху никто не поднял тревогу, и он спустился в ров. Тихо выбрался на другой стороне и ящерницей пополз в степь. Только когда факелы караульных казаков превратились в далекие мерцающие красные точки, он поднялся на ноги и что есть духу кинулся бежать, часто подскользываясь на мокрой траве.

Наконец мужчина остановился, потом сел и несколько минут настороженно поворачивал голову в разные стороны, до рези в глазах всматриваясь в темноту. Успокоившись, он приложил ладони ко рту и завыл, подражая степному волку, зовущему подругу разделить с ним добычу.

– О-у-у-а... – понеслось к низкому, дождливому небу.

Подождал несколько минут и повторил свой призыв. Вскоре он услышал вдалеке ответный вой и лег на землю, став почти неразличимым.

Глухой стук копыт заставил его приподняться. На фоне неба, казавшегося более светлым по сравнению с мокрой степью, сквозь сетку дождя с трудом угадывался силуэт всадника, рыскавшего поблизости. Мужчина снова приложил ладони ко рту:

– О-у-у-а...

Всадник услышал и направил к нему коня. Мягко шлепали по грязи обернутые кусками овчины копыта. Вместе с порывом сырого ветра и каплями дождя долетел тихий голос:

– Урус? Ты где, урус?

– Сюда!

Мужчина поднялся во весь рост и ловко схватил под уздцы лошадь молодого татарина, прикрывшегося от дождя войлочной накидкой.

– На, возьми. Нужно очень быстро переправить это в Крым.

Он подал всаднику свернутую промокшую тряпку. Тот зажал ее в жилистом кулаке и растянул губы в улыбке:

– Якши! Хорошо! Переправим.

– Важное дело, – не отпуская уздечку, продолжал настаивать мужчина. – Спешное! Азис-мурза хорошо наградит тебя.

– Якши! – кивнул татарин. – У нас есть быстрая лодка. Не беспокойся.

– Пусть выйдет в море сегодня же, – не успокаивался мужчина.

– Якши! Чем дольше ты будешь держать узду моего коня, тем дольше лодка будет стоять у берега, – засмеялся степняк. – Когда тебя ждать?

– Не знаю. – Мужчина отпустил уздечку. – В городе тоже не все просто. Я дам знак, ждите.

Всадник хлестнул коня плетью и исчез, не попрощавшись. А мужчина в черном, покрывшемся грязью кафтане отправился в обратный путь.

Он ползком подобрался к крепости и долго наблюдал за часовыми на стенах, пока не выбрал удобный момент, чтобы спуститься в ров. Отыскал веревку, быстро поднялся к оконцу каземата и нырнул в него. Втащил внутрь свою импровизированную лестницу, смотал и спрятал на груди под одеждой. Поставил на место решетку и выскользнул за дверь.

Как на крыльях он слетел вниз по лестнице и затаился. Вокруг было тихо, все так же мерно расхаживали по стене ничего не подозревавшие караульные. А небо на востоке уже начало заметно сереть, предвещая скорый рассвет.

Крадучись, мужчина в черном кафтане вошел в улочку, нашел полную дождевой воды колоду и смыл с лица остатки сажи. Мокрыми ладонями счистил грязь с кафтана, пучком травы вытер сапоги.

Пробираясь домой, он подумал о Паршине и желчно усмехнулся: пусть дураки считают его всеведущим колдуном, способным проникать в чужие мысли и оборачиваться то зверем, то птицей. Как ни хитер ты, Федя, а сегодня ночью опять промахнулся...

* * *

Расставшись с предателем, татарин пустил коня во весь опор, безжалостно подгоняя его жестокими ударами плети. Вскоре он доскакал до неглубокой балки, где его поджидали еще трое верховых с заводными лошадьми. Маленький отряд вихрем понесся по ночной степи к берегу моря, где в укромной бухте пряталась лодка.

Заветную тряпку, переданную предателем, получил пожилой татарин и немедленно приказал своим помощникам отчаливать.

Гребцы сели на весла, вывели остроносую лодку из прибрежных зарослей на чистую воду и подняли парус.

– Не бросайте весла! Гребите! – понукал их пожилой татарин. – Надо быстрее. Ставьте второй парус!

Паруса поймали свежий ветер, лодка летела стрелой по волнам, далеко позади оставив Азов...

Когда наконец, измученные долгим морским переходом, они достигли родного берега, пожилой татарин, не дав себе ни минуты отдыха, буквально пополз по каменистой тропе наверх, к селению. Через несколько минут оттуда вылетел верховой, держа путь на Бахчисарай...

Азис-мурза развернул доставленную ему грязную тряпку и вынул из нее небольшую продолговатую деревянную дощечку, на которой были выжжены непонятные значки, однако их смысл не представлял для него тайны. Подслеповато щурясь и шевеля губами, Азис прочел послание из Азова и так сжал деревянную табличку в кулаке, что побелели костяшки пальцев.

– Ахмета ко мне! Быстро!

Ожидая сотника Ахмета, мурза раздраженно ходил по комнате, расшвыривая ногами подушки. Время от времени он, сердито хмуря брови, шипел сквозь зубы:

– У-у, шайтан! Всю кровь выпущу по капле!

Услышав шаги Ахмета, он резко обернулся. Сотник склонился в поклоне и подумал, что у мурзы разлилась желчь. Иначе отчего у него такое желтое лицо? Неужели от злости?

– Я получил весть из Азова, – начал Азис-мурза не предвещавшим ничего хорошего тоном. – Эта змея, это исчадие шайтана Паршин отправил в Крым своих людей.

– Мы их встретим, высокородный, – заверил Ахмет. – Никто не уйдет живым.

– Где? – Мурза уставился на него побелевшими от ярости глазами. – Где ты их встретишь, ишак? Урус-шайтаны пошли морем, и никто не знает, в каком месте они высадутся. Наш человек смог только сообщить об их отплытии. Слава Аллаху, если вести опередили врага на день или два.

– Надо выследить каждого чужого человека, – осторожно предложил Ахмет. – И подумать, кто может оказать здесь урус-шайтанам помощь. Известно ли, зачем они плывут?

– Нет, – мрачно бросил мурза.

– Если есть предатель среди урус-шайтанов, то почему такой не может найтись здесь? – почти прошептал сотник, но Азис услышал.

– Ты прав, – горько усмехнулся он. – Поэтому нужно взять русских живыми. И потом вырвать скверну с корнем, уничтожить весь род отступника! Разошли людей по побережью, смотри за купцами – греками, армянами и даже за турками. Паршин не пошлет сюда сосунков!

Ахмет поклонился и попятился к дверям. Глядя сверху вниз на его затылок, мурза процедил:

– Я хочу знать, что нужно здесь Паршину и кто ему помогает. Иди!..

* * *

Волосатый быстро шагал по узким улочкам Азова, не обращая внимания на все усиливавшийся дождь. Приказав Тимофею подождать около ворот одного из домов, он зашел через калитку во двор и вскоре появился вновь, ведя двух коней под седлом и пять заводных, нагруженных мешками. Даже в темноте Головин узнал своего вороного жеребца и подивился памяти Паршина: надо же, не забыл, вернул коня.

Тимофей вскочил в седло и поехал следом за Волосатым, который решительно направился к городским воротам. Куприян пошептался со стражей, и створки тяжелых крепостных ворот приоткрылись. За воротами молчаливо лежала черная ночная степь. Когда уже выезжали из города, к ним неожиданно пристроился вывернувшийся из боковой улочки незнакомый казак в турецкой накидке с капюшоном, низко надвинутом на глаза.

– Коновод, – объяснил Волосатый в ответ на недоуменный взгляд Головина.

Налетел порывистый ветер, начал сечь струями дождя, бросая в лицо крупные теплые капли. Лошади бежали резво, и скоро показалась балка, где разбились табор товарищи Тимофея. Они разложили небольшой костерок и терпеливо мокли, ожидая возвращения старшего. Тимофей представил им Волосатого под именем Сгиба, и тот приказал собираться, гасить огонь и двигать к реке.

Город обошли стороной, и потянулась степь. Волосатый свернул к берегу Дона, где на легких волнах покачивался большой струг, едва различимый в темноте.

– Слезай! – зычно крикнул Волосатый. – Лошадей отдайте коноводу. Дальше пойдем морем.

– А как же кони? – спросил кто-то.

– Вернешься – возьмешь, – отрезал Волосатый.

«А коли не вернешься, так и конь тебе ни к чему, – мысленно добавил Головин. – Другой погарцует. Но каждый надеется вернуться».

Он поцеловал теплые ноздри вороного, отдал повод коноводу и, не оглядываясь, перебрался на струг. Там уже было полно народу. На носу и корме стояли небольшие фальконеты. По бортам струг окружали тугие снопы камыша, на носу и корме имелись рулевые весла, чтобы можно было плыть в любую сторону, а между скамьями гребцов лежали мачта и свернутый парус. Куприян быстро рассадил казаков на весла и дал знак отчаливать. Коновод уже увел лошадей, и берег был пустынным. Только где-то далеко позади слабыми искрами вспыхивали факелы стражи на стенах Азова. Но вскоре и они пропали из вида, словно унесло их ветром или загасило проливным дождем.

– Погодка как просили, – подбадривал Куприян. – Ни одна живая душа не узнает, куда мы отправились. Ну, навались, други, навались!

С журчанием скатывалась вода с весел. Струг, подгоняемый течением и попутным ветерком, легко скользил по черной воде к устью реки, и вот его уже качнуло первой морской волной. Поставили мачту и подняли парус. Он поймал ветер, захлопал, выгнулся дугой и понес суденышко навстречу неизвестности...

Утро пришло слепяще яркое, солнечное. От вчерашней непогоды не осталось и следа – в небе синь, вокруг лазурное море с белыми барашками волн. Впереди – бескрайняя даль, а справа далекой полосой синел чужой берег. Кроме пришедших с Тимофеем, на струге плыло еще пятнадцать казаков. Всего вышло в поход двадцать шесть человек.

Куприян открыл торбы, перекусили и, сменяя друг друга, гребли, пока не начинало ломить нагруженные спины. А море все не кончалось и не кончалось, как будто нет больше нигде земли – одна соленая вода.

– Плыдем, как Ной на ковчеге, – заметил один из казаков.

– Эй, Ной, – весело окликнул его Волосатый. – Иди обнови примерять.

Он развязал мешки, которые вчера привез из Азова, и вывалил на дно струга кучу татарской одежды: халаты, куртки, шаровары, сапоги.

– Так. – Критически оглядев товарищей Головина, он вытащил из сумки большие ножницы и острый кривой нож. – Кто первый голову брить? Не бойсь, крови не пуцу.

– Зачем? – с опаской спросил Афоня Брызга, воспитывавшийся вместе с Тимохой в монастыре. – Мы, чай, не басурмане.

– Вот я из вас и сделаю басурман, – заржал Волосатый и, оборвав смех, объяснил: – В Крым плывем, други. Потому надо магометанское обличив принять. Слушайте, что говорю, старый Сгиб дурному не научит.

Первым обрили Головина. Куприян оказался мастером на все руки: он даже бородку и усы подстриг на татарский манер. Тимофей переделся в татарское платье, и Волосатый восхищенно хлопнул себя по ляжкам:

– Янычар! Как есть янычар!

Часа за два обрили и переделали всех, кто должен был сойти на берег. Теперь на струге оказалась пестрая компания: рядом с полуголыми, весело скалившимися казаками усердно налегали на весла типичные ордынцы.

– На все дела вам дано пять дней, – наставлял Волосатый. – Вас высадят, и струг уйдет, а вернется ночью пятого дня. Кто отстанет, ждать не будем! Поэтому каждый должен знать свое место и друг дружку выручать.

– А чего делать-то будем в Крыму? – перебил его неугомонный Брызга.

– Узнаешь, когда черед дойдет, – насупился атаман. – Не утаят.

– Это точно, – подхватил один из гребцов. – Когда приведут тебя темной ночью в ханский гарем, ты уж не теряйся! Знай нужное место и дружков выручай...

К берегам Крыма подошли вечером и долго болтались в открытом море, ожидая, пока совсем стемнеет. Наконец на бархатно-черном небе повисли крупные, яркие звезды. Временами из-за тучки выглядывал край луны, и тогда казаки начинали беспокоиться, но спасительный ветерок опять натягивал покрывало туч на лик ночного светила, словно желая помочь отважным мореходам.

Вдруг среди непроглядной черноты берега замерцал слабый огонек. Три раза ярко вспыхнул и погас. Потом затеплился снова.

– Встречают, – пробасил Волосатый и приказал править к берегу.

Он перебрался на нос струга, приготовил пушку к бою, велел зарядить ружья и держать их под рукой. Все примолкли, раздавался только легкий скрип уключин, заглушаемый неумолчным рокотом моря. Вот уже совсем близко белая полоса пены, призрачной границей разделявшая воду и сушу. Казаки навалились на весла, удерживая струг на месте, чтобы волны раньше времени не выбросили его на земную твердь: ну, как там притаилась засада?

– Кура!.. Кура!.. – долетел с берега протяжный крик. И не разобрать за шумом волн, кто кричал. И снова: – Кура!

Куприян приложил ладони ко рту и во всю глотку гаркнул:

– Ивко!

Ветер подхватил и отбросил его голос, но на берегу, вероятно, все-таки услышали. Там, среди нагромождения камней, появилась темная фигура человека с фонарем.

– Свои, – облегченно перекрестился атаман. – Пошли!

Два-три взмаха весел – и струг ткнулся носом в прибрежную гальку. Куприян схватил ружье, первым соскочил на землю и кинулся к неизвестному с фонарем. Тот на мгновение осветил свое лицо и задул огонь.

– Живей, братки, живей! – торопил Куприян. Он уже успел перекинуться парой слов с встречавшим и вернулся к стругу.

Какие пожитки у казака, отправившегося в лихой набег? Справное оружие, одежонка да немного съестных припасов. В считанные минуты высадились на берег, и суденышко, отчалив, быстро ушло в море.

– Не отставать, – сипло басил атаман. – Тимоха, ты замыкай!

Растянулись жидкой цепочкой и пошли по петлявшей среди камней тропинке, поднимаясь в гору. Головин оглянулся: черной точкой качался и подпрыгивал на волнах струг. Казаки усердно налегали на весла, все увеличивая и увеличивая расстояние, отделявшее их от берегов Крыма. И словно оборвалась нить, связывавшая с родной землей.

Тропинка вывела к неглубокой лощине, где паслись стреноженные кони под татарскими седлами. Выбирать не приходилось – время поджимало, поэтому каждый взял первую попавшуюся лошадь. Вскоре маленький отряд уже скакал по узкой каменистой дороге, казавшейся белой в свете выглянувшей из-за туч луны.

Сначала дорога тянулась вдоль побережья, потом начала забираться в сторону. Не останавливаясь, проскочили через какое-то селение, окруженное сонными садами, вылетели на проселок, с обеих сторон зажатый виноградниками, миновали невысокий перевал и спустились в долину. Сытые кони несли резво, дробным стуком копыт отсчитывая версту за верстой.

Неожиданно из ночного мрака выросла глинобитная стена с глухими воротами, человек, встретивший казаков на берегу моря, соскочил с седла и открыл калитку. Все быстро спешили и по одному вошли во двор, окруженный темными строениями. Калитка захлопнулась, лягнул задвинутый засов, а на улице раздался цокот копыт: кто-то уводил коней.

– Тихо, братки, тихо, – успокоил атаман встревоженно оглянувшихся казаков.

Он первым вошел в ворота сарая, предупредительно распахнутые незнакомцем. Остальные – за ним. Ворота закрылись. В темноте кто-то чиркнул кресалом и зажег фонарь. В его тусклом свете Тимофей наконец разглядел незнакомца. Это был тощий человек с большим носом и широкими черными бровями. Половину его смуглого лица закрывала короткая курчавая борода.

Татарин? Нет, не похож. Да и одет не так: узкие темные штаны, заправленные в мягкие сапоги, расшитая белым орнаментом зеленая куртка, перехваченная в талии широким темно-красным кушаком, и небольшая барашковая шапка.

Он поднял фонарь, поманил казаков за собой и двинулся между наваленных в сарае тюков. У дальней стены поставил фонарь на пол, поднял крышку люка и знаками показал, что нужно спуститься по лестнице в подпол. Куприян взял с полки свечу, зажег ее и первым полез в темный провал лаза.

Подвал оказался сухим, с низким потолком и массивными стенами, сложенными из дикого камня. Вдоль них стояли грубо сколоченные лавки, а посередине был устроен стол из двух пустых бочек и обрезка широкой доски. Пол покрывал слой свежей соломы. На вбитом в стену кованом крюке висел большой фонарь. Волосатый зажег его от огарка и предложил:

– Располагайтесь, братки. Конечно, не боярские хоромы, но несколько дней можно пережить.

Он позвал с собой Тимофея и поднялся наверх, оставив казаков обживать подземное убежище.

Чернобородый проводил их через темный двор в дом, где в маленькой комнате без окон ждал сам хозяин – седой, горбоносый, с большими, чуть навывкате карими глазами. Он сидел за столом, покрытым простой белой скатертью. Комнату ярко освещали масляные светильники. На голой стене висела потемневшая от времени икона. Увидев гостей, хозяин встал из-за стола и обнял казака:

– Как добрался? Все хорошо?

– Здравствуй, Спиридон, – облапил его своими ручищами Волосатый. – Здравствуй, друг дорогой.

Лицо хозяина покраснело, он с трудом вырвался из могучих объятий, едва переводя дыхание.

– Медведь. – Спиридон шутливо ткнул кулаком в широченную грудь Куприяна. – Кости переломаешь! Кто с тобой?

Его глаза настороженно ощупали татарский наряд Тимофея.

– Мой человек, не опасайся. Дело у него тут.

Куприян опустился на лавку. Хозяин сел за стол. Помедлив, уселся и Тимофей. Чернобородый принес блюдо с жареной рыбой и кувшин вина, поставил на стол.

– Садись, Ивко. – Куприян хлопнул ладонью по лавке рядом с собой. – Поговорим.

– Утощайтесь, – предложил Спиридон.

– Потом. – Куприян подвинулся, давая место чернобородому Ивко, и продолжил: – Надо плыть в Константинополь. Спиридон. И поскорее!

– Корабль готов, – улыбнулся хозяин. – Только тебя ждал. Завтра закончим грузить товар и можем отчаливать.

«Греческий купец, – понял Головин. – А вот кто такой Ивко? И куда подевали коней, на которых мы сюда прискакали? Что мне тут нужно делать? Кто мне скажет об этом, если завтра Волосатый уплывет к туркам? Спросить или набраться терпения и подождать?»

– Погода прекрасная, – продолжал купец. – Если будет попутный ветер, добежим быстро. Но тебе лучше подняться на корабль ночью. В последние дни у нас беспокойно, везде рыскают люди Азис-мурзы. Может, что пронюхали?

– Откуда бы им? – насторожился Куприян.

– Не беспокойся, здесь тебя никто не найдет, – подал голос Ивко. – Вход в подвал завалим мешками, никакой Азис-мурза не догадается.

Куприян с сомнением покачал головой: начальник стражи Азис-мурза жесток, своенравен, но далеко не глуп. Хан Гирей не всегда им доволен, но принужден считаться с мнением Константинополя, которому такой человек, как Азис-мурза, угоден и полезен. Поощряя доношительство, мурза везде насадил своих шпионов, пытался даже засылать лазутчиков в Азов. Если он действительно хоть что-то пронюхал, неминуемо жди беды.

– Что же нам теперь – сидеть, как крысам, в подвале и носа не высовывать? – нахмурился Куприян. – А дело кто будет делать? Не отсиживаться приплыли.

– Какое у тебя дело? – Спиридон отхлебнул вина из кувшина. – Уплыть в Царьград? Уплывешь! И всех твоих богатырей увезу, места хватит.

– Э-э, нет, дорогой, молодцам здесь есть работа, – возразил Куприян, – надо украсть знатного татарина и увезти в Азов.

Спиридон отодвинул кувшин и уставился на атамана, приоткрыв рот от изумления. Ивко с хрустом почесал густую бороду и неуверенно растянул губы в улыбке: наверно, атаман шутит?

Тимофей внутренне вздрогнул: в отличие от Спиридона и Ивко, он понимал, что Куприян не склонен шутить. Вот что, оказывается, предстоит Головину и его девяти товарищам! Раньше им ни словом не обмолвились об этом, желая сохранить в тайне замысел отчаянно дерзкого предприятия. Одно дело взять в плен знатного степняка в жестоком бою в поле, но совсем иное – скрытно проникнуть в Крым, украсть татарского вельможу и доставить в Азов. Для этого нужно обладать хитростью лисицы и отвагой льва. Да, не зря отец Зосима отправил в такую даль десяток своих питомцев.

– И... кого же ты хочешь украсть? – Спиридон наконец обрел дар речи. – Надеюсь, это не шутка?

– Какие шутки? – буркнул Куприян. – А кого украсть, скажешь мне ты!

– Я? – округлил глаза купец. – Ты в своем уме?

– В своем, – заверил Куприян. – И даже хмельного в рот не брал.

– Ты говоришь странные вещи, – покачал головой Ивко. – Странные и непонятные. Если не доверяешь нам, не хочешь назвать имя...

– Нужен ханский вельможа, который много знает, – перебил его казак. – Вы живете здесь давно, поэтому я жду от вас совета, кого лучше выкрасть, чтобы узнать у него о намерениях Гирея и турок.

– Вот оно что, – помрачнел Спиридон. – Твои люди ищут смерти?

– Нет, – нарушил молчание Тимофей. – Если нам поручено украсть знатного татарина, мы украдем! И вывезем его в Азов.

Грек с интересом взглянул на молодого человека, но тут же отвел глаза.

– Это трудно, – вздохнул он, – очень трудно. Любой мурза не просто вельможа, это маленький хан в своих владениях! У них дома-дворцы, похожие на крепости, вооруженная охрана, множество слуг. И потом, как я могу точно знать, кто из приближенных хана посвящен в его замыслы и замыслы турок? Если вы так отважны, то лучше всего похитить самого Гирея.

– Спиридон прав, – согласно закивал Ивко. – За вами будет сильная погоня. Слишком велик риск! Могут перебить при попытке похищения, могут не пустить к морю, а могут и утопить в нем, не пожалев ни вас, ни мурзу.

– А если уходить через степь? – предположил Головин.

– Долго, – отмахнулся Куприян, – да и гнать придется через весь Крым. Это уж точно смерть! А на море отчалил – и неизвестно куда уплыл...

Повисло гнетущее молчание. Спиридон уставился в стену и беззвучно шевелил губами: наверное, поименно вспоминал каждого из приближенных хана Гирея, прикидывал, кого из них лучше выкрасть. Куприян схватил со стола кувшин и жадно припал заросшим ртом к его

горлышку. Ивко опустил голову и разглядывал пальцы сцепленных рук. Тимофей напряженно ждал, что скажут хозяева: неужели они ничем не смогут помочь?

Ивко поднял голову, загадочно улыбнулся и неожиданно воскликнул:

– Алтын-карга!

– Золотой Ворон? – перевел на русский язык Головин. – Кто это?

– Иляс-мурза. Татары прозвали его Золотой Ворон, – объяснил грек. – Богатый, знатный.

В родстве с Гиреем, поскольку тоже, как и хан, принадлежит к роду Чингиза, что дает ему право носить на шлеме перья серого кречета. Пожалуй, это хорошая мысль!

– Иляс известный воин, – дополнил Ивко. – У него большой дом неподалеку отсюда.

Много слуг и русская жена.

– Тебе приходилось бывать в его дворце? – заинтересовался Куприян.

– Ты хочешь украсть Иляса? – прямо спросил Спиридон. – Это невозможно!

– Почему? – вмешался Тимофей. – Судя по всему, этот мурза нам подойдет. Конечно, плохо, что его дом недалеко от вашего, но зато можно ночью поглядеть, как там и что.

– У него во дворце сильная охрана, – замахал руками грек. – И за вами кинется в погоню половина Крыма! Но он должен многое знать, очень многое. Не лучше ли попробовать поймать его вне дома? Например, когда мурза отправится на охоту?

– А когда это будет? – вскинул голову Куприян. – Кто знает? А у нас всего пять дней. Даже четыре. Струг не сможет ждать!

– Погоди, – поднял ладони купец. – Скажи, ты хочешь плыть в Константинополь или останешься, чтобы украсть мурзу? Что для тебя важнее?

– Подготовим похищение и отплываем, – после недолгого раздумья решил Куприян. – Мы с тобой отправимся на корабле, а Ивко поможет здесь выкрасть Алтын-каргу. Без Ивко все равно не найти дороги к бухте, куда должен прийти струг. Кто из вас бывал в доме мурзы?

Ивко молча встал и вышел из комнаты. Вернулся он с куском угля в руке. Снял со стола кувшин и блюдо с рыбой, разгладил скатерть и начал чертить на ней непонятные линии.

– Смотрите, – объяснил он Тимофею и Куприяну, – вот тут дом, где мы находимся. Это дорога, это роща, это сады, а это ограда дворца Алтын-карги...

Через час Головин вернулся в подвал. В руках у него была бережно свернутая скатерть с начертанным углем планом усадьбы и дворца Иляс-мурзы...

* * *

Казалось, Анастасию наконец не только оставили в покое, но и дозволили делать все, что ей заблагорассудится. Она вышивала платок диковинными цветами и птицами, а когда работа подошла к концу, задумалась: что дальше? Разноцветные шелка на белом фоне так и переливаются, птички получились как живые; цветы алеют, словно маки. Можно еще что-нибудь вышить. А потом, что потом?

Ей не отказывали ни в еде, ни в питье, проворные старухи в черной одежде приносили блюда и кувшины, убирали грязную посуду. Тень голода не витала над русской рабыней, грозя ей костлявой рукой, наоборот, здесь не знали, какими бы еще вкусными кушаньями и сладостями ее порадовать. Невольницу выпускали гулять в большой роскошный сад, раскинувшийся вокруг дворца Алтын-карги, разрешали побегать и порезвиться, посидеть на мягкой траве, подставив лицо ласковому солнышку. Если ей вдруг хотелось прилечь, на низком деревянном помосте в тени деревьев для нее были расстелены пушистые ковры, громоздилось множество подушек. Ложись, отдыхай, нежься! А если задремлешь, бдительная старуха, наблюдавшая за прогулкой, сядет в изголовье и отгоняет докучливых мух, чтобы не тревожили сон северной красавицы.

А наряды? Полны сундуки: шелка, бархат, златотканая парча, тончайшая кисея. И все можешь примерить, надеть – хоть целый день напролет вертись перед драгоценным зеркалом, купленным за огромные деньги у венецианских купцов. Примеряй шапочки, украшенные пушистыми, легкими перьями, или погляди, как сидят на ножке туфли из тонкого сафьяна, а хочешь – обмотай голову тюрбаном. Да можно ли перечесть все, что лежит в сундуках?

Не надо полоть огород, таскать воду из колодца, растапливать печь, месить тесто, ворошить сено, доить корову, сбивать масло, мыть полы, подмазывать глиной курень, возиться с горшками. По вечерам не ломит натруженную спину, не гудят от усталости руки и ноги, но... Раньше, бывало, только коснулась щекой подушки, так сразу проваливалась в сон. Здесь и постель мягкая, и спину от трудов не ломит, а сна нет. Пуховая подушка казалась камнем, подsunутым под голову. И маетно и душно, металась ночи напролет, а сон не шел. Словно кто украл его и не хочет вернуть. Лежала, думала и поняла, что хотят ее или подкупить, или сломать. Свобода – только призрак, а на самом деле она в золотой клетке: крепки прутья, неусыпна стража!

Это Анастасия уже проверила. День и ночь стояли за дверями проклятые старухи. Пойдешь в сад – и они обе за тобой следом, словно воронье, так и мелькают между деревьями. Попробуй только подойти к ограде, они тут как тут. Значит, бояться, чтобы не сбежала? Но куда бежать? Даже если удастся украсть коня, далеко не ускачешь. Чужая страна, чужие люди, а родной дом за тридевять земель. Да и цел ли он после татарского набега? Живы ли отец и братья?

И все же один раз ей повезло. Как-то, гуляя по саду, она заметила в густой траве что-то блестящее. Однако сразу к тому месту не подошла, а принялась вываживать старух, чтобы отвлечь их внимание. Резвилась, прыгала, бегала по дорожкам из конца в конец сада. Старухи немедленно разделились: одна караулила вблизи ворот, а вторая от дальней стороны ограды наблюдала за расшалившейся рабыней. Уловка удалась: старухи в черном оказались достаточно далеко и не могли ее видеть.

И вот наконец Анастасия возле загадочного блестящего предмета. Сердце ее замерло: в траве лежал кинжал с рукоятью из рога. Хищно поблескивала под лучами яркого солнца синеватая сталь изогнутого клинка, так и маня схватить его и поскорее спрятать. Но Анастасия сумела сдержаться, не нагнулась за находкой. Наверно, кинжал обронил кто-то из слуг Алтын-карги или охранник, которому ночью причудился подозрительный шорох в саду. Он отправился поглядеть, не забрались ли в имение воры, и выронил кинжал из ножен, а когда хватился, уже не вспомнил, где случилась потеря. Впрочем, какое имеет значение, кто потерял? Важно, что нашла она! Побегав еще немного, Настя, будто от усталости, повалилась на траву, схватила кинжал и успела спрятать его на груди до появления старух.

«Поздно, голубушки, – злорадно подумала она, увидев медленно приближавшихся с двух сторон стражей в черном. – Проворонили!»

Назад она возвращалась в отличном расположении духа. Как только осталась одна в комнате, тут же вытащила кинжал и попробовала пальцем лезвие клинка: оно было очень остро наточено. Ну, теперь так просто она не дастся! Но тут же пришла другая мысль: где надежно спрятать находку? Носить кинжал без ножен неудобно, а оставить в комнате нельзя: старухи могут обнаружить тайник – они знают тут все щели и углы. Опять же как скрыть кинжал, когда поведут в баню или заставят переодеться? На нее насильно надевали то, что считала нужным хозяйка.

С Варварой она больше не встречалась. Конечно, видела ее из окна своей комнаты, когда та спускалась во двор или гуляла в саду, но лицом к лицу они не сталкивались.

Так ничего толком и не придумав, Анастасия бережно замотала клинок лоскутом ткани и спрятала под платьем. И тут же неожиданно отворилась дверь и вошли ее стражи. Молча схватили рабыню за руки и потащили за собой по лестницам дворца.

Анастасия попыталась вырваться, но старухи держали крепко. Тогда она присела, но получила крепкий пинок коленом в позвоночник, отдавший болью во всем теле. Старухи знали, как усмирять непокорных невольниц. Попробуй достань кинжал, когда руки заламывают за спину. Решив не тратить зря силы, она сделала вид, что смирилась. Старухи притащили ее к знакомым дверям, вошли вместе с нею и остановились против дивана, на котором сидела Варвара.

Несколько минут женщины молча разглядывали друг друга, словно соревновались, кто быстрее заставит соперницу опустить глаза. Потом Варвара тихо сказала:

– Я вижу, ты еще больше похорошела. Тебе на пользу свежий воздух и долгий сон. Неужели тебе не нравится у меня?

– Дома лучше, – не сдержалась Настя.

– Дома? – Хозяйка рассмеялась. – Теперь твой дом здесь. Пока здесь. И от тебя зависит, сколь долго ты здесь пробудешь.

– Если бы это зависело от меня...

– Договаривай. – Варвара подалась вперед. – Ты не ценишь доброго отношения, не рада нарядам, прогулкам? Хочешь отведать плетей?

Анастасия молчала, уставившись в пол: какой толк от спрятанного на груди кинжала, если ее крепко держат за руки? О, если бы старухи знали, что может случиться, если рабыня вырвется!

– Ты неразумна. – Варвара откинулась на спинку дивана. – Мудрец сказал: не обнаруживай свою ненависть к тем, кого ты не в силах удалить от себя. Тем более не стоит ее обнаруживать рабу по отношению к хозяину.

Настя отвернулась и стала смотреть за окно, где легкий ветерок играл листвой деревьев в саду.

– Непокорная, – усмехнулась хозяйка. – Ничего, я заставлю тебя стать послушной моей воле! Сейчас тебя спасает красота, но потом ты поймешь, что спасение в том, чтобы стать воском в моих руках. И тогда я слеплю из тебя все, что пожелаю. Смирись!

– Нет! – Рабыня смело поглядела прямо в глаза Варвары. – Лучше умереть!

– А вот это тебе не удастся. Я все равно добыю своего: не пряником, так кнутом!

– Тогда бей! Чего же ты ждешь?

– Завтрашнего дня, – спокойно ответила жена Алтын-карги. – Мне жаль обезобразить твое тело.

– Ага, ты ждешь, что я буду мучиться в ожидании наказания? Ошибаешься! Меня не запугать угрозами.

– Какие угрозы? – подняла тонкие брови Варвара. – Завтра возвращается Рифат. Просто я не хочу, чтобы он видел твое исполосованное кнутом тело. Вот и все.

– Завтра? – отшатнулась Анастасия.

– Да, завтра, – подтвердила хозяйка. – Завтра ты станешь его наложницей, а там посмотрим. Учти, многое будет зависеть от того, останется ли он доволен тобой. Еще есть время подумать, что лучше выбрать. Иди!

Старухи потащили Настю к дверям. Она не сопротивлялась, подавленная услышанным.

– Завтра! – Как выстрел в спину ударило ее последнее слово Варвары, которое прозвучало прежде, чем захлопнулись двери.

В своей комнате Анастасия упала на диван и разрыдалась. Что делать? Остается только одно: лишиться себя жизни, принять на душу тяжкий грех. Но, может быть, всеведущий и милостивый Господь простит ей? Ведь он все знает и видит.

Она села спиной к двери, чтобы укрыться от старух, достала кинжал и прикоснулась пальцами к нагретому теплом ее тела клинку. Вонзить в грудь острую сталь и пусть душа летит

на покаяние? Варвара, конечно, разозлится, но тут же начнет искать для сына новую рабыню. И все повторится. Как же разорвать страшный круг?

Решение пришло само собой: надо убить Рифата! Конечно, потом ей не жить, но и так жизнь кончена, рожденная вольной, она не станет сожалеть о неволе. Всего одним ударом кинжала она сразу поразит наследника рода Алтын-карги, отомстит Варваре, предавшей свой народ, достанет самого Иляса-мурзу, лишив его надежды передать свои богатства сыну, а потом внукам. Не будет больше у мурзы сына!

Только бы у нее хватило сил. Убить Рифата нужно при первой же встрече с ним: другого случая уже может не представиться. Он войдет к ней как полновластный хозяин, готовый сломить сопротивление наложницы, не желающей расстаться с девичьей честью, и никак не ожидая внезапной смерти от ее кинжала. Пусть потом делают с ней все, что хотят. Варваре и Илясу достанется только мертвое тело рабыни, поскольку, убив Рифата, она убьет и себя, чтобы не могли над ней, живой, глумиться. А мертвые сраму не имут!

Остаток дня Анастасия провела в раздумьях и молитвах. Мысли о грядущем дне повергали ее в дрожь, заставляли измученное сердце биться неровно и тревожно. Вдруг старухи обыщут комнату или поведут в баню? Или Варвара решит, что ее сын должен овладеть рабыней в другой половине дома, и не Рифат придет сюда, а ее поведут к нему?

Вяло поужинав, Настя прилегла. Незаметно подкрался сон и подарил отдых ее пылавшей от дум голове...

Утром она сразу почувствовала, что в доме царит необычное оживление. Суетились слуги, хлопали двери, с женской половины далеко разносился повелительный голос хозяйки, распекавшей челядь. Со двора донеслись цокот копыт и приветственные возгласы. Анастасия кинулась к окну.

На красивом вороном коне в ворота имения въехал Иляс-мурза. Рядом с ним гарцевал на гнедом жеребце молодой татарин в богатой одежде. Кажется, что это приехали два Иляса, только один из них старый, а другой еще совсем молод и полон сил. У молодого мурзы такая же манера держать голову, тот же рост и телосложение, даже жесты удивительно похожи. Анастасия поняла: приехал Рифат...

* * *

Ночью, дождавшись, когда все вокруг погрузится в сон, казаки неслышными тенями вылезали из подвала и прокрадывались к имению Алтын-карги. На первый раз ограничились тем, что издали осмотрели дворец и обошли вокруг ограды. Почуввав чужих, сторожевые псы подняли неистовый лай. Забеспокоилась стража, мелькнули огни факелов, и Тимофей решил в следующий раз проникнуть за ограду со стороны сада. На вторую ночь они пробрались в сад и дошли до дворовых построек, но проклятые псы вновь подняли тревогу. Не желая рисковать, Головин дал сигнал отойти.

Заметить их не могли: каждый казак из его десятка прекрасно умел оставаться невидимым не только в темноте, но и при ярком свете дня; все они прошли суровую школу у монахов-воителей, научивших прятаться в степи, в лесу и даже во вражеской крепости, охраняемой усиленными караулами. Но собака – не человек, ее обмануть труднее. Пусть она плохо видит, зато обладает тонким нюхом и прекрасно слышит. Старики утверждали, что псы чувствуют даже призраков, неприкаянно бродящих в ночи. Так это или нет, но если хочешь выкрасть мурзу, от сторожевых собак нужно как-то избавиться.

Когда вернулись, выяснилось, что случилась досадная промашка: Брызга потерял кинжал. Тимофей помрачнел. Ладно, коли выронил по дороге к имению мурзы, а вдруг в саду? Беда, если слуги Иляса найдут кинжал! Тут же начнут выяснять, чей он. И окажется, что ни у кого в доме такого никогда не было. Значит, в саду побывал кто-то чужой. И непременно уси-

лят стражу, могут даже устроить засады. А если об этом узнают соглядатаи Азис-мурзы? Одна надежда: кинжал был татарской работы. И у казаков и у ордынцев оружие было всякое: турецкое, татарское, русское, сделанное в немецких землях, в Польше и даже выкованное искусными мастерами страны вечерней звезды, как арабы поэтично называли Испанию. Хороший клинок или пистолет легко менял владельцев в круговерти вечной войны и набегов, часто переходил из рук в руки.

Ладно, сделанного все равно не воротишь. Теперь надо как-то изловчиться, чтобы увидеть самого Алтын-каргу и решить, где и как его брать.

Но собаки, проклятые сторожевые собаки! Мысль о них не давала Тимофею покоя. Перестрелять их из лука? Но в темноте можно неточно всадить стрелу, а подранок поднимет такой вой, что весь дом окажется на ногах. А мурзу желательно выкрасть тихо. Может, отравить лохматых сторожей? Конечно, заранее это сделать нельзя, поэтому нужен быстродействующий яд. Причем такой, чтобы собаки его не учуяли, жадно схватили приманку...

Когда Ивко спустился в подвал, Головин отозвал его в сторону.

– Слушай, я на татарина похож?

– Больше на янычара. – Ивко окинул его взглядом. – А что?

– Ты много видел янычар? – недоверчиво прищурился Тимоха.

– Много. – Глаза Ивко зло заблестели. – Я родился на земле многострадальной Сербии...

Ладно, что ты задумал?

– Хочу пойти к Алтын-карге. На него посмотрю, узнаю, как и что в доме, где держат собак. Уж больно они чуткие. Отравить бы надо. Да ночью несподручно искать нужную траву для зелья.

– Не ходи, – замотал головой серб. – Я покажу вам Иляса, а собак постараемся усыпить. Я знаю, как это сделать. Послушайся моего совета, не ходи! Карга свято чтит законы гостеприимства, однако насторожится, увидев неизвестно откуда появившегося янычара. А нам нужно, чтобы он спал спокойно.

– Хорошо, пусть так. Но когда и как ты покажешь нам Иляса? Время идет, Спиридон и Сгиб сегодня ночью отплывают. А завтра нас будет ждать струг.

Ивко похлопал казака по широкому плечу и хитро подмигнул:

– Сегодня увидишь мурзу. А завтра его украдем. Отдыхай!

Он собрал пустые миски и поднялся наверх, а Тимофей завалился на лавку. Кругом сладко похрапывали уставшие за ночь товарищи, а его сон не брал. Головин закрыл глаза и мысленно представил себе окруженный садом двухэтажный дворец с деревянными фигурными решетками на окнах. Может, попробовать выманить мурзу из дома? Навалиться на него во дворе, скрутить руки, заткнуть рот, бросить поперек седла и гнать коней?

Нет, не подходит! Что делать мурзе на дворе поздно ночью? Если случится шум, он пошлет слугу узнать, в чем дело, но сам не спустится. А если заявиться к нему за полночь под видом отряда янычар? Нет, он не выйдет к ним, а пригласит к себе. И окружит дом охраной, не доверяя незнакомым вооруженным людям: у янычар дурная слава даже среди единоверцев.

Штурмовать дворец нельзя: у него крепкие стены из камня и толстые двери, а рядом большой город. На шум выстрелов примчится стража. И пожар не устроить по той же причине. Вот незадача!

Может, взять дворец среди бела дня, когда никто не ожидает такой дерзости? Но где прятать мурзу до наступления ночи? В подвале у Спиридона? За это время ханские стражники успеют выставить заставы на всех дорогах и караулы на побережье. Нет, все это не подходит. Надо придумать что-то иное, чтобы обеспечить внезапность нападения и возможность быстро отступить. Дело должно свершиться в считанные минуты: свалиться как снег на голову, схватить мурзу и увезти, а потом пусть татары разевают рты и бестолково мечутся...

Когда пришел Ивко, в голове у Тимофея уже сложился план похищения; он даже прикинул, что и как должен делать каждый его казак.

– Ты хотел увидеть мурзу? – улыбнулся Ивко. – Тогда пошли.

Головин взял с собой Брязгу и еще одного казака.

– Вас трое? – Серб придержал крышку люка, помогая им вылезти. – Все хотят поглядеть на каргу?

– Им его вязать, – как о давно решенном деле, сказал Тимофей.

В сарае стояла доверху нагруженная сеном арба. Запряженная в нее старая кривая кобыла меланхолично косила единственным глазом на людей и лениво переступала разбитыми копытами.

– Заройтесь в сено, – велел Ивко. – И ни звука.

Выехали со двора и свернули к дому мурзы. Арба покатила по узкой каменистой дороге через рощу. Кобыла едва тащилась и часто обмахивалась хвостом, отгоняя надоедливых оводов.

– Раздвиньте сено, чтобы видеть дорогу, – не оборачиваясь, сказал серб. – Скоро нас обгонят несколько всадников. Мурза обычно едет впереди.

Примерно через час они услышали позади дробный стук копыт. Головин жадно впился глазами в приближавшихся всадников. Первым на отличном вороном коне скакал жилистый меднолицый татарин в низко надвинутой на глаза красной шапке, отороченной мехом степной лисы. На его лице застыло выражение высокомерного равнодушия. Немного отстав от него, ехали еще трое людей, вооруженных саблями. Замыкали кавалькаду две вьючные лошади.

«Какой момент! – невольно подумал Тимофей. – Нас трое, у каждого за поясом по паре пистолетов. Разрядить их в упор – и нет больше охраны. А мурзе аркан на шею... Но струг придет только завтра ночью!»

Рядом засопел Брязга: видимо, подумал о том же. Головин ошупью нашел его руку и сжал, призывая замереть, не выдать себя ни единым вздохом.

Даже не взглянув на медленно тащившуюся арбу, Ильяс-мурза проехал мимо. Ивко поклонился ему, потом поклонился охране и долго кланялся вслед всадникам, пока они не скрылись за поворотом.

– Видели? – обернулся серб.

– Да, – глухо ответил из-под сена Тимофей. – Давай обратно мимо его дворца. Хочу еще раз взглянуть.

Арба развернулась. Кривая кобыла почуяла, что идет домой, и побежала резвее. Казак пробрался под сеном ближе к Ивко и спросил:

– Как с собаками?

- Они больше не помешают. Жалеешь, что не напал на Иляса?
- Жалею, – не стал скрывать Тимофей.
- Не жалей. Он сегодня не будет ночевать дома, а завтра ты его увезешь.
- Не гадайвай. Коней заранее приготовь. И надо им копыта войлоком обмотать.
- Все сделаем, – засмеялся серб.
- Приготовь мне длинные крепкие веревки и наскреби в печи сажи.
- Сажи? – недоуменно пожал плечами Ивко. – Ладно, будет и сажа...

Поздно вечером проводили Куприяна и Спиридона. По обычаю, присели на дорожку, потом обнялись. Волосатый залез в огромный пустой сундук, купец сам навесил на него массивный замок и спрятал ключ на груди. Потом поманил Тимофея и молча указал ему на хитро замаскированные под крышкой отверстия, чтобы сидевший внутри не задохнулся.

- В море выпущу, – усмехнулся в седую бороду Спиридон.

Два дюжих приказчика подняли сундук и вынесли во двор. Поставили на повозку. Уселись сами. Грек взобрался на козлы и тронул коня...

* * *

Днем точили сабли, заряжали ружья и пистолеты, проверяли одежду и обувь. После обеда легли на несколько часов отдохнуть.

Ближе к закату пришел Ивко. С улыбкой подал Тимофею плоскую тарелку с сажей. Тот поблагодарил и достал небольшой горшочек с топленным салом. Перемешав его с сажей, вымазал себе лицо и руки. То же сделали и другие казаки.

- Хитры, – покрутил головой серб. – Теперь вас в темноте не заметишь.

- Веревки принес?

– Вот они. – Ивко отдал Головину свернутые кольцом веревки. – Отрава для собак готова. Вы подождете в роще, а я схожу к дому и кину им угощение. – Он показал небольшую кожаную сумку, набитую кусками мяса...

Когда вылезли из подвала, уже стемнело. Крадучись, пересекли двор и через калитку в задней стене ограды вышли на дорогу. Бегом припустились по ней к роще, где серб спрятал коней. Отыскивая их, забрались в чащобу. Хорошо еще, Ивко знал как свои пять пальцев каждую тропочку и точно вывел к овражку, в котором тревожно фыркали стреноженные лошади. Головин проверил копыта. Серб не подвел – они были обмотаны кусками тонкого войлока.

- Ждите здесь. – Ивко вскочил в седло и бесшумно ускакал.

Время ожидания тянулось страшно медленно. Разобрали коней, еще раз проверили оружие, сделали на веревках скользящие петли, как на арканах. А серб все не возвращался. Тимофей заволновался: уж не случилось ли чего? Вдруг Ивко заметили и он уводит погоню в сторону или не подействовала на проклятых собак приготовленная им отрава? Что тогда делать? Возвращаться в Азов с пустыми руками? Но как найти дорогу к бухте без Ивко?

Наконец раздался глухой топот копыт и показалась смутная тень всадника.

- Собаки спят, – подъехав ближе, сообщил серб.

– Ты с нами не лезь. Без тебя до струга не добраться, – предупредил его Головин и обернулся к своим: – Не шуметь! Татар убирать ножом или саблей. По сигналу уходим разом. Ивко останется с коноводом. Пошли!

Черными призраками двинулись через ночной лес. Выбрались на дорогу, понеслись по ней к имению мурзы. Остановились неподалеку от стены, за которой раскинулся сад, спешили, отдали лошадей коноводу и молча разошлись в разные стороны. Трое направились к воротам, один казак вместе с Ивко остался при конях, а шестеро перелезли через стену и прыгнули в сад...

Прижавшись спиной к еще хранившей тепло угасшего дня стене, Тимофей настороженно прислушался: тихо. Сквозь ветви деревьев видно, как желто светятся окна в доме мурзы. Пахнет сырой землей и чуть уловимым ароматом прелой листвы. Ущербная луна посеребрила траву, залила широкий двор призрачным сиянием, положила угольно-черные тени там, куда не достигал ее слабый свет. Собаки молчали. Видимо, им пришлось по вкусу угощение серба.

Рядом притаились остальные казаки, почти неразличимые в темноте. Если не знать, что на расстоянии вытянутой руки от тебя люди, то пройдешь мимо, ничего не заметив и даже не услышав их дыхания.

Осторожно ступая, чтобы не хрустнула под ногой ветка. Головин двинулся вперед. Сабли у всех были привязаны за спиной – их рукояти торчали из-за левого плеча. Так удобнее выхватить клинок и не болтаются ножны, мешая пробираться в темноте. За пояс засунуты пистолеты, за голенищем – кинжал, а на шее – моток крепкой веревки. Вот и последние деревья сада. Впереди, в десятке саженей, угол пристройки, вплотную примыкающей к дворцу. Нигде не видно ни души, словно все вымерло: да и то – время к полуночи.

Тимофей опустил на землю и пополз, стараясь спрятаться от света луны в тени сарая. Оглядываться не было нужды. Он знал, что остальные последуют его примеру. Добравшись до постройки, он выглянул из-за угла: как там, у ворот? Не сумев ничего разглядеть, издал губами чмокающий звук и посвистел, подражая голосу внезапно проснувшейся птицы. В ответ щелкнуло короткое соловьиное коленце, и все стихло. Значит, его люди на месте.

Взобравшись на плечи Брызги, Головин ухватился за край крыши пристройки. Подтянулся и влез на кровлю, опасаясь, как бы она не проломилась под его тяжестью. Но обошлось. Прямо перед ним темнела глухая стена дома. На четвереньках добежав до нее, он снова поглядел во двор. По-прежнему там было тихо и пустынно. Охранники или легли спать, или сидели в доме. Через минуту к Тимофею присоединились Афоня и еще один казак. Трое остались внизу.

Теперь предстояло залезть на крышу дворца. Безотказный Брызга опять подставил плечи, и третий, самый легкий из них, мгновенно вскарабкался наверх. Протянув руку, принял веревки и исчез. Головин начал медленно считать про себя: раз, два, три... Когда счет перевалит за второй десяток, казак с крыши должен сбросить веревки – именно столько времени нужно, чтобы добраться до печной трубы, накинуть на нее петли и вернуться. Не зря туда отправили самого легкого: кто знает, насколько крепка крыша дворца и не услышат ли в комнатах шаги над головой? Ну, что он там копается? Время неумолимо бежит, а струг не может ждать до бесконечности. И до него еще надо добраться.

Интересно, чем сейчас занят мурза? Или он уже спокойно поживает, не чуя нависшей над его головой страшной беды? Видит сладкие сны и не знает, что казаки уже во дворе его дома? Ничего, скоро Паршин получит подарочек. Но, может быть, они похитят Ильяса вовсе не для Паршина, а для Москвы? Не зря же потребовали выкрасть того, кто знает о замыслах хана и намерениях турок. Обычно даже то, как поведет себя пленник, может сказать очень многое. Если татарин сразу заведет речь о выкупе, значит, орда не собирается подниматься в набег и начинать войну, а если будет молчать...

Над головой раздался слабый шорох, и мимо лица змеей скользнула веревка. Поймав ее, Тимофей посмотрел наверх: на фоне неба чернела голова казака. Вот он взмахнул рукой и сбросил вторую веревку, а потом третью. Все, теперь можно действовать дальше.

По фасаду дворца, на уровне окон второго этажа, тянулся узкий, шириной в полторы ладони, карниз, опоясывавший здание. Держась за веревки, казаки взобрались на него и осторожно двинулись вперед, заглядывая через окно в комнаты. Ночи стояли душные, внутренние ставни были открыты, а рамы с наступлением тепла вынули до новых холодов, поэтому смельчаков отделяли от внутренних помещений дворца только резные деревянные решетки да неплотно задернутые легкие занавески.

Первая комната оказалась пуста. Разбросанные по коврам подушки, узкогорлый кувшин на низеньком столике, широкий диван, какие-то вещи, кучей сваленные в углу. И никого. Стараясь не смотреть вниз, Тимофей двинулся к следующему окну. На высоте почти четырех саженей, едва найдя место, чтобы потверже поставить ногу на узкий карниз, он, как муха, полз по фасаду дворца Алтын-карги. Следом пробирался Брязга.

Во второй комнате вповалку спали на ковре несколько пожилых женщин. Луна освещала голые стены, проплешины истертого до дыр ковра и усталые лица. Наверное, здесь отдыхала прислуга.

Третье окно выходило на внутреннюю лестницу, соединявшую этажи здания. Спиной к окну на ступеньках сидел бритоголовый татарин и обглаживал кость, часто слизывая с пальцев жир. Саблю он повесил на перила и полностью отдался процессу насыщения, ничего не видя и не слыша вокруг.

«Ну кер мурзы, – осторожно переступая по карнизу, подумал Головин. – Что будет, если мы не найдем комнаты Пляса? Вдруг во дворце есть помещения без окон? Тогда придется прорываться во внутренние покои и брать его там».

Он миновал широкий простенок и заглянул в следующее окно. Там, сидя на подушках, мирно беседовали несколько мужчин. Они говорили настолько тихо, что их голоса едва долетали до Тимофея.

– У него в прошлом году был хороший урожай... – услышал казак обрывок фразы и, пригнувшись, поскорее убрался от окна. Эти мужчины его не интересовали: среди них не было мурзы Иляса. А впереди ждал еще длинный ряд темных и освещенных окон. И подгоняло нетерпение поскорее найти хозяина дома. Ведь ночь не бесконечна!

Казалось, удача капризно отвернулась, решив зло посмеяться над дерзкими смельчаками. Они уже прошли почти все здание – до угла осталось всего несколько окон, – но Алтын-карги не было ни в одной из комнат. Неужели мурза каким-то чудом успел ускользнуть от похитителей, неведомыми путями узнав о грозящей ему опасности? Если его не окажется ни в одном из покоев по эту сторону дворца, придется перелезть через крышу, спуститься на карниз с другой стороны и вновь осматривать комнату за комнатой. А драгоценное время неумолимо уходит. Наверно, гребцы сейчас всю налегают на весла, торопясь вовремя приплыть к заветной бухте...

Еще три окна, в которые он заглянул, только усилили тревогу и нетерпение Тимофея: за ними лежал погруженный в сумрак большой зал – на его стенах висели щиты, сабли и перекрещенные копья, украшенные конскими хвостами. Даже в темноте видно, что все оружие дорогое, хорошей работы, богато украшенное насечкой и самоцветными камнями. Брязга только горестно вздохнул – хоть и близок локоток, да не укусишь! А как славно завладеть хоть одной из висевших на стенах сабель.

После зала опять оказалось окно, выходящее на внутреннюю лестницу. За ним, нахолившись, как вороны под студеным ветром, сидели под дверями комнаты две одетые во все черное старухи. Напротив, на крюке, вбитом в стену, висел слабо мерцавший масляный фонарь. Старухи молчали и не шевелились: то ли задремали, то ли погрузились в раздумье. Около ног одной из них, свернувшись теплым комочком, спала рыжая кошка.

Перехватив поудобнее веревку, Головин сделал еще несколько шагов и очутился у последнего окна. Лишь только заглянул в него, как сердце радостно екнуло: наконец-то!

Посредине комнаты, спиной к нему, стоял Иляс-мурза в отороченной мехом степной лисы красной шапке. Наверное, ее сшил искусный мастер: у заднего шва положенная по околышу лиса держала в зубах свой хвост, спускавшийся на спину мурзы пушистой рыже-серой косичкой. Вместо глаз у лисицы вставлены зеленоватые камушки, отражавшие свет горевшей в комнате свечи. И казалось, что зверь зло смотрит на внезапно появившегося за окном казака.

Вчера, провожая взглядом скакавшего по дороге Алтын-каргу, Тимофей подивился хитрому умению скорняка, выделывавшего шкурку степной хищницы.

Напротив мурзы, судорожно сжав в левой руке платок, стояла девушка в роскошном татарском одеянии. Правую руку она спрятала за спину. На ее бледном лице лихорадочными пятнами горел румянец, а большие глаза были подобны звездам, излучающим убийственно-холодный свет. Такой красавицы Головину не приходилось видеть. Неясное, тоскливое предчувствие на мгновение сжало ему сердце, когда он заглянул в эти глаза. Кто она? Жена или наложница мурзы?

– Уйди добром! – неожиданно по-русски сказала девушка, и звук ее голоса заставил Тимофея слегка вздрогнуть. Сколько боли и муки слышалось в ее словах!

В ответ мурза только тихо рассмеялся и сделал шаг к ней, но девушка проворно отступила:

– Не подходи!

Почувствовав легкий толчок в бок, Головин обернулся – рядом, поблескивая белками глаз на черном, вымазанном сажей лице, радостно скалился Брызга. Держась одной рукой за веревку, он показывал другой на спину мурзы, то сжимая, то разжимая увесистый кулак, словно хотел сказать: чего ждем, надо хватать его и уносить ноги!

Тимофей словно очнулся от колдовского сна, навеянного чарами неизвестной красавицы. Он натянул веревку и уперся подошвами сапог в стену. То же самое моментально проделал Афоня. Головин показал ему растопыренную пятерню, потом ткнул себя в грудь. Брызга понимающе кивнул.

Оттолкнувшись, Тимофей, как маятник, качнулся и, снова приблизившись к стене, оттолкнулся еще, уже сильнее. С другой стороны окна, в такт с ним, раскачивался Афоня Брызга.

Раз, два, три... Пора! Казаки с маху ударили по деревянной решетке ногами, вышибли ее и влетели в комнату. Перекувырнувшись, Головин тут же встал на ноги и от души врезал мурзе в ухо. Не успев даже обернуться на шум, татарин рухнул лицом вниз.

Сдавленно вскрикнула девушка, а Брызга уже сорвал с шеи запасную веревку и спутал мурзе ноги. Сноровисто действуя, он захлестнул ему шею, подтянул руки бесчувственного татарина к затылку и связал запястья. Тимофей сорвал со стены тонкий ковер с яркими узорами и накинул на пленника. И тут распахнулась дверь.

– Шайтан!..

Афоня метнул нож, и черная фигура, возникшая в проеме двери, захлебнувшись криком, кулем осела на пол. Кто-то с воплем покатился по лестнице, где-то внутри дома бухнула дверь, послышались возбужденные голоса.

Но Головин уже спеленал мурзу и легко вскинул сверток на плечо. Шустрый Брызга пританцовывал от нетерпения на подоконнике, держа в руках веревки.

– Уходим!

Тимофей шагнул к помертвевшей от испуга девушке, выхватил у нее из рук платок:

– На память!

Подскочил к окну, принял из рук Афони веревку, оттолкнулся и скользнул по ней вниз, прижимая к себе драгоценную добычу, завернутую в ковер. Следом выпрыгнул Брызга, а сверху уже летел во двор сидевший на крыше казак.

– Меня возьмите, меня! – подбежав к окну, что было сил закричала девушка, но ее голос заглушил переливчатый, разбойный посвист, от которого заложило уши.

И тут же поползли в стороны створки ворот, в них влетели оседланные кони, дробно стуча копытами по плитам двора. Дворец ожил. В окнах замелькали яркие огни, на разные голоса завывали перепуганные женщины, послышался топот многих ног.

А казаки уже поймали коней, на ходу вскочили в седла и рванули через ворота к дороге. Впереди, бросив поперек седла завернутого в ковер мурзу, скакал Тимофей, крепко зажав в кулаке девичий платок.

На двор кучей высыпали полуодетые вооруженные татары. Вслед похитителям бухнул запоздалый выстрел, раздались яростные проклятия. Но было поздно. Как черный смерч, пронеслись всадники и исчезли за оградой. Только раскачивались, тонко поскрипывая, створки распахнутых ворот да серебристым облачком повисла над освещенной луной дорогой поднятая копытами пыль.

В бархатном темном небе над острыми кронами кипарисов и пирамидальных тополей равнодушно сияли низкие крупные звезды. Легкий ветерок прошумел в густой листве сада и улетел прочь, наверно, решил догнать лихих наездников, чтобы вместе с ними долететь до синего моря и надуть парус их струга, помогая плыть к родным берегам...

Вдруг вновь раздался цокот копыт. В распахнутые ворота въехали несколько верховых. Первый всадник привстал на стременах и громко спросил:

– Что тут происходит? Почему шум? Вы что, оглохли, правоверные? Отвечайте! Я начальник ханской стражи Азис-мурза!..

Глава 4

Сотник Ахмет приехал поздно вечером, когда Азис-мурза уже собирался отойти ко сну после вечерней молитвы. Слуга робко постучал в дверь покоев господина и доложил о прибытии сотника. Мурза недовольно поморщился: вечно этот Ахмет выберет самое неподходящее время. Наверняка опять заявился с какой-нибудь ерундой, лишь бы только показать свое рвение и услужливость: вот, мол, я какой, не знаю ни сна, ни отдыха.

Азис накинул халат и вышел в комнату для гостей, шаркая по коврам домашними туфлями без задников, надетыми на босу ногу. Ахмет был уже там. Он низко поклонился мурзе и начал извиняться, что обеспокоил высокородного в неурочное время, но Азис прервал его:

– Говори короче. В чем дело?

Глаза сотника победно блеснули:

– Я нашел их, высокородный!

Мурза зевнул и недоверчиво посмотрел на подчиненного: опять только зря отнимет время дурацкими рассказами и пустыми домыслами. К сожалению, это уже не в первый раз.

– Да, да, – подойдя ближе, заверил Ахмет. – Но я счел своим долгом поставить в известность об этом тебя, высокородный, чтобы ты мог сам схватить врагов.

«Неужели он действительно нашел, где спрятались разведчики Паршина? – подумал Азис. – Если так, то понятно, почему он здесь. Испугался! Нет, не чужих клинков и свиста пуль, а гнева хана Гирея. Хочет, чтобы я взял на себя ответственность, особенно в случае неудачи. А подает все так, будто всей душой ратует о моем благе и желает подарить мне всю славу победителя. Лукавый раб!»

– Ты уверен? – спросил мурза. – Уверен, что нашел? Смотри, я не люблю, когда меня попусту тревожат.

– Нет, все точно, – понизил голос сотник. – Верный человек рассказал мне, что несколько ночей назад по дороге, недалеко от имения Иляс-мурзы, промчался конный отряд. Всадники остановились у дома греческого купца Спиридона, спешили, а лошадей кто-то погнал дальше.

Азис опустил на подушки и начал массировать пятку левой ноги: ноет – наверно, к непогоде. А насчет всадников, о которых толкует Ахмет...

– Ну и что? – поторопил он сотника. – Мало ли кто ездит по ночам? Почему ты думаешь плохое об уважаемом купце? Я сам часто предпочитаю отправляться в дорогу, когда спадет жара.

– Высокородный не понял меня. Остановившись у дома купца, всадники спешили, а дальше лошади поскакали без седоков, – терпеливо повторил Ахмет. – Мой человек сам видел это. Мало того, приказчик купца по имени Ивко за день до этой ночи пригнал с пастбища лошадей, оседлал их и куда-то угнал следующей ночью. Потом появились неизвестные всадники, а коней опять угнали на пастбище.

– Вот как? – Сонливость как рукой сняло, и мурза сразу оживился. Он безошибочно почуял, что в рассказе подчиненного таилась некая загадка. – Куда подевались люди?

– Никто не знает, – вздохнул сотник. – Думаю, их спрятали в доме купца. Но это еще не все!

– Да? Говори!

– Верный мне человек начал наблюдать за купцом и его приказчиками. И увидел, что ночью Ивко выводил из сарая каких-то людей, а под утро они возвращались. Вскоре сам Спиридон куда-то отправился по торговым делам, но Ивко остался. Сегодня он опять пригнал лошадей и спрятал их в лесу.

– Сын оспы! – Мурза вскочил. Похоже, Ахмет действительно не зря приехал в столь поздний час.

– Вчера приказчик гонял по дороге арбу, нагруженную сеном, – продолжал Ахмет. – Арба почему-то выехала из сарая, где хранятся товары, и несколько раз пропылила мимо имения Алтын-карги, а вернувшись, Ивко опять загнал ее в сарай. Скорее всего они там!

– Где? – не понял Азис.

– В сарае! Мой человек много лет страдает бессонницей, поэтому, заметив необычное, он не спускал глаз с дома купца ни днем, ни ночью.

Мурза заметался по комнате, расшвыривая ногами валявшиеся на ковре подушки. Спиридон! Хитрый лстивый грек! Седой, благообразный, всегда исправно платящий налоги и не жалеющий денег для нищих. Кто бы мог о нем такое подумать? Старая лиса!

Но Спиридон очень богат и пользуется заслуженным почетом среди торговцев. У него есть корабли, хорошие товары, большой дом, крепкие связи среди знати и мусульманских negociантов, которым он в свое время оказал немало услуг. Грек никогда не был замечен ни в чем предосудительном, хотя живет в Крыму уже много лет. Можно ли ворваться в дом такого человека, основываясь только на том, что рассказывает Ахмет? А если там нет урус-шайтанов? А если все только померещилось страдающему бессонницей соглядатаю сотника? Тогда грек обязательно пожалуется хану, и отвечать придется мурзе, а не Ахмету. Воистину, лукавый раб! Но вдруг лазутчики проклятого Паршина действительно прячутся в сарае купца? Как тогда?

– Грязные шакалы! – зло процедил Азис, не зная, на что решиться.

Да, преподнес подарочек драгоценный Ахмет, ничего не скажешь! Зря он по наивности считал его ишаком: тупым, упрямым, но работающим. Теперь тупоголовый сотник может донести на мурзу, если случится какая-нибудь неприятность. Как же: он вовремя доложил обо всем начальнику ханской стражи, а тот ничего не предпринял. Вот и все!

– Где сейчас Ивко? – Азис уперся в лицо Ахмета испытующим взглядом. Вдруг все услышанное им только складная басня?

– Я торопился к тебе, высокородный... – поклонился сотник.

– Не знаешь, – сделал вывод мурза. – Когда уехал Спиридон?

– Вчера. Приказчики погрузили на повозку огромный сундук...

– Э-э, – начальник стражи досадливо дернул плечом, – у каждого купца хватает сундуков с добром. Сколько с тобой всадников? Или ты прискакал один?

– Со мной три десятка сабель.

Азис почесал за ухом, раздумывая, стоит ли рискнуть. Конечно, трех десятков всадников мало, чтобы обшарить лес, но вполне хватит, чтобы внезапно обыскать дом купца. Пожалуй, можно попробовать!..

Час спустя он подъехал во главе отряда стражников к дому грека. Ахмет забарабанил в ворота рукоятью сабли:

– Открывайте! Именем нашего повелителя!

Но Азис не желал ждать, пока сонные обитатели дома протрут глаза. Повинуясь его знаку, несколько стражников перелезли через ограду и распахнули створки ворот. Конные влетели во двор. Быстро спешившись, часть из них кинулась в дом, другие побежали к сараю и начали разбрасывать сложенные тюки с товарами, откидывать мешки, переворачивать бочки. Пламя факелов заметалось по стенам.

Приказчиков и слуг грека, даже не дав им одеться, согнали в угол двора и оставили под охраной вооруженных копьями стражников. Мурза сам обошел весь дом и, ничего не найдя, направился к сараю, зло покусывая кончик длинного уса. Проклятье! Если и там пусто, нужно думать, как оправдываться, когда купец подаст жалобу. Ну, Ахмет!

А сотник уже был тут как тут. Наклонившись к уху мурзы, он шепнул:

– Ивко нигде нет.

Не ответив, Азис вошел в сарай. У дальней стены сгрудилось несколько стражников, что-то рассматривая при свете факелов.

– Что там? – вытянул шею мурза.

Стражники расступились и показали ему плотно закрытый люк, ведущий в подпол. Открыть его они не решались.

Ахмет выхватил у одного из стражников копьё, поддел им кольцо люка и откинул крышку. Все отпрянули, ожидая, что из темного провала грохнут выстрелы или выскочат люди с обнаженными саблями в руках, но ничего не произошло.

– Вниз! – приказал сотник.

Стражники неохотно полезли в подвал. При малейшем шорохе они были готовы спустить курки пистолетов, однако подвал был пуст. Азис сам осмотрел его: лавки у стен, истоптанная солома на полу, старые бочки, давно потухший фонарь, какая-то плешка с вонючей грязью на дне и... никаких следов пребывания людей. Разве что тяжелый спертый воздух?

Наклонив факел, Ахмет начал разглядывать пол и вскоре подал мурзе небольшой камушек. Брезгливо взяв его двумя пальцами, начальник стражи поднес находку ближе к глазам. Ба, да это же кусочек кремня от пистолетного замка!

– Они были здесь! – торжествуя улыбнулся сотник.

– Купцы тоже часто носят оружие, – осадил его Азис. – Ты убеждал меня, что урусшайтаны прячутся здесь. Где они?

Время ножами сабли, по ступеням лестницы в подвал скатился один из оставшихся наверху стражников.

– Высокородный! Неподалеку стреляли!

– Там имение Иляс-мурзы, – вскинул голову Ахмет. – Стреляли за рощей, позади дома?

– Да, – неуверенно подтвердил стражник. – Расстояние большое, слышно плохо.

– Это они. – Сотник поклонился мурзе. – Прикажи отправиться туда и проверить, что случилось.

Азис молча отстранил его и направился к выходу из подвала. Ахмет забежал сбоку и заглянул в искаженное злобой лицо мурзы.

– Арба не зря ездил по дороге около имения! Нам нужно торопиться.

Начальник стражи не ответил. Выбравшись из подвала, он приказал отправить в тюрьму всех, кто находился в доме купца, и вскочил на коня. Сотник почтительно держал ему стремя.

– Мы поедem к Алтын-карге, – наклонившись к Ахмету, зловеще прошипел мурза. – Но если ты ошибся и в этот раз, я сошью себе сапоги из твоей кожи.

Он первым помчался в ночь не разбирая дороги. Следом бросились остальные стражники во главе с перепуганным сотником: Ахмет знал, что мурза не любил бросать слов на ветер.

Ворота усадьбы Иляса оказались распахнуты настежь. Въехав в них, начальник стражи увидел столпившихся во дворе людей, настороженно примолкших при появлении всадников. Приподнявшись на стремях, мурза зычно крикнул:

– Что тут происходит? Почему шум? Вы что, оглохли, правоверные? Отвечайте! Я начальник ханской стражи Азис-мурза!

* * *

Когда выскочили из ворот имения мурзы, Тимофей пересчитал всадников: вместе с ним одиннадцать. Значит, ушли все и дело обошлось без потерь. Теперь скорее к морю! Поднимая пыль, отряд полетел к побережью. Коней не щадили – сейчас все зависело от их резвости.

Вскоре позади остались широко раскинувшиеся по сторонам дороги сады и показался перевал. Лежавший поперек седла, замотанный в ковер пленник беспокойно зашевелился и глухо замычал. Наверное, пришел в себя и пытался понять, что случилось. Почему после

страшного грохота и звона в голове он вдруг очутился в душной темноте и не может шевельнуть ни рукой, ни ногой?

Тимофей поправил сползавший с седла тюк с похищенным и хлестнул лошадь плетью, понукая ее бодрее идти на подъеме к перевалу. Ничего, потерпит мурзу, надо же когда-нибудь и ему на своей шкуре попробовать, каково приходится полоняникам. Хотя ордынцы обычно ведут полон с веревками на шее, а не везут на конях. И этого татарина не будут ждать в конце пути площадь невольничьего рынка и жадные перекупщики-работорговцы.

Как жаль, что украли мурзу, а не девушку. Тогда и скакун ни к чему: просто схватил бы ее на руки, прижал к груди и нес до самого моря, не чувствуя усталости. Редкая красавица! Дивный стан, тонкие черты лица, огромные глаза, маленькая ножка в расшитом шелками мягком татарском сапожке – все это так и стояло перед глазами казака.

Вот он, ее платок. Тимофей приложил его к щеке и ощутил едва уловимый незнакомый теплый аромат. Сердце снова защемило неясным томительным предчувствием. Как бывало в далеком, уже казавшемся подернутым смутной пеленой времени детстве, когда мать, жарко натопив печь, купала его в большом деревянном корыте, ласково проводя руками по телу и шепча наговоры, отгонявшие хвори-лихоманки. Тимоша тогда замирал и закрывал глаза, полностью отдаваясь во власть маминых рук, нежно гладивших его голову, худую спинку с выступающими лопатками, угловатые, костлявые плечики. Потом мама заворачивала ненаглядного сыночка в чистую мягкую холстину и брала на руки. Пахло от маминой груди и волос таким же томительным теплом, и маленькое сердце сжималось в неясном тревожном предчувствии, но быстро успокаивалось, ощущая рядом биение сердца матери, готового закрыть его собой от всех невзгод в мире.

А не закрыло: не дали маме вырастить сыночка, не дали увидеть, каким он стал. Может, как раз этот мурзу и привел тогда к их городку татарскую конницу, чтобы вырвать малыша из ласковых рук, обречь его на неволю и горькое сиротство. Значит, не зря тогда томила душу тревога?..

На перевале Головин перекинул пленника на седло к Брязге, давая отдых своему коню. Пропустил мимо себя торопившихся спуститься в долину казаков, на мгновение задержался, поглядел назад. И похолодел: вдалеке быстро катилось по дороге густое облако пыли, в лунном свете казавшееся похожим на мягкий серый шарик или стусившийся клочок тумана. Приближаясь, оно вырастало в размерах, и вскоре стало видно, как взблескивают в нем холодные искры – это шла аллюром плотная конная масса, поблескивая остриями пик и металлическими частями доспехов. Боясь ошибиться, Тимофей соскочил с коня и припал ухом к каменистой земле. И сразу словно ударил от нее глухой гул топота копыт, как будто дрожало и стонало в глубине неведомое, огромное чудовище.

Едва успев вставить ногу в стремя, казак ожег коня плетью и на скаку уместился в седле. Гнать, что есть мочи гнать! Сейчас не время задумываться, почему так быстро сумели взять их след, надо гнать и гнать лошадей! Поравнявшись с Ивко и Брязгой, он, захлебываясь встречным ветром, прокричал:

– Погоня!

Победителем в этой бешеной скачке выйдет тот, у кого лучше кони. Путать врага уже некогда и просто негде: дорога идет напрямиком к берегу моря, и только у скал, где серб прятал лошадей, есть укромное местечко, пригодное для засады. Уже не свернуть, не запетлять, только гнать и гнать!

Опустили поводья и дали волю скакунам, которые закусили удила, стремясь перегнать друг друга. Брязга одной рукой придерживал подпрыгивавший на седле тюк, а другой достал кинжал и знаками показал, что в случае чего он зарежет мурзу. Ивко, казавшийся смертельно бледным рядом с вымазанными сажей казаками, вымученно улыбался и даже что-то крикнул, но ветер унес слова, заглушённые топотом копыт.

Ну, где же скалы? Надо выиграть состязание в скорости. Главный приз – собственная голова! И еще драгоценный пленник, которого ждут в Азове, а может быть, даже в Моекве. Стоило ли положить столько трудов, чтобы его выкрасть, а потом зарезать, убегая от погони? Нет, его необходимо во что бы то ни стало увезти. Пусть татары беснуются на берегу, видя уходящий в море струг!

Оглянувшись, Головин прикусил от досады губу: погоня неумолимо приближалась. Крымчаки уже прошли перевал и скатывались в долину, по-прежнему держась плотной массой и подгоняя коней гортанными криками. Сколько их? Трудно точно сосчитать в неверном свете луны, но никак не меньше трех-четырех десятков. Многовато! Знать, важную птицу похитили казаки, что столько ордынцев бросилось вдогон, надеясь отбить пленника. Если успеют настичь, неминуема рубка. И вряд ли русским удастся выйти из схватки победителями. Погоня наверняка развернется, охватывая кольцом и отрезая от моря, а потом навалится со всех сторон: привычки степняков хорошо известны, они редко меняют тактику боя, предпочитая использовать давно отработанные приемы, всегда приносившие им успех. Одна надежда – попробовать еще поднатужиться, оторваться, насколько возможно, и не мешкая спешиться у камней. Ивко погонит лошадей дальше, а казаки, унося завернутого в ковер мурзу, спустятся по крутой тропинке к морю, где должен ждать струг.

В темноте татары могут не разобраться, что кони умчались без седоков, и припустят за ними. Серб знает в округе каждую тропку, он найдет способ улизнуть: на скаку прыгнет в овраг или спрячется в лесу до наступления утра. Налегке лошади побегут быстрее, и погоне придется потратить достаточно времени, пока удастся их настичь. Даже когда коней поймают, нельзя определить, кому они принадлежат, – у них нет тавра. Седла и уздечки татарские, поэтому грехи мыслями на кого вздумается. А пасущиеся в предгорьях табуны никто не пересчитывал.

Подскакав к Ивко, Тимофей прокричал ему в ухо:

– У моря гони дальше! Потом сам уйдешь!

Серб понимающе кивнул и махнул рукой направо, показывая, куда он направит коней.

– Факел! – крикнул Ивко. – Сверху вниз! Три раза!

Это был условный сигнал для струга, чтобы, не опасаясь засады, с моря подошли к берегу и забрали смельчаков. Головин принял у серба длинную палку с намотанной на нее просмоленной паклей и хлопнул Ивко по плечу: прощай, друг! Удачи тебе! Обняться при расставании уже нет времени, и придется ли когда увидеться, знает только Бог.

Вот и камни, за которыми ложбина, а дальше начинается тропинка к маленькой бухте. Остановиться бы, поглядеть, не пляшет ли на волнах черная точка маленького суденышка, поджидая в море условного сигнала, да некогда.

Тимофей спрыгнул с седла и кинулся к Брызге. Помог ему снять мурзу с коня. Пленник пытался брыкаться и глухо мычал. Выгибаясь всем телом, он хотел ослабить путы, но Афоня вязал крепко.

– Давай его вниз, – распорядился Головин.

Успевшие спешиться два казака подхватили тюк с похищенным и шустро побежали через ложину к тропе. Еще мгновение – и они скрылись из виду, начав спускаться к воде.

– Ги-и-и! – протяжно крикнул Брызга и хлестнул лошадей.

Мелькнуло в темноте бледное лицо серба, и тут же все смешалось: кони рванули, брэнча пустыми стременами, вздрогнула от топота копыт земля, и наступила тишина.

– Бери факел. – Тимофей сунул Афоне палку с паклей. – Три раза махнешь вниз. Если что, будешь за старшего.

– А ты?

– Оставь со мной двоих. Надо прикрыть: вдруг татарва сунется. Да не тяни ты, пора сигналить! Ружья нам дайте.

– Прости! – Брязга облапил Головина и, не оглядываясь, кинулся к тропинке. За ним поспешили другие.

Оставшиеся молча залегли среди камней, тревожно вглядываясь в приближающуюся темную массу всадников. Удастся направить погоню по ложному следу или нет?

Неожиданно преследовавшие казаков верховые разделились: было ясно видно, как потекла в сторону часть татар, путившись за ускакавшим с лошадьми Ивко, а другие, не сдерживая бега коней, летели прямо на маленькую засаду.

– Залпом. – Тимофей взвел курок ружья. – Как скажу: «Пали!» И сразу вторым.

– А если не остановятся? – шепотом спросили из темноты.

– Тогда из пистолетов. Велю отходить – не тяните.

Головин положил ствол на плоский шершавый камень и стал ждать, когда силуэты приближающихся всадников будут ясно видны, чтобы бить наверняка. Страха он не ощущал, только вдруг вспомнился атаман сторожевой станицы Иван Рваный, одной рукой пытавшийся разжечь сигнальный костер на вершине кургана.

Кажется, как давно это все было. Словно даже не в его. Тимофея, а в чьей-то чужой жизни, в которую он волшебным образом проник и успел вернуться. Вернется ли сейчас? Предстоящая схватка будет жестокой и скоротечной: смешно рассчитывать, что горстка казаков надолго задержит несколько десятков хорошо вооруженных ордынцев, распаленных погоней и жаждой мести. Но нельзя отступать, пока не подойдет струг и не примет на борт ожидающих на берегу.

Увидев буквально в десятке шагов оскаленную лошадиную морду, Головин крикнул:

– Пали! – и спустил курок ружья.

Грохнул залп. И тут же ударил второй.

При вспышках выстрелов Тимофей увидел, как кувырнулись кони и через их головы полетели наземь передовые всадники. Дикий рев поднялся среди погони: задние не успели остановиться и, топча упавших, торопливо отворачивали в сторону, опасаясь нового залпа. Вопили раненые, ржали лошади, ударили в ответ беспорядочные выстрелы.

Татары остановились, но не ушли. Убравшись на безопасное расстояние, они спешили и, низко пригибаясь, двинулись в атаку, полукольцом охватывая камни, за которыми засели казаки. Пробежав несколько шагов, часть атакующих легла на землю и открыла огонь из ружей, чтобы не дать засаде и носа высунуть из-за камней. Судя по всему, похитителей мурзы преследовали не его слуги, а опытные воины.

– Тимоха-а-а! – долетел с берега крик Брязги.

Неужели пришел струг? Тимофей приподнялся и неожиданно получил страшный удар в лоб. В глазах потемнело, голова загудела, будто по ней ахнули кузнечным молотом, в затылке отдалось ломящей болью.

«Убили?» – мелькнула паническая мысль. Да нет, он же чувствует боль, ощущает, как глаза заливают горячей липкой кровью. Значит, жив!

Он скинул шапку и быстро ошупал голову, стараясь не поддаваться подступившей тошноте и не обращать внимания на кровь. Слава Богу, кость цела. Видимо, пуля ударила рикошетом от камня и пропахала по черепу, сорвав приличный лоскут кожи. Не смертельно, но больно и шибко кровотоцит. Отрывать полосу ткани от подола рубахи некогда. Тимофей вынул из-за пазухи вышитый платок и перевязал им голову.

– Тимоха-а-а! – снова закричали внизу.

– Уходите, – приказал Головин подползшему казаку. – Ты чего, один?

– Ага. – Тот шмыгнул носом. – Митяя убило. А я вот сопатку расквасил прикладом. И тебя задело?

– Уходи. Пистолеты Митькины оставь, если заряжены. И отчаливайте.

– Ага, оставлю. – Казак явно не был расположен торопиться. – А ты как?

– Бери Митьку на плечи и уходи, – прикрикнул на него Тимофей. – Брызга старший. Увозите мурзу! Геть отсюда!

Сунув ему под руку пистолеты, казак подхватил тело убитого и пополз с ним через лощинку к тропе. Вскоре послышался шорох осыпающихся камней, и все стихло.

Головин взял пистолеты, поймал на мушку подобравшегося ближе всех татарина и выстрелил. Кажется, попал. Пальнул с левой руки и, бросив разряженное оружие, выхватил из-за пояса свои длинноствольные пистолеты хорошей турецкой работы.

С берега больше не кричали. Татары вновь начали сжимать кольцо. Наверное, если бы они знали, что их задерживает всего один казак, то действовали смелее и давно прорвались к морю. Но в темноте ордынцы осторожничали.

Зажав один пистолет под мышкой, Тимофей свободной рукой рванул шов у ворота рубахи и достал знак тайного братства: теперь вряд ли он его кому покажет и назовет заветные слова. Не выпустят его живым отсюда, как пить дать не выпустят. Втоптать маленький золотой цветок в землю? Не втопчешь, тут кругом камень. Забросить? А вдруг потом найдут? И неизвестно, где и как выплывет эта вещица, в чьих руках окажется. Ничего не придумав, он сунул знак под язык и решил проглотить вместе с последним вздохом – пусть уйдет вместе с хозяином, а не гуляет без него по белу свету. Где упокоятся его кости, там до скончания века и будет лежать знак тайного братства.

Подбежавших к камням врагов он встретил выстрелами в упор и выхватил из ножен саблю. Ну, басурманы, сколько вас возьму напоследок? Одному угодил в лицо рукоятью пистолета, а второго достал клинком. И пошла кровавая потеха! Удержать татар от прорыва к тропе он уже не мог, поэтому вертелся волчком, стараясь хотя бы помешать им спуститься к морю. Надо дать браткам лишнюю минуту, чтобы успели они уйти подальше от берега.

Яростно крича, он, как безумный, бросался на сабли и заставлял врагов отступать. Наносил страшные, быстрые, неотразимые удары. Приседал, отпрыгивал, попевал отогнать норовивших зайти со спины. Через несколько мгновений вокруг него образовалось свободное пространство: татары боялись приближаться к ужасному черному человеку с окровавленной тряпкой на голове.

– Шайтан! – крикнул кто-то из них.

Тимофея попробовали достать копьем, но он молниеносно отрубил его наконечник, оставив в руках незадачливого стражника кусок древка. И тут же прыгнул вперед, грозя саблей. Враги попятнулись.

– Не стрелять! – повелительно крикнули из темноты.

В напряженной тишине было слышно, как позвякивает уздечка коня и сердито шелкает плеть.

– Не стрелять! – повторил всадник, и стражники нехотя опустили ружья. – Живым взять! Огня!

Тимофей заметался в кругу копий, щитов, выставленных навстречу ему клинков и жадно ловивших каждое движение казака узких глаз. На него пока больше не нападали, но и не давали вырваться из круга, тревожа сзади и заставляя постоянно кидаться из стороны в сторону.

Зажгли несколько факелов. Вернулись успевшие спуститься к морю стражники и сообщили, что не нашли там никаких следов. Услышав это, Головин презрительно засмеялся и полоснул концом сабли не в меру ретивого татарина, вздумавшего ударить его краем щита. Тот с воплем зажал разрубленное плечо и, шатаясь, ушел в темноту.

– Не дайте ему умереть! – гремел из темноты все тот же повелительный голос. – Взять живым!

Неведомым чувством Тимофей уловил новую опасность и успел упасть на колени – над плечом чиркнула стрела. На границе света и мрака взобрались на валуны татарские лучники и начали метать в него стрелу за стрелой с тупыми наконечниками, целясь в голову, грудь

и правое плечо, чтобы заставить выронить оружие. Несколько стрел он отбил саблей, от других ловко увернулся, но сзади тоже появились лучники, а стражники, подбадриваемые бранью начальника, принялись тыкать в казака древками копий, размахивая ими, как палками. Головин понял, что это начало конца: он долго не сможет одновременно успевать уворачиваться от стрел, отбивать удары и держать на расстоянии нападающих. Даже у хорошо натренированного, опытного бойца есть предел возможного. Слишком много врагов против него одного, и он ранен. Оставалось попробовать прорваться или умереть! Главное уже сделано – струг ушел в море, увозя похищенного мурзу.

Вращая перед собой клинок, Тимофей ринулся на выставленные навстречу ему острия копий, но тут тупая стрела ударила его сзади в голову, а спереди достала другая, угодив в правое плечо. Почти ослепший от боли, он все же успел сделать еще шаг, прежде чем упал, сбитый с ног подкравшимся стражником.

Сразу же навалились другие: били каблуками по пальцам, сжимавшим рукоять сабли, выламывали за спину руки, пинали ногами, стараясь злобно отомстить за пережитый ужас. Еще бы, только что каждый из них с содроганием ждал молниеносного разящего удара его клинка, а теперь, когда противник повержен, им казалось, что, добивая его, они уничтожают свой страх...

* * *

Освободившись от седоков, выносливые кони помчались еще быстрее. Ивко, как опытный табунщик, гнал их к проселочной дороге, уходившей от берега моря к предгорьям. Скорее это была даже не дорога, а широкая каменистая тропа, начинавшаяся за студеным, сбегавшим с гор ручьем и проходившая через густой лес.

Он не знал, что татары разделились и за ним бросилась в погоню только часть преследователей, поэтому решил не торопиться, а подольше водить их за нос. Но и затягивать смертельно опасную игру не имело смысла: настигнут – не помилуют! Выстрел в упор или удар острой сабли покажутся счастливым избавлением от тех мук, которые ожидают в случае плена: ордынцы изобретательны на жестокие, нечеловеческие пытки и не остановятся ни перед чем, чтобы до конца проникнуть в тайну серба и его хозяина. Открытого боя Ивко тоже не выдержать: у него только два пистолета и широкий длинный кинжал. Впрочем, он больше надеялся не на оружие, а на собственную хитрость и удачливость. Главное – дотянуть до леса! И он тянул из всех сил, гортанными криками подгоняя распаленных скачкой лошадей.

Погоня не отставала. Ордынцы упрямо стремились настичь похитителей мурзы. Утешало одно: здесь татары не могли кинуться наперерез – мешали камни. Зная местность, они не станут рисковать, боясь в темноте покалечить ноги коней. Однако враги мчались что есть мочи и пусть медленно, но приближались. Если так пойдет и дальше, то скоро они уже начнут дышать в спину Ивко.

Серб пожалел, что у него нет «чеснока». Как бы сейчас пригодилось это древнее, простое, но безотказное средство, способное надолго задержать любую конницу. Умелые кузнецы издревле выковывали толстые острые шипы примерно в половину пальца длиной и соединяли их по четыре таким образом, что, как ни брось маленького железного ежа на дорогу, всегда один шип торчал острием вверх, а три других служили упором. Впиваясь в копыта, раздирая шкуру и ломая кости на ногах лошадей, «чеснок» всегда был надежным помощником уходящих от погони. Естественно, возить его приходилось в мешке из сыромятной кожи, а на руку, которой бросали на дорогу «чеснок», надевать толстую рукавицу. Да и вес у «чеснока» немалый – ведь нужно несколько десятков стальных «ежей». Но только попробуй заказать их кузнецу-татарину! Он тут же донесет стражникам, что неверный, по милости хана живущий на

благословенной земле орды, просит изготовить страшное оружие против конницы. Нет, такой риск не оправдан. И что теперь жалеть о том, чего не имеешь?

Ивко никогда не жалел о том, чего нет, или о том, что уже сделано. Минувшего не воротишь! В юности он участвовал в восстании против турецкого владычества и после его поражения покинул родные края, спасаясь от палачей. Ветер странствий долго носил его по свету, пока серб не познакомился с купцом Спиридоном и, после долгих проверок, не был посвящен в тайну дела освобождения славян. Не колеблясь Ивко начал активно помогать греку и поехал вместе с ним в Крым. Он прекрасно понимал, что ежедневно рискует головой и рано или поздно попадет в застенки Азис-мурзы, но старался быть хитрым и изворотливым, чтобы этого не случилось.

Какой прок сидеть сложа руки? Турки и татары только и жаждут, чтобы ты покорился, чтобы тобой овладело тупое безразличие и душа стремилась к одному – лишь бы сохранить свой тесный мирок в неприкосновенности. Тогда иго будет вечным: угаснет у покоренных народов боевой дух и никто не захочет жертвовать собой ради освобождения. А уж отдавать жизнь ради свободы других и подавно...

Оглянувшись, серб увидел, что погоня уже приблизилась на расстояние полета стрелы. Почему же не натягивают луки? Боятся в темноте поразить похищенного мурзу? Или надеются взять отчаянных смельчаков живыми, загнав их в ловушку среди скал?

Дорога стала забирать в гору, скоро кони долетят до ручья, а за ним начнется заветный лес. Отсюда до дома Спиридона путь не близкий, и, может быть, придется бежать, чтобы успеть до рассвета. Но это Ивко не пугало: не отличавшийся богатырским сложением, серб на самом деле был очень вынослив, ловок и обладал завидным умением не поддаваться унынию.

Шумно разбрызгивая ледяную воду быстрого пенистого ручья, лошади выскочили на противоположный берег, к долгожданному спасительному лесу. Ивко выхватил из-за пояса пистолет и, не целясь, выстрелил в сторону приближавшейся погони. Он не надеялся, что пуля достанет хоть кого-то из врагов или свалит чужого коня. Просто ему хотелось немного отпугнуть татар и одновременно разжечь в них злость, заставить сломя голову кинуться следом. Улюлюкая и по-волчьи подвывая, серб погнал свой небольшой табун по тропе, убегавшей все дальше в чащу. Татары не обратили на его выстрел никакого внимания: они перешли через ручей и, от излишней торопливости мешая друг другу, втянулись на тропу, с обеих сторон зажатую вплотную подступавшими деревьями.

Ивко решил больше не медлить: ударами плети заставил лошадей рвануть вперед, а сам на полном скаку спрыгнул с седла и метнулся в темноту леса. Опасаясь выдать себя треском сучьев под ногами, лег на землю и быстро пополз, обдирая руки о колючую траву и мелкие камни. Он решил убраться подальше от тропы, чтобы переждать, пока погоня пролетит мимо. Наткнувшись на высокое толстое дерево, серб вскочил, обхватил ствол и начал карабкаться вверх, цепляясь ногтями за трещины коры и упираясь носками сапог в наросты. Вскоре попала первая крепкая ветка, и он ухватился за нее руками. Дело пошло значительно легче. Через несколько минут Ивко уже сидел верхом на толстом суку, спрятавшись среди густой листвы.

Едва затих топот копыт отпущенных им на произвол судьбы лошадей, как тут же по тропе пронеслась погоня. Волной прокатились лязг оружия, сердитые выкрики, шелканье плетей и бряцание сбруи. Выглянувшая луна осветила пеструю толпу татар, мчавшихся через лес. Еще несколько минут, и все стихло.

Немного выждав – вдруг появится отставший всадник или погоня завернет обратно, – Ивко слез с дерева и начал пробираться через чащобу, намереваясь выйти к проселочной дороге с другой стороны леса. Оттуда уже рукой подать до усадьбы Спиридона: нужно успеть вернуться, пока не рассветет, тенью проскользнуть в калитку задних ворот, шмыгнуть мышью через двор и подняться к себе. Вычистить одежду, вымыть грязные сапоги и хоть ненадолго

лечь вздремнуть. А утром как ни в чем не бывало заняться обычными делами. И пусть потом кто-нибудь попробует сказать, что его в эту тревожную ночь не было дома.

Как, украли мурзу Ильяса? Какое страшное несчастье! Алтын-карга так мудр и справедлив, все соседи молились за его здоровье и благоденствие. Какие нечестивцы осмелились посягнуть на уважаемого и заслуженного человека?..

Серб хитро усмехнулся и хотел продолжить путь, но, услышав шум, остановился: татары возвращались! Похоже, они быстро настигли табун и теперь гонят его к ручью, крикливо переговариваясь и не скрывая досады: им были нужны ускользнувшие из западни люди, а не лошади!

Хорошо бы узнать, о чем говорят татары, но расстояние и топот копыт мешают разобрать слова. Впрочем, и так ясно: нужно торопиться. Казаки наверняка уже уплыли, пропавших лошадей не вернуть, погоня потеряла драгоценное время, но зато будет теперь рыскать по округе, отыскивая, куда подевались всадники. Сейчас ордынцы начнут окружать лес, чтобы не дать никому выбраться из него, и если замешкаешься, как раз угадаешь встретить татарские заставы на опушке. Пора исчезать, пока не захлопнулась мышеловка.

Ивко припустился бежать, не обращая внимания на треск сучьев под ногами и хлеставшие по лицу ветви. Только бы не сбиться с направления и не угодить в темноте в глубокую яму. Спотыкаясь о камни и вылезшие из земли корни, серб ломился через кусты, падал, вскакивал на ноги и снова бежал.

На опушке он остановился и прислушался, пытаясь уловить посторонний шум, выдающий близкое присутствие людей. Но, на его счастье, вокруг было тихо. Тогда Ивко осторожно раздвинул ветви и до рези в глазах всмотрелся в сумрак: не притаился ли кто неподалеку? Убедившись, что он здесь один, серб выскочил на проселок и побежал к садам. Там он наконец будет в безопасности...

Когда Ивко добрался до усадьбы Спиридона, небо на востоке уже отливало перламутром, возвещая о скором наступлении рассвета. Звезды заметно померкли и теперь казались уже не такими близкими, как в середине ночи. Луна давно спряталась, и временами приходилось пробираться чуть ли не на ощупь. Но дорога была хорошо знакомой, а дом совсем рядом, поэтому серб уверенно шагал, надеясь незамеченным проскользнуть в калитку задних ворот. Теперь Ивко повеселел: не хотелось заранее радоваться, но все же – тьфу-тьфу, чтоб не сглазить удачу – он опять сумел уйти целым и невредимым. Теперь, до возвращения хозяина, нужно вести себя тихо: принимать и отправлять товар, ездить на пристань, заниматься домашними делами и постараться как можно реже высовывать нос за ворота. А с первым же кораблем, уходящим в Турцию, передать Спиридону известие о случившемся за время его отсутствия.

Еще стоит поразмыслить, почему татары так быстро бросились в погоню? О готовящемся похищении знали всего несколько человек. Спиридон и Куприян вне подозрений. Прятавшиеся в подвале казаки не разговаривали ни с кем, кроме самого Ивко. Мало того, они почти все время оставались в подполе, а если и выходили, то вместе с сербом. И с ним же возвращались. За исключением поездки на арбе, русские покидали подвал лишь ночью. Даже съестные припасы были приготовлены заранее.

Конечно, все можно объяснить случайным стечением обстоятельств. Если ордынцы заранее знали о готовящемся похищении, они постарались бы его не допустить. Кто им мешал напасть на дом Спиридона и взять казаков в подвале или устроить засаду в имении Алтын-карги? И все же мысль о том, что люди Азис-мурзы не зря в последнее время шастали по округе, не давала покоя...

Вот и дом купца. Ивко прокрался вдоль стены, подошел к задним воротам и прислушался. До сих пор ему везло: никто не встретился на дороге – сейчас тем более не хотелось попасться кому-нибудь на глаза. Если он сам бродит по ночам, то почему не могут бродить другие? Но вокруг царил сонная тишина. Нигде ни огонька, пригород мирно почивал, погру-

женный в сладкий предутренний сон. Скоро блеснут первые лучи солнца, гнусавыми голосами завопят муэдзины, призывая правоверных на молитву, начнется новый день, полный трудов и забот.

Успокоившись, серб вытащил ключ от калитки и открыл ее. Шагнул через порог, успел краем глаза уловить сбоку какую-то неясную тень, хотел выхватить кинжал, но страшный удар обрушился ему на голову и в один миг погасил сознание, бросив в душную немую темноту...

– Пришел, собака! – Над бесчувственным Ивко склонился стражник, сжимая в руках обтянутую войлоком толстую палку.

– Жив? – С другой стороны подошел второй стражник, опустился на колени и приложил ухо к груди серба. – Кажется, дышит.

– Не копайся, – поторопил его первый, вытаскивая из-за пояса Ивко пистолеты и кинжал. – Вовремя я его, не успел выстрелить. Берись!

Он засунул за свой кушак оружие серба и подхватил его за ноги. Второй стражник взял Ивко за руки и помог взвалить на арбу.

– Я не зря вызвался караулить у задних ворот, – связывая пленника, похвалил себя первый стражник. – Теперь мы получим награду, а тем, кто караулил со стороны улицы, ничего не достанется...

* * *

Тимофей с трудом поднял тяжелые, словно налитые свинцом веки. Перед глазами расплывались неясные пятна, как будто мир застлала горькие слезы. Но вот одно из темных пятен зашевелилось, выросло, и в лицо неожиданно ударила струя холодной воды. Отфыркиваясь и мотая головой, казак слизнул с разбитых губ соленые капли: наверно, он в море, поэтому все плывет и качается? Что-то мешается во рту: жесткое, с острыми краями, царапающими язык? Выплюнуть? И почему нет сил пошевелиться, что с ним, отчего не удастся встать?

Он вновь осторожно приоткрыл глаза, моргнул, и неясные пятна понемногу начали приобретать очертания стоявших вокруг татар. Руки ощутили узлы стягивающей их веревки, а колеблющийся в голове туман стал рассеиваться, нехотя возвращая память.

– Принести еще? – спросил низкорослый ордынец с кожаным ведром в руках. – Море большое, не жалко. – Он хрипло рассмеялся, показав острые белые зубы, и выплеснул остатки воды на грудь Тимофея.

– Не надо, – остановил его богато одетый молодой татарин с длинными черными усами на бледном красивом лице. – Он очнулся. Огня!

Головин уперся связанными ногами в землю и попробовал приподняться. Тут же чьи-то руки подхватили его за плечи и помогли сесть, привалив спиной к большому камню. Тихо потрескивали зажженные по приказу черноусого факелы, далеко внизу, под обрывом, шумело невидимое в ночной темноте море, неустанно вылизывая берег соленым языком волн.

Тупо болела голова. Впивались в тело узлы веревок, противно ныло правое плечо, как будто в нем завелся червяк и прогрызал ходы в живой плоти, стремясь добраться до костей. Но Тимофей уже вспомнил все, что с ним случилось, и ужаснулся тому, что ждет впереди; лучше было бы сразу проглотить знак тайного братства, а потом перерезать себе горло саблей, чем попасть в плен.

Но пока он жив, может, еще не все потеряно? Или он напрасно тешит себя надеждами и его начнут пытать прямо здесь, на берегу? Если ордынцы уже знают, что мурза похищен, то им интересно знать, куда его увезли, зачем украли и кто украл. Наверняка, чтобы размотать клубок до конца, они захотят услышать имена тех, кто помог подготовить похищение. Ну нет, от него ничего не смогут добиться – когда умрет последняя надежда, умрет и Тимофей, унося тайну с собой. Есть множество способов оставить в руках врага только бездыханное тело, даже

когда у тебя связаны руки и ноги. Разве смогут ему помешать откусить собственный язык и захлебнуться кровью? Или разбить голову о камни? Господь простит ему этот грех.

Подошел плотный широколицый татарин с факелом. Осветил им пленника и прищелкнул языком:

– Ранен в голову.

– Ничего, – усмехнулся черноусый. – Если сумел сам перевязать себя, рана не смертельна.

Кто ты?

Он слегка ткнул казака носком мягкого сапога и склонил голову набок, ожидая ответа. Головин молчал.

– Не понимает, – сделал вывод широколицый. И заорал прямо в лицо пленнику: – Ты знаешь татарский? Отвечай, собака!

– Отойди, Ахмет, – приказал черноусый. – Криком тут ничего не добьешься. И даже плеть не поможет.

– Тогда помогут огонь и железо!

Ахмет быстро поднес факел к лицу Тимофея, но черноусый неожиданно и с такой силой оттолкнул его, что чуть не сбил с ног.

– Отойди! Он нужен мне зрячим! Или ты хочешь убить его, чтобы он ничего не успел сказать?

Побледневший Ахмет испуганно сжался и отступил в темноту, бормоча извинения за то, что вызвал гнев мурзы излишней старательностью.

– Я поторопился, высокородный, – заискивающе улыбаясь, кланялся он.

– Лучше бы ты торопился вчера вечером, – зло процедил черноусый и обернулся к пленнику: – Меня зовут Азис-мурза. Наверняка ты слышал мое имя.

Да, Головин слышал это имя от Паршина, предупреждавшего о хитрости начальника ханской стражи, и от Спиридона, давшего мурзе нелестную характеристику жестокого и коварного человека. Вот, значит, в чьи руки угораздило его попасть. Оказывается, Азис молод, а Тимофею он представлялся сморщенным, желчным седым стариком, но не полным сил красивым мужчиной с длинными черными усами и тщательно подбритой бородой.

Начальник ханской стражи собирался в погоню явно не впопыхах: на нем тонкая кольчуга и легкий шлем. На кольчугу наброшен дорогой халат, перетянутый в талии пестрой шалью. На боку кривая сабля в ножнах из красного сафьяна. Глаза у мурзы умные, внимательные, смотрят цепко, но холодно. Такого не задурить пустыми речами. Лучше молчать.

– Я уважаю храбрость, – продолжал Азис. – Ты отважный воин, но еще никто не сумел обмануть судьбу. Что предначертано, то и сбудется. Сегодня ты проиграл и скоро предстанешь перед своим Богом, чтобы держать ответ за все, что сделал на земле. Пока в твоей воле выбрать долгий или короткий путь на небеса. Потом это буду решать только я.

Головин молчал, глядя в темное небо. И почему отец Зосима не колдун? Научил бы его оборачиваться птицей или зверем. Шепнуть бы теперь заветные слова, стряхнуть путы и улететь чайкой вослед стругу, свободно паря над волнами. Да только, пожалуй, скоро одна душа свободно полетит куда захочет, а тело навсегда останется здесь.

Не дождавшись ответа, Азис присел на корточки рядом с пленником и зашептал ему почти в самое ухо:

– Ты же прекрасно понимаешь, что я говорю. Это видно по твоим глазам: не зря ты нарядился татаринком. Что толку в чужой одежде, если не знаешь языка? Никто не услышит наш разговор. Если ты связан клятвой молчания, можешь только кивать в ответ на мои вопросы, и на твоей душе не будет греха клятвopеступления. Потом наступит легкая смерть. Тебя послал сюда Паршин? Ты приплыл из Азова?

Пораженный Тимофей внутренне вздрогнул: слова мурзы обожгли хуже каленого железа. Откуда татарин так много знает? Неужели их предали и поэтому настигла погоня? Но кто пре-

датель и под какой личиной он скрывается? Вдруг он плывет сейчас на струге или сидит за одним столом с Федором Паршиным, который, не зная, с кем имеет дело, доверит ему свои мысли? Или их предал серб? А того хуже, если изменник плывет в Царьград!

Господи, дай силы! Как горько будет уйти из жизни, не передав своим того, что узнал!

– Молчишь. – Азис разочарованно вздохнул, поднялся и хлопнул в ладоши. – Ахмет! Пусть калят железо!

Кривоногий Ахмет словно с нетерпением ждал этого приказа. Немедленно выложили из камней грубое подобие походного очага и притащили несколько охапок хвороста. Развели огонь.

– Мы вобьем в землю колья и растянем его, как шкуру, – подойдя к мурзе, деловито сообщил сотник.

Азис равнодушно кивнул и опустил на седло, поданное услужливым стражником. Не обращая больше внимания на пленника, мурза смотрел, как пляшут языки пламени, в которое сунули наконечник копья убитого в схватке с казаками татарина.

Расчистив небольшой участок земли от камней, стражники вбили в него четыре кольшка и подтащили к ним связанного Тимофея. Уложили его лицом вверх, накинули на ноги веревочные петли, разрезали путы и одновременно натянули веревки. С треском лопнули шаровары, и Головин едва сдержал стон от боли, пронизавшей его бедра.

– Снимите сапоги, – суетился вокруг Ахмет. – Не догадались сами, ослы!

Сдвинув веревочные петли выше, с Тимофея стянули сапоги и закрепили петли на щиколотках босых ног. Весело оскалив зубы, сотник стукнул ножами сабли по голой пятке казака.

– Ну, урус-шайтан! Напялил на себя татарское платье, а обрезание сделать забыл? Ничего, сейчас мы это исправим.

– Копаются, – не оборачиваясь, процедил мурза.

Неожиданно раздался топот копыт и бряцание оружия – к месту недавней стычки приближался большой конный отряд.

– Кто там еще? – Азис недовольно вскинул голову.

– Я узнаю, высокородный, – поклонился Ахмет и убежал.

«Это начальник стражи распорядился не убивать меня», – услышав в голосе мурзы знакомые повелительные нотки, понял Головин. Появление неизвестного отряда не вызвало у него никаких чувств: здесь некому помочь пленнику, разве только случится чудо. Скорее всего это приехали татары, погнавшиеся за Ивко. Хорошо, если они его не поймали. Впрочем, ответа ждать недолго, сейчас все станет ясно. Второго пленника тоже непременно притащат к мурзе.

Стражники посадили Тимофея и начали прилаживать петли веревок на его запястьях. Затянув узлы, снова опрокинули казака на спину, но тут кто-то громко закричал:

– Где он? Где?

Стражники рывком натянули веревки и подняли пленника. Увидев стоявшего перед ним человека, Тимофей решил, что сходит с ума: это же Алтын-карга! Весь покрытый пылью, с потемневшим лицом, в низко надвинутой на глаза красной шапке, отороченной мехом степной лисицы. В правой руке он сжимал тяжелую плеть, а левую положил на рукоять сабли. Уж не призрак ли похищенного мурзы явился к Тимофею перед смертью? Святые угодники! Ведь он сам несколько часов назад врезал мурзе в ухо и закатал его в ковер, а потом скакал к морю, бросив Иляса поперек седла. Каргу унесли на струг, который должен сейчас плыть к Азову. Неужели его перехватил турецкий корабль и мурза поспел сюда, чтобы рассчитаться? Да нет, не может быть! Господи, что же творится?

– Где он?

Коротко свистнув, плеть мурзы обожгла ребра казака. Удар был настолько силен, что лопнула куртка, а на рубахе выступила кровь.

– Ты мне скажешь, где он?

Новый удар, опять ожог опоясывающей боли, но в третий раз ударить Илясу не дал начальник стражи – он перехватил руку Алтын-карги и крепко сжал ему запястье. Иляс-мурза гневно обернулся. Зеленым пламенем полыхнули на шапке глаза лисицы, прижавшей острыми зубами свой хвост.

– Здесь распоряжаюсь я, – не выпуская запястья Иляса, тихо сказал начальник ханской стражи.

Алтын-карга вырвал руку, отступил на шаг и быстро выхватил саблю. Булатный клинок блеснул багровым отсветом костра, словно по нему уже стекала горячая дымящаяся кровь.

– Этот человек принадлежит мне!

– Ошибаешься, – не обращая внимания на клинок в его руке, усмехнулся Азис-мурза. – Это мои люди взяли его в бою, поэтому он принадлежит мне.

– Забирайте его! – не оборачиваясь, приказал Иляс, и несколько его слуг бросились к связанному Тимофею. Но стражники выставили навстречу им копья и закрылись щитами. Слуги нерешительно остановились, не зная, что делать.

– Ты осмелишься противиться власти хана? – Начальник стражи в притворном испуге всплеснул руками. – Я здесь распоряжаюсь его именем и приказываю тебе подчиниться! Неужели ты поднимешь оружие на верного слугу нашего повелителя?

– Этот шайтан разбойничал в моем доме. – Алтын-карга приставил острие сабли к горлу Азис-мурзы и угрожающе понизил голос. – Я заберу его даже через твой труп. А утром сам пойду к хану! Прикажи своим псам убраться с дороги.

– Я понимаю твою горе. – Ни один мускул не дрогнул на лице начальника стражи. Спокойно отведя рукой острие сабли, он миролюбиво предложил: – Хочешь, спроси его первым, но не бей и не пытай, а потом начну спрашивать я. Все вокруг – наш общий дом, и он в нем тоже разбойничал. Согласен? И ведь надо еще доказать, что именно он был в твоём дворце!

– Докажу! – упрямо мотнул головой Алтын-карга. Обернувшись к пленнику, он показал саблей на платок, которым Тимофей перетянул рану: – Это вышивала моя рабыня. Русская рабыня, купленная для моего сына. В моем имении все знают об этом.

– Хорошо, – нехотя согласился Азис-мурза. – Отойдите все!

– Где мой сын? – Иляс уперся немигающим взглядом в лицо Головина. – Зачем вы украли его? Хотите взять выкуп?

Тимофей похолодел. Неужто все прахом? Столько трудов, и все зря: вместо Алтын-карги они утащили его сына.

– Где Рифат? – нетерпеливо повторил мурза. – Куда вы его увезли?

Головин молча отвел глаза. Горько узнать, что тебя предали, и не иметь возможности сообщить своим об измене, но еще горше, когда на пороге небытия выясняется, что ты погибашь напрасно. Сейчас в Азов плывет на струге не знаменитый Иляс-мурза, а его сын Рифат, которого украли по недоразумению, перепутав с отцом. Хороший подарок приготовил он Паршину. Что может знать мальчишка?

– Он не скажет, – усмехнулся начальник стражи. – Боюсь, даже огонь не развяжет ему язык.

– Кто он? – бросив в ножны клинок, обернулся к нему Алтын-карга. – Разбойник? Или беглый янычар?

– Урус-шайтан, – мрачно сообщил Азис-мурза. – Казак!

Иляс отшатнулся и снова схватился за рукоять сабли, но начальник стражи быстро загородил собой пленника.

– Именем хана! Стража!

Подбежавшие стражники выстроились за его спиной, прикрыли щитами пленника и выставили копья.

– Я не уйду, пока не узнаю, где Рифат или какой выкуп назначат за него. – Алтын-карга уселся на седло, с которого встал Азис-мурза. – Я должен вернуть сына!

– Пусть будет так, – пожал плечами Азис. – Я попробую узнать у него, где твой наследник. Вы догнали остальных?

– Нет, – нахмурился Иляс. – Нас обманули, и мы ринулись за лошадьми, которых погонял один человек. Но и тот сумел ускользнуть.

Тимофей вымученно улыбнулся: сербу удалось вырваться. Но не уловка ли это хитрого Азиса?

– Хозяин! Пустите меня!

Все повернули головы на крик: два рослых стражника держали за руки пожилого татарина в темной одежде, который рвался к Азис-мурзе. Тот дал знак подвести старика поближе и объяснил Илясу:

– Это мой слуга. Говори, в чем дело?

– Важные вести, хозяин, – поклонился старик и что-то шепнул на ухо начальнику стражи.

Выслушав его, Азис-мурза помрачнел. Подойдя к Алтын-карге, он приложил руку к сердцу и церемонно поклонился:

– Прости, уважаемый Иляс, но я должен увезти пленника в город. Я немедленно сообщу тебе, как только что-нибудь станет известно о Рифате.

– Но ты обещал! – вскочил Иляс.

– Именем хана! – поднял правую ладонь начальник стражи...

* * *

Войдя в комнату для гостей, Азис-мурза увидел развалившегося на низком широком диване жирного человека в богатой одежде. Держа у рта гроздь винограда, тот ошипывал ее толстыми губами и причмокивал от удовольствия. Его борода слиплась от сладкого сока, а маленькие глазки сияли блаженством.

Джафар! Именно его Азис-мурза сейчас менее всего желал бы видеть, но именно Джафар лопал виноград, развалившись на диване в комнате для гостей.

– Хороший виноград, – вместо приветствия сказал толстяк. – Вкусный.

Мурза отстегнул саблю и бросил на ковер. Потом лег рядом, сунул под голову подушку и устало вытянул ноги.

– Охота была удачной? – покосился на него Джафар.

– Чего ты хочешь? – вместо ответа спросил начальник ханской стражи.

– Надеюсь, твой слуга успел вовремя? – Толстяк отбросил общипанную веточку и взял с блюда новую. – Нет, очень хороший виноград. Это еще прошлогоднего урожая?

– Да, – глядя в потолок, буркнул Азис.

Джафар раздражал мурзу буквально всем: необъятным животом – таким огромным, словно его хозяин вот-вот произведет на свет тройню, толстыми, похожими на масляные лепешки губами, чавканьем во время еды, пухлыми, как у младенца, руками, неумеренной жадностью до удовольствий, манерой вечно говорить загадками и неожиданно наносить визиты. Не человек, а скопище дурных привычек и пороков. Но приходится его терпеть, поскольку устами жирного турка говорили влиятельные особы из Константинополя.

– Да? – хихикнул Джафар. – А что «да»? Успел слуга, или была удачной охота?

– И то и другое. – Мурза закинул руки за голову и посмотрел снизу вверх на гостя. – Впрочем, тебе и так все известно.

Толстяк отложил кисть винограда и обсосал липкие пальцы. Азис деликатно отвернулся. Стоит только посмотреть на трапезу Джафара, как потом неделю кусок в горло не полезет.

– Из-за тебя у меня возникли сложности с Иляс-мурзой, – сообщил хозяин. – Урус-шайтаны украли его сына. Завтра Алтын-карга собирается к хану. Вернее, уже сегодня.

– А-а, – пренебрежительно отмахнулся гость.

– Ты приехал и уехал, – разозлился Азис. – А я тут живу! Иляс носит на шлеме перья серого кречета. Он из рода Чингиза и родня хану.

– У вас каждый второй мурза из рода Чингиза, – зевнул Джафар. – И все считают себя родней Гиреям. Но считает ли их своей родней сам Гирей?

– Алтын-карга пожалуется на меня. Пропал наследник его рода.

– Не пожалуется, – засмеялся Джафар. – Хан его не примет. Плюнь на этого мальчишку! Ты же умный человек и должен понимать, что им наверняка нужен был сам Иляс, а не его наследник. В лучшем случае этого молодца обменяют или отдадут за выкуп, а в худшем просто зарежут. Пусть это волнует его отца! У нас другие заботы.

Мурза едва сдержался, чтобы не наговорить гостю резких слов. Как у него все просто! Потолковал бы сам с Илясом, когда тот приставил тебе острие сабли к горлу. Наверное, сразу запел бы по-иному! И не толстому Джафару оправдываться перед ханом Гиреем, а ему, Азису. И ему же придется искать змеиное гнездо, где привечали урус-шайтанов. Хотя оно уже найдено и даже пойман приказчик греческого купца. С ним тоже предстоит долгая беседа.

– Хитростью можно и льва поймать, а одной только силой и мышью не изловить, – погладив себя по животу, изрек Джафар. – Ты спрятал пленника?

– Тебя интересует урус? Да, он в надежном месте.

– Чок гюзель! Очень хорошо! Пусть его кормят и охраняют, чтобы не сбежал. А с другим можешь поступать как заблагорассудится. Он меня не интересует.

– Спасибо, – фыркнул мурза. – И долго мне кормить уруса?

– Наступит день, и тебе скажут, что делать дальше, – назидательно поднял палец гость. – Запомни, урус должен быть цел и здоров! Даже не мечтай отдать его своим костоломам. Тогда ты значительно больше потеряешь, чем найдешь.

Кряхтя и отдуваясь, турок сполз с дивана и, переваливаясь, как утка, прошелся по комнате, ковыряя в зубах остро заточенным перышком фазана. Глядя в его жирную спину, туго обтянутую парчой халата, Азис тихо спросил:

– А хан? Гирей может потребовать его голову.

– Не потребует. Это я тебе обещаю, – гордо похлопал себя по пухлой груди Джафар. – Пока мы друзья, ты всегда будешь пользоваться его благорасположением. Пожалуй, я останусь у тебя, немного отдохну. Кстати, ты не знаешь, Сеид вернулся? Мне нужно купить красивую девку.

– Ты ведешь дела с перекупщиком рабов? – презрительно скривил губы мурза. – Впрочем, как знаешь. Сеид в городе. Кстати, говорят, Алтын-карга купил для сына русскую рабыню удивительной красоты. Поскольку сына украли, может быть, и рабыня ему теперь ни к чему?

Турок засмеялся и подмигнул, выражая одобрение двусмысленной шутке хозяина и благодарностью за совет. Подойдя к окну, он поглядел на отливавшее перламутром небо и вздохнул:

– Уже утро... Хорошо, что я вовремя успел. Прикажи приготовить мне постель и пришли девчонку согреть простыни. А на завтрак пусть зажарят молодого барашка и подадут твой чудесный виноград...

* * *

Услышав за дверью шаги, Настя поняла, что сейчас войдет тот, кого Варвара прочит ей в мужья и повелители. Она достала кинжал и заметалась, не зная, где лучше его спрятать. Кто его знает, хозяйского сына, – вдруг прямо с порога накинется на нее, как голодный на хлеб, потащит на кровать или просто завалит на ковер? Крики и сопротивление могут только рас-

палить его страсть или вызовут приступ гнева, и тогда ее свяжут, силой заставят подчиниться. Она решила всадить кинжал Рифату в грудь, когда он приблизится к ней. Наверняка татарченок захочет ее обнять, Настя сделает шаг ему навстречу и мгновенно ударит клинком в горло или в сердце!

Анастасия зажала в левой руке вышитый платок, а правую руку с кинжалом спрятала за спину.

Шаги замерли у дверей, створки распахнулись, и через порог шагнул высокий юноша. Двери немедленно закрылись, но Настя знала, что проклятые старухи не ушли, а остались на лестнице. Она взглянула на Рифата и поразилась его удивительному сходству с отцом – тот же медный цвет лица, такие же карие глаза и даже такая же красная шапка, отороченная мехом степной лисицы. Словно в комнату вошел чудесным образом помолодевший Иляс-мурза. Как в волшебной сказке, исчезли морщины, разгладились жесткие складки около рта, пропала седина в бороде и усах.

Юноша был красив и хорошо сложен, но Анастасии он показался отвратительным чудовищем, готовым, как вампир, прокусить ей шею и высосать всю кровь до последней капли. Тяжело дыша и чувствуя, как на лбу бисеринками выступил холодный пот, девушка отступила в глубь комнаты, пряча за спиной нож.

Но Рифат не спешил подойти к ней. Он остановился у порога, чуть заметно вздрогнул и широко открыл глаза, пораженный красотой рабыни. Да, мать и отец говорили, как она хороша, но действительность превзошла все его ожидания. Какие дивные светлые волосы, наверно, очень мягкие и пушистые. Изогнутые, как лук, манящие пухлые губы, словно созданные для сладострастных поцелуев. А глаза? Будто глубокие озера, зовущие нырнуть в их зеленоватую голубизну и остаться там навсегда, забыв обо всем на свете.

Как грациозно изогнулся ее стан, какая маленькая ножка в расшитом сапожке упиралась в цветистый ковер на полу. Высокая грудь вздымалась от волнения и туго натягивала тонкую ткань пестрой рубашки, заставив распахнуться вышитую курточку. У кого сладко не замрет сердце при виде такой чаровницы, тот не мужчина!

– Гурия, – едва слышно прошептал Рифат.

Девушка отступила еще на шаг, и юный мурза отметил, как легко она двигается: плавно, словно плывет по воздуху. Или это просто у него легко закружилась голова от прилившей к ней жаркой крови? Мать говорила, что новая рабыня своенравна и непокорна, как необъезженная кобылица. Ну что ж, ему не раз доводилось объезжать взятых из табуна коней и подчинять своей воле юных прекрасных рабынь. Справится и с этой. Просто она еще не знает, сколько радости он готов ей доставить, отдав всего себя без остатка. И лучше, если она сама пойдет навстречу.

Не стоит ее пугать, жадно набрасываясь прямо от порога. Пусть еще немного продлится восхитительная игра. Все равно она будет принадлежать ему и делить с ним ложе, когда он этого захочет.

– Чего ты боишься? – ласково спросил Рифат и сделал шаг к ней. – Тебе будет хорошо со мной.

– Уйди! – глухо ответила девушка, и ее ненавидящий взгляд заставил молодого мурзу остановиться.

Ах вот как, рабыня хочет показать свой нрав? Неплохо! Тем слаще будет тот миг, когда он сожмет в объятиях ее упругое трепещущее тело, сорвет одежду, скрывающую лоно любви.

– Уйди добром! – угрожающе повторила Анастасия.

Юный мурза тихо рассмеялся. Пожалуй, хватит! Огненный вихрь желания уже замутил его разум: в объятиях такой красавицы и долгая ночь покажется короткой. Он сделал еще шаг к девушке.

– Не подходи!

Рифат чуть пригнулся, готовясь одним прыжком преодолеть расстояние, отделявшее его от прекрасной рабыни, но в этот момент раздался жуткий треск. С грохотом рухнула резная узорчатая решетка окна, и в комнату влетели похожие на чертей люди с черными лицами.

Анастасия помертвела от ужаса. Она не могла открыть рот, чтобы закричать, не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой, как будто ее туго спеленали невидимыми, неосязаемыми, но очень крепкими веревками. Только из ее уст вырвался сдавленный стон.

Перекувырнувшись в воздухе, как дикая кошка, один из чертей тут же встал на ноги и обрушил могучий удар на Рифата. Юный мурза рухнул лицом вниз, словно подкошенный.

Черные люди были высоки ростом, поджары, с очень широкими плечами и узкими бедрами. У каждого из них что-то торчало из-за левого плеча и спускалось вниз по спине. Неужели черти так привязывают свой хвост, чтобы не мешал? Прижавшись к стене, Настя расширенными глазами смотрела на происходящее, не в силах даже сотворить молитву Богородице, попросить спасти от страшной напасти.

А черные люди молча сновали по комнате, не обращая на Настю никакого внимания. Рифату связали руки и ноги, сорвали со стены ковер и начали закатывать в него юного мурзу. И тут внезапно распахнулась дверь: привлеченные шумом старухи решили посмотреть, что случилось.

– Шайтан! – завопила одна из них.

Черный человек взмахнул рукой, и старуха исчезла, будто ее и не было. Хлопнула дверь, кто-то покатился вниз по лестнице, вопя от страха.

– Уходим! – крикнул тот, кто убрал взмахом руки противную старуху.

А второй, легко вскинув сверток с мурзой на плечо, подскочил к Насте и выхватил у нее из рук платок:

– На память!

Еще мгновение – и они выпрыгнули в темноту за окном. И тут Анастасия словно очнулась от колдовского сна. Разве могут черти говорить на русском языке? Это какие-то смельчаки проникли в дом Ильяса и украли его сына. Какая ей разница, кто они – разбойники с большой дороги или беглые полоняники, скрывающиеся в лесах и горах, – если вдруг появилась возможность убежать вместе с ними. Она готова жить в глухих дебрях или в пещере, неделями не видеть куска хлеба, страдать от холода и жажды, лишь бы вновь обрести свободу.

– Меня возьмите, меня! – подбежав к окну, что было сил закричала девушка, но ее голос заглушил переливчатый разбойный посвист, от которого заложило уши.

Во дворе призрачными тенями метались всадники. Бухнул выстрел, послышались яростные крики, но наездники уже ускакали. В отчаянии Анастасия стукнула кулачком по раме окна: они не услышали ее, не вернулись, не взяли с собой! Но, может быть, еще не все потеряно?

Весь дворец гудит, как растревоженное осиное гнездо: хлопают двери, воют женщины, ругаются мужчины. Среди шума и неразберихи, может, удастся выбраться на улицу и завладеть конем, поскакать вослед за отважными всадниками. Она догонит их, непременно догонит! Кинувшись к дверям, она ударила в створки плечом, распахнула их и наткнулась на лежавшую в луже крови старуху. Раскинув крестом руки, та смотрела остекленевшими глазами в низкий потолок. В груди у нее торчал кинжал – точно такой же, как тот, что девушка нашла в саду.

Анастасия охнула и зажала рот ладонью. Оказывается, вот кто его обронил! Теперь несдобровать, если татары найдут у нее кинжал. Но как расстаться с ним – единственной надеждой на спасение? Она спрятала кинжал под курткой и начала спускаться по лестнице, настороженно прислушиваясь к тому, что делалось в доме. Где-то надрывно кричала женщина, бряцало оружие, громко раздавались команды Алтын-карги. Снизу, освещая путь факелами, торопливо поднимались несколько человек. Девушка метнулась к темной нише и замерла. Заметят ее или нет?

Мимо пробежали несколько вооруженных полуодетых татар, обдав ее запахом пота и прогорклого бараньего жира. На мгновение задержавшись у тела старухи, они вломились в комнату, и слышно было, как там все переворачивали вверх дном, крича на разные голоса:

– Рифат! Рифат! Где молодой мурза? Откликнитесь, хозяин.

Анастасия бросилась вниз по ступенькам и неожиданно наткнулась на старого мурзу.

– Ты? – Железные пальцы впились ей в плечо, заставив присесть от боли. – Где Рифат? Отвечай, ведьма! – Мурза встряхнул ее, как куклу, бросил на ступеньки и наступил сапогом на грудь. – Где мой сын?

– Я не знаю, – простонала Анастасия.

Нагнувшись, мурза ухватил ее за косу, намотал волосы на руку и рывком поднял девушку. Глухо стукнув, выпал из-под куртки кинжал. Настя сжалась, но все звуки заглушили топотом своих сапог слуги, спешившие на голос хозяина.

– Заприте ее, – приказал мурза и отшвырнул рабыню. – Коня!

Нукеры подхватили Анастасию под руки и поволокли в подвал, впихнули в тесную сырую клетушку без окон, громыхнула тяжелая дверь, лязгнул задвинутый засов...

О том, что наступил новый день, рабыня догадалась, когда за ней пришли оставшаяся в живых старуха и один из нукеров мурзы. Приказав подняться, повели девушку наверх. За окнами щедро сияло солнце, из сада доносилось веселое щебетание птиц, но внутри дома царили печаль и уныние. Слуги перешептывались по углам, но замолкали при приближении маленькой процессии. Не слышно было ни смеха, ни звона посуды, ни крикливого голоса хозяйки.

Анастасия, измученная событиями минувшей ночи, едва переставляла ноги. В подвале было очень холодно, и она замерзла. Хотелось есть, слегка кружилась голова, тело сотрясал мелкий озноб. На душе тяжелым камнем лежала обида на саму себя, что не смогла бежать и потеряла кинжал. Если бы удалось сохранить его, утром нашли бы только ее безжизненное тело. Взаперти Настя не спала, боясь сновавших под ногами крыс. Не давали спать не только мерзкие твари, но и тяжелые раздумья. Шаря руками по стенам клетушки, она хотела отыскать какой-нибудь крюк, чтобы зацепить за него сплетенную из лоскутов разорванной рубахи веревку и повеситься. Но зацепить веревку оказалось не за что.

И вот теперь она идет в сопровождении старухи и мрачного нукера. Куда они ее ведут? К Варваре? Нет, свернули в другое крыло здания. Через несколько минут Анастасия оказалась в длинном зале, ярко освещенном солнцем. На стенах висели старинные сабли в дорогих ножнах, круглые медные щиты с тонкой чеканкой и длинные копья, украшенные конскими хвостами. На полу лежали толстые ковры, заглушавшие звук шагов. Под висевшими на стене скрещенными саблями сидел на диване сам Алтын-карга в неизменной красной шапке. Лицо его было хмурым, воспаленные глаза смотрели недобро.

Девушка не сразу заметила в зале еще одного человека – маленького остроносого старичка с лицом, побитым оспой, одетого в засаленный зеленый халат. На его голове была намотана огромная белая чалма. Старичок скромно сидел в углу и перебирал тонкими пальцами зерна простых деревянных четок.

«Он не нашел сына, – поглядев на мурзу, поняла Настя. – Значит, смельчаков с черными лицами не поймали».

– Моя жена хотела, чтобы тебя убили, – тяжело роняя слова, глухо сказал Иляс.

Старик в белой чалме молитвенно сложил ладони и провел ими по своей редкой бороде:

– О Аллах!

– Рабство хуже смерти, – криво усмехнулся мурза. – Ты будешь жить, но не получишь свободы. Никогда!

Старик горестно вздохнул и опять провел ладонями по бороде, но промолчал, видимо, не желая досаждать хозяину своими замечаниями.

– Мне тяжело видеть тебя в своем доме и даже знать, что ты ходишь по одной земле со мной, – продолжал Алтын-карга. – Самой большой моей глупостью было послушаться совета жены и купить для Рифата русскую рабыню. Но я исправлю свою ошибку! Сеид, тебе нравится товар?

Он обернулся к старику. Тот подслеповато сощурился, разглядывая Анастасию. Потом поманил ее пальцем:

– Подойди!

Девушка не тронулась с места. Тогда старик сам подошел к ней и оглядел со всех сторон.

– Она своенравна и непокорна, – сказал мурза. – Но я хочу получить обратно те деньги, которые заплатил за нее бен-Нафи. Пусть все вернется на свои места.

– Тогда ее надо отправить к урусам, – желчно заметил старик. – Понимаю, ты надеешься обмануть судьбу и, сделав круг, снова вернуться туда, откуда вышел. Но поможет ли это тебе вновь обрести наследника?

– Замолчи! – неожиданно разъярившись, прикрикнул Иляс.

– Молчу, молчу, – примирительно поднял ладошки Сеид. – Я беру ее и верну то, что ты заплатил. Не надо сердиться, Аллах милостив и милосерден, все в его воле. – Присев на краешек дивана, он выудил из-под полы халата грязный кошелек и отсчитал монеты, бормоча себе под нос: – Вот, золото всегда блуждает по свету. Богатых делает нищими, бедняков – богатыми, лишает девушек невинности, разжигает войну и устанавливает мир, заставляет сыновей с нетерпением ждать смерти отцов... Пусть теперь оно отправится к достойному человеку, чтобы не смущать покой правоверных, подверженных грехам. Бери золото, мурза, а я забираю девушку.

Алтын-карга, не глядя, смахнул монеты в замшевый мешочек и бросил его на диван.

– Пойдем, тебе больше нечего делать в этом доме. – Сухие пальцы Сеида цепко ухватили Анастасию за локоть и потянули к выходу.

Не противясь, девушка пошла за работорговцем. Опять навалилась тупая апатия и хотелось только одного – чтобы ее оставили в покое, дали возможность где-нибудь прилечь и забыться, – ни есть, ни пить, устало закрыть глаза и тихо умереть, покинув этот жестокий, ставший тесным для ее души мир.

Во дворе их ждал с повозкой пожилой, но еще крепкий татарин с круглыми плечами борца.

– Замерзла, бедняжка. – Сеид передал рабыню слуге и с сожалением причмокнул губами. – Заверни ее в шубу и дай поесть. Совсем люди не умеют беречь товар.

Анастасию завернули в большой овчинный тулуп и уложили в повозку. Пожилой татарин сунул ей в руки кусок холодной баранины и ломоть лепешки.

– Ешь, приедем – дам горячего.

– Трогай, Мустафа! – забравшись на передок, велел Сеид.

Повозка покатила к воротам. Подняв глаза, девушка увидела в одном из окон прижавшееся к решетке бледное лицо Варвары. Отвернувшись, Настя оторвала зубами кусок лепешки и начала медленно жевать, не чувствуя вкуса. Пока жизнь продолжалась...

* * *

Лежа на охапке прелой соломы в углу каменного мешка без окон, Ивко пытался понять, как случилось, что стражники устроили засаду в доме Спиридона. Помнится, возвращаясь, он хотел поразмыслить: почему татары так быстро бросились в погоню после похищения мурзы? Вот ему и выдался досуг – размышляй сколько влезет, пока за тобой не придут палачи.

Свою тюрьму он уже досконально обследовал: простукал стены, исползал весь пол, тщательно ощупал дверь. Окон нет, дверь из толстенных досок, камни стен вплотную пригнаны

друг к другу, пол выложен из крупных булыжников. Любую надежду на побег нужно сразу же оставить и не тешить себя несбыточными мечтами, – видно, здесь придет конец его жизни. Конечно, жаль, но и так сколько раз он обманывал судьбу, уходя невредимым оттуда, где другие складывали головы. И какие головы! А теперь пришел его черед сложить свою. Дай Бог силы сделать это достойно.

Услышав лязг засова, серб насторожился: может быть, принесли похлебку? Азис-мурза не слишком щедр на кормежку – всего один раз в день миска жидкого варева и кусок черствой лепешки. За три дня Ивко уже успел проголодаться.

Дверь распахнулась, и появился мускулистый татарин в кожаной безрукавке, надетой на голое тело. Его бритая голова блестела в свете факела, который держал стоявший за ним стражник.

– Этот? – Бритоголовый хлопнул себя ладонями по толстым ляжкам, обтянутым грубыми суконными шароварами.

– Да, забирай. – Стражник зевнул.

– Мозгляк, кожа да кости. – Бритоголовый презрительно сплюнул, еще раз оглядел узника и засмеялся: – Работы на час, долго не протянет!

– Меньше мучиться. – Ивко поднялся и вышел из каземата. Вот и все. Палач не заставил себя долго ждать. Прощай, последний неласковый приют.

Стражник подтолкнул серба в спину, понукая быстрее переставлять ноги. После сырости каменного мешка во дворе показалось очень жарко, даже душно. Ярко сияло в чистом голубом небе солнце, порывами налетал ветерок, донося шум улиц, протянувшихся за стенами ограды. Оглядевшись, серб понял, что одной из стен служит тыльная часть известного всем окрестным жителям дома Азис-мурзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.